

**Пэйн Августина Де
Антисумерки. Блог вампира**

Аннотация:

Я переписала старые добрые "Сумерки" вместе с "Дневниками вампира". Как получилось - судить вам.

Часть I. Антисумерки. Начало.

Пролог

...мы шли по лесу, держась за руки. Пьянящий аромат крови Эдика, просачиваясь сквозь поры его кожи, манил меня. Дразнил меня. Провоцировал. Дикий вампир, живущий внутри каждого цивилизованного, подбивал на радикальные действия. Уговаривал: ты же сильная, ты справишься, ты просто попробуешь и остановишься. Ведь ты же хочешь этого? Хочешь прикоснуться к нему, хочешь нащупать языком его сонную артерию, дотянуться до неё клыками...

"Цыц!" -- мысленно шикала я на своего Внутреннего Дикого, и он утихал на минутку, мерзко хихикая и скаля длинные, острые-острые клыки. А потом вновь принимался покусывать: ну давай же, давай... всего глоточек. Ну, парочка. Или троечка, да не помрёт твой Клюев! Ты посмотри, какой большой! На десятерых хватит!

"Цыц..." -- слабело моё сопротивление, и Внутренний Дикий, ликуя, продолжал уламывать: это же так просто! Посмотри, он ничего не подозревает, давай, давай прямо сейчас, ну, пока он отвернулся, смотри, вот она -- артерия!..

Я задержалась, Эдик шагнул вперёд, и я прыгнула на него, обвивая ногами талию, рывком запрокидывая его голову назад. Мгновенно набухшие вены заплясали перед глазами... пляска вен сменилась пляской звёздочек и дикой болью в спине и затылке -- Клеуеву каким-то непостижимым образом удалось меня скинуть, и я нехило приложилась о сосну.

Эдик пятился, наблюдая, как я поднимаюсь, вытряхивая из волос иголки и кусочки коры. Да уж... а эту прядь придётся выстричь -- с таким количеством сосновой смолы и моему шампуню не справиться!

Ну, Эдик. Ну, погоди!

Я зарычала, пригибаясь к земле, и потянулась к Эдуарду Клеуеву скрюченными в пароксизме страсти пальцами. Если бы он не рванул тут же, куда глаза глядят, не разбирая дороги, то эта круглая полянка между пятью сосёнками стала бы местом его смерти.

Окончательной и бесповоротной! Я оцарапала его, когда пыталась укусить, и запах свежей крови, стократ более сильный, чем обычно, позволил Внутреннему Дикому стать Внешним.

Фролищенским борам и в страшном сне не снилось, что по ним будут мчаться, сломя голову, бешенная вампирша и удирающая от неё обречённая жертва...

Глава первая. Вот такие впечатления.

Пфшшшхх! Плюх... Пфшшшхх! Шмяк...

Так летают по квартире вещи. Именно так -- когда кто-то пытается принудить взрослую, умную девушку делать то, чего она не желает.

-- Я -- туда -- не -- поеду! -- кричала я, взрослая и умная, вслепую выдёргивала из шкафа и с такой скоростью швыряла мимо разложенного на полу чемодана кофты, юбки, брюки, что постоянно хотя бы одна вещь находилась в воздухе. А то и две. Или три. Стянутые в хвостики волосы сердито хлестали меня по щекам. -- И если ты -- думаешь, что я -- поеду!!! Ты -- ошибаешься!

Концерт с цирковыми номерами был адресован маме, а она лукаво улыбалась, делала вид, что не замечает истерику, подпиливала ногти. Её струящееся алое платье, безупречный вечерний макияж и высокая укладка были бы уместны где-нибудь на светском

рауте, а не в комнате, где идёт погром.

Вот сейчас докидаю вещи -- за мебель примусь!

Вчера она спросила меня, а не хотелось бы мне отправиться куда-нибудь отдохнуть? "Да-да-да!" -- не раздумывая, ответила я. И так обрадовалась! Ведь столько лет мечтала отправиться за границу! Весь последний год отслеживала новинки пляжной моды! Даже научилась ходить в этих пыточных туфельках, что состоят из подошвы-платформы, шпильки и пары тесёмок. Я запорхала по квартире мотыльком-бражником вокруг лампочки, нырнула в Интернет, проверить, где нынче отдыхать модно -- в Марокко или на Сейшелах?

А мама молчала. Наблюдала и молчала. Вот если б она сразу сказала, если б она меня остановила! Так нет же, дала собрать все любимые и новые купальники, парео и шлёпки, разложить любовно всё это великолепие по тонам и оттенкам, а потом уже прикинулась, что падает в обморок: ах!

Она изумлённо отшатнулась от раскрытого чемодана с аккуратными рядочками упакованных в хрустящий целлофан neodёванных купальников:

-- Дочь... ты во Фролищах ничего кроме этого носить не будешь?

Я так и застыла в позе Статуи Свободы -- вместо факела рыжее парео. Стояла и ловила ртом то ли ускользающий воздух, то ли рвущиеся с языка слова (потому что такие слова не говорят мамам, которые из лучших побуждений отправляют дочек на лето в деревню).

Мама спокойно и тихо перефразировала:

-- Тебе во Фролищах точно ничего больше не понадобится?

Я швырнула парео об пол, топнула ногой, взвыла белугой:

-- Мама, как я туда поеду?!

-- Поездом.

-- Мама!

-- Семнадцать лет мама.

-- Я не поеду!

-- Это не обсуждается.

-- Ну что я там буду делать?

-- Отдыхать летом, потом заканчивать школу.

-- Зака... что? Ты хочешь сказать, там ещё и школа есть?!

-- Конечно, и, знаешь, что я тебе скажу...

-- Знаю! Каков процент выпускников фролищенской школы, поступающих в престижные вузы!

-- Он высок.

-- Мама! Мама, я не поняла, при чём вообще тут школа, если я еду на лето?! -- да, я умная девочка, и всё уже поняла, однако решила уточнить.

-- Но я уверена, -- мама усмехнулась одним уголком рта, -- даже более чем уверена, что тебе там понравится. Ты останешься там на лето, осень, зиму, весну... -- улыбка медленно, со скрипом покидала моё лицо. Подумать только, целый год во Фролищах! -- И дашь мне пожить в моё удовольствие. Ты ведь взрослая девочка, ты понимаешь, что иногда маме нужно побыть... не одной.

Я стиснула зубы, рывком распахнула дверцы шкафа, и вот тогда-то и полетели во все стороны вещи. Траектория полёта модных оканчивалась рядом с чемоданом, из которого так и не были убраны ни одно парео, ни один купальник -- ведь есть же во Фролищах озеро! Не то речка. Не то что там у них есть... -- а те, что показались мне старыми и немодными, летели в сторону мамы, с недолётами, разумеется, на кровать и на стол...

-- Курточку тоже возьми, Надь. Лёгкую. Тёплые вещи потом привезу.

Я зарычала.

Мама улыбалась. Мама подпиливала ногти.

Так вот и вышло, что я, послушная материнской воле, поехала навстречу

Фролищам в душном, раскалённом только что не добела вагоне, под назойливый перестук колёс. Мои кудряшки, ещё с утра тщательно промытые, просушенные феном, пушистые и каштаново-искристые, намокли от пота, почернели и слиплись в уродские спиральки. За окном в струящемся от жары воздухе тянулись назад столбы и ползли навстречу деревья на горизонте.

Вагон был плацкартным, а моё место боковым. Мозг, похоже, давным-давно расплавился и готовился к закипанию. А ведь из обещанных шести часов пути прошли пока только два! Сначала я пыталась листать книжку, специально купленную в дорогу -- какие-то новомодные вампирские бредни, но попытки оканчивались неудачами. Пока удалось понять только, что там одна законченная идиотка сама, по доброй воле, переезжала из большого города в какую-то немыслимую глушь. К папе. Ну совсем как я. Наверно, там её и сожрут вампиры. Бедные... да они же отравятся -- такой немыслимой дурой... Да, иногда мне нравилось читать, как бедняги-вампиры не переносят солнечного света, боятся чеснока, крестов и святой воды. Порой забавляли всякие рассказы про осиновые колья и прочие способы убийства, и я надеялась найти что-нибудь прикольное и в этой новой книжке... но всё это хорошо не при температуре в сорок градусов по Цельсию, не под мерный грохот поезда, не когда разжиженный мозг вводит тело в полусонный ступор. А уж если совсем рядом пытаются безвинное животное, не то козла, не то барана, а он так отчаянно блеет... стоп.

Ни козёл, ни баран не мог бы так отчётливо проблеивать слова.

Слова русского языка.

-- Изгиб гитары жо-о-олтый... ты обнимешь не-е-ежно... струна осколком эха пронзит тугую высь...

Я отлепила висок от стенки, а взгляд от пейзажа, выглянула в проход и сразу же увидела "животное". Оно сидело на краю купейного нижнего места, притопывало волосатыми ногами, перегораживая проход, благо, никто никуда не собирался идти, самозабвенно трясло головой, и заплетённая в косичку жиденькая борода при этом смешно подпрыгивала.

"Какое кошмарное животное", -- подумала я и снова обратила взор в окно. Умеренно пыльное стекло позволяло вдоволь налюбоваться выгоревшими под солнцем полями, вялыми деревьями, струящимися в знойном мареве. Однако это занятие надоело уже час назад.

Закрыла глаза, попыталась состроить пару планов на ближайшее будущее, но жидкий мозг вместе с планами словно ложечкой помешивало блеянье косичкобородого менестреля.

Он домучил, немилосердно фальшивя, последние аккорды песни, выслушал жалкие хлопки своих спутников, которых, судя по голосам, у него было двое, выждал минутку и снова затянул:

-- Изгиб гитары жо-о-о-олтый...

Я пару раз, несильно, стукнула затылком о перегородку. Не помогло.

Ну какого угодно развлечения мне хотелось, но только не такого!

Песня и поезд соревновались, кто медленнее доползёт до пункта назначения. Поезд выиграл, потому что никакого города Дзержинска в ближайшие четыре часа не предвиделось, а песня уже кончилась.

"Если он заведётся в третий раз"...

Додумать не успела:

-- Изгиб гитары жо-о-о-олтый...

Я встала, на одном вдохе пропуская сквозь себя многослойное амбре сотни человек, разогретого вагона, чая, кофе, пива, еды. Первые шаги дались с трудом, поезд норовил вывернуться из-под ног. Я поймала нужный ритм и пошла, даже не придерживаясь за перегородки.

Борода-косичка прыгала с каждым шагом всё ближе. Вскоре удалось вычленив запах "менестреля", отделить от остальных, и тут я не удержалась, чихнула -- ну и противно

же он пахнет, этот косичкобородец! А уж голос его, особенно вблизи, так вообще кошмар. Сам певун оказался довольно-таки молодым, не более тридцати-тридцати пяти лет на вид, несмотря на чуть ли не полуметровую бороду. Рыжеватые волнистые волосы, прозрачные, почти бесцветные глаза, загорелая кожа -- ну совершенно не мой тип мужчины.

Кислые лица соседей по вагону поддерживали решение заставить умолкнуть этого молодого человека, если не навсегда, то до конца его пути в этом поезде.

Мне казалось, я пышу пламенем, и сам факт моего появления рядом с косичкобородым уже привлечёт его внимание и оборвёт мучительную песнь, но он нагло игнорировал меня и продолжал бляеть.

Нет, ну разве так можно... разве можно так не уважать стоящего рядом с тобой человека? Пусть не совсем человека, но всё же!

Я взялась за тёплую трубу с подножкой, наклонилась к певцу. Сказать ему - "замолчите, пожалуйста"? А он ответит, что поёт тихо и никому не мешает. А люди не помогут отстаивать тишину, слишком все зажаренные. Сказать - "Заткнись"? Нет, не могу так. Попросить спеть другую песню - но, похоже, других он просто не знает...

Я приблизила своё лицо к его, и он, наконец-то обратил на меня внимание, но не умолк. Пальцы продолжали терзать струны, а голос - слух окружающих:

-- Чьи имена, как ррраны, на сердце запекли-и-иись...

Я вдохнула.

Выдохнула.

На выдохе выпустила клыки и вздёрнула верхнюю губу.

-- Мечтаййкх-кх-кх... -- с готовностью закашлялся певун, и водянисто-голубые глаза тут же растеряли всю наглость.

Я улыбнулась, втягивая клыки:

-- Мне кажется, мы друг друга поняли, да?

Он кивнул.

Всё-таки, хоть в книгах и редко пишут о вампирах правду, на том, что вампиры клыки пугают людей, все сходятся. Людям, даже самым нахальным, страшно, когда у них под носом голодный вампир скалит зубы.

О том, что я вампир, я узнала рано, года в три, не позднее. Мне нравилась "сладкая красная водичка", которую сначала раз в день, потом раз в два дня, потом всё реже и реже давала пить мама. К пяти годам чётко усвоила: не стоит всем подряд рассказывать о вампиризме и показывать клыки. К одиннадцати (не без помощи мамы) поняла, что кровь надо пить только тогда, когда при каждом движении начинается изжога, а перед глазами всё гуще вьётся пёстрая мошкара -- а это ведь не чаще одного-двух раз в месяц.

Я пожалела, что пугнула косичкобородого клыками, уже втягивая их. Думать надо было, мало ли, завизжит, или там что... но он, на удивление, промолчал. Только, пока шла к своему месту, взглядом прожигал дырочки в моей спине чуть пониже лопаток, пробуждая желание вернуться, накинуться на него -- и не выпить его кровь, а просто голыми руками сделать из одного большого певуна десяток небольших. Или сотню, смотря на сколько хватит запала. И матеряла.

Оставшиеся три часа пути прошли без музыки.

На каждой остановке я вылетала из вагона и мчалась на поиски глубоких подземных переходов, где можно было бы наглотаться до головокружения прохладного воздуха, помнила же, что на вокзале в Москве такие были. Но городишки попадались небольшие, станции маленькие, вокзальчики почти кукольные, и единственными холодными местами, которые они могли предложить, оказывались холодильники с пивом.

Я тоскливо гладила потеющие стёкла и возвращалась на своё место. Мозг постепенно сгущался от предстоящей встречи с папой. Последний раз мы виделись ровно год назад - когда приезжали во Фролищи на три дня с мамой. И почему они решили расстаться? Неужели только потому, что до папы никак не доходило: не дремучее средневековье на

дворе! В каждой больнице есть банк донорской крови, и её можно вполне легально приобретать через специализированный стол заказов, и, чтобы пить кровь, совсем не обязательно убивать людей. Но все три дня папа шарахался от мамы, а я порой перехватывала его взгляды. Когда ему казалось, что бывшая жена не видит, он смотрел на неё с любовью. С тоской. Так почему же они всё-таки расстались?

Папа встретил меня на вокзале. Он приехал в Дзержинск на казенной "Ниве", принадлежащей мугреевскому лесничеству, где работала его давняя подруга, Валентина Петровна Захарченко. Она, кстати, тоже приехала с ним, привезла в город какие-то бумаги. Всегда подтянутая, аккуратная, деятельная и улыбчивая, немного похожая на полицейского из американских фильмов в почти форменном тёмно-синем костюме -- я помнила её. Захарченко ничуть не портили довольно сильно выдающиеся вперёд крупные зубы и манера прыгивать с нижних ступенек и перепрыгивать даже незначительные препятствия, которые можно легко перешагнуть или обойти. Помнила я и то, что у Валентины Петровны есть дочка, Вера, только вот не видела её уже лет пять, минимум, как и старшую Захарченко.

Мы неожиданно оказались почти одного роста, а ведь раньше надо было заирать голову, чтоб смотреть в лицо собеседнице. Валентина перехватила меня прямо с подножки в цепкие руки. Притянула к себе, отодвинула, заставила покрутиться, поправила хвостики, пособлезновала, что пришлось так долго трястись в жарком вагоне, и принялась пронзительно взывать:

-- Фёдор Борисович! Фёдор!

Как будто на перроне толпы народа, и папа не видит, где мы стоим. Наверное, я была похожа на варёную грушу. Недовольная, вялая, сонная, мокрая от пота, помятая...

Мы не кинулись друг к другу, не принялись расцеловываться и обниматься. Фёдор Борисович Лебедев, высокий, сухощавый мужчина средних лет, мой родной и любимый папа, ничуть не изменился с прошлого года. Взял меня за плечо. Вздохнул.

-- Здравствуй, дочь.

Я знала, что он видит: что я очень, очень, очень похожа на мать.

Тоже вздохнула:

-- Здравствуй, па...

Теперь было и обняться. Как меня папа называл? Отродище бесовское, детище бесценное? Я не сопротивлялась, даже отвечала на объятья. Смотрела в небо над папиным плечом. Яркое, синее-синее, совсем не такое, каким виделось из окон поезда. И деревья вовсе не вялые. Да и жара уже не такая нестерпимая.

И паутина тоски всё гуще оплетала сердце.

-- Вот увидишь, -- неуверенно проговорил папа, -- вот увидишь, тебе понравится жить с нами...

-- Увижу, -- я обречённо опустила голову.

Под ногами через трещины в асфальте тянулась вверх тонкая остролистая травка. Макушку горячим языком лизало солнышко.

"Увижу, куда ж я денусь, -- думала я. -- Всё увижу. Грунтовые дороги, пыль по сухой погоде, грязь после дождей, разваливающийся частный сектор, хилые пятиэтажки, мирно пасущихся по обочинам коз и роющихся в пыли кур, всё-всё-всё. Я всё помню. И всё увижу. И буду смотреть ещё год. Но потом -- о, потом! Я уеду. И никто меня не удержит. А может, ещё и осенью уеду".

Мне было просто не поднимать головы, не встречаться взглядом ни с папой, ни с Валентиной Петровной. Я же ведь устала, да. А на самом деле -- боялась, что по выражению глаз они прочитают переполняющие меня безнадёгу и обречённость. Тётя Валя проявила чудеса такта, объявила, что во Фролищи вернётся каким-то там автобусом, и мы с папой поехали вдвоём.

Папа молчал.

Я молчала.

"Нива" старалась за троих, выводила рулады, подпрыгивая на колдобинах. Исключительно российская дорога, из тех, благодаря которым их возвели в ранг одной из двух русских бед, радушно подставляла под колёса все, какие только находила, выбоины и бугры. Или это просто у папы было мало опыта вождения машин по бездорожью... то есть по плохим дорогам.

Жил папа на Школьной. Я слишком хорошо, как оказалось, помнила эту улицу, да и вообще Фролищи. Тех недолгих свиданий с ними, что были в моей жизни, с лихвой хватило, чтобы в память намертво впечаталось это болезненно тихое место.

Подумать только, придётся делать вид, что здесь хорошо! Иначе ведь папа обидится. А мне с ним жить ещё год...

Изогнутые ряды деревянных домиков, редко который в два этажа, и грунтовая дорога между ними ничуть не изменились с прошлого, позапрошлого, поза-позапрошлого года... ну может быть, ещё сильнее обветшали. Я старалась внешне оставаться спокойной, но внутренне заматалась, оглашая отчаянным воем заросшие соснами окрестности.

Подумать только, лето -- лето!!! -- провести здесь! Вместо того, чтобы складывать штабелями поклонников где-нибудь на Сейшелах, вместо того, чтобы сортировать брюнетов, блондинов и шатенов по цвету глаз и объёму бицепсов где-нибудь на Мальдивах, я -- я! Надежда Лебедева! -- буду гнить этим летом в сосновом Фролищенском бору! Кормить комаров в Мугреевском лесхозе -- или как он тут у них называется!

Папа то ли не замечал, то ли успешно делал вид, что не замечает страстной тоски, отчаянно кипящей в моей душе. Видимо, я успешно вымучивала улыбки, хотя зеркальце в пудренице, когда поправляла макияж, отразило гримасу, которой место на лице человека, страдающего желудочными коликами.

Наш дом стоял напротив тех убогих пятиэтажек, что дали право Фролищам называться посёлком городского типа.

Уж лучше б он в пятиэтажке жил, что ли!

Выкрашенный в тёмно-зелёный цвет, обшитый "в ёлочку" узкими досками домишечко вынудил меня издать протяжный глухой рык.

Папа вздрогнул и отскочил.

Я закрыла лицо руками, словно пальцами уминала мышцы в состояние пригодное для показа людям, и пробормотала:

-- Прости, пап...

-- Да ничего, ничего... я подготовил тебе комнату на втором этаже.

-- На чердаке, ты хотел сказать?! -- возмущённо вскипела я.

Папа глубоко вздохнул.

По-моему, он только теперь как-то вдруг, внезапно понял, на что согласился, когда принял предложение мамы "приютить родную дочку до института".

И -- я видела это по глазам -- ему тут же захотелось присоединиться к моему стонущему рыку.

В прошлый раз мы с мамой ночевали на чердаке, где папа хранил сено. Папа ведь козу держал! Одну из тех бесстыжих пегих нахалок, что ужасным блеянием развлекали местных жителей в любое время суток. Что там, наверное, и сейчас держит. Козу.

Год назад это казалось таким романтичным и трогательным -- набитые сеном тюфяки, на удивление мягкие, ароматные... но стоило только представить, что на них теперь спать не две ночи подряд, а триста ночей, и вся романтика улетучивалась, а трогательным становилось положение бедной девочки, непривычной к сельской жизни.

То есть, моё положение. Полное безысходности и тоски.

Я не поднималась по лестнице, а ползла, крепко-накрепко зажмурившись. Папа шумно вздыхал внизу, ведь попросила же его не сопровождать в этой экскурсии, совершенно искренне опасаясь, что на двоих там, наверху, места не хватит. Одно дело маленькая девочка

и изящная женщина, а взрослая девушка и большой... ну хорошо, не особенно большой, но высокий мужчина -- совсем другое.

Лестница кончилась. Я пошарила руками в воздухе, нащупала стену и осторожно поползла дальше. Нащупала дверь... дверь?!

Открыла глаза. Косой луч света перечёркивал мягкий полумрак, и можно было разглядеть как следует, что изогнутая лестница через два поворота в четыре ступеньки каждый оканчивается прямоугольной, метр на полтора, площадкой, упирающейся в дверь.

Свет проходил в маленькое круглое окошко в торцевой стене. Боковые стены шли перпендикулярно полу до высоты в полтора метра, потом изгибались под углом градусов этак в сорок пять и встречались, видимо, где-то над центром комнаты.

Я нерешительно разглядывала светлую, пахнущую сосной, очень даже современную, словно пять минут назад из магазина, дверь. Вся такая филёнчатая, лакированная. Потрогала пальцами -- гладенькая такая.

Толкнула.

Дверь бесшумно повернулась на петлях, и вместо оставшегося в памяти сеновала передо мной предстала комната под стать двери. Светлая, чистая, с настоящей кроватью напротив входа, двумя окнами, в головах и в ногах кровати. На одной стороне с дверью современный шкаф-купе с зеркалами, на полу мягкий ковёр.

Нет, конечно, значительно хуже, чем дома, но... сойдёт.

Сойдёт.

Я добрела до кровати, рухнула в синтетические ароматы стирального порошка -- как его там? "Баллада"? "Легенда"? "Миф"? -- и разрыдалась.

Глава вторая. Закрытая книга.

Вечером я спустилась на первый этаж, к папе. Его, да и меня, вообще-то, тоже, страшно напрягало то, что мы никак не можем нащупать общую тему для разговора. Пыталась заговорить о чём-то я, и он начинал смущённо заикаться и терять нить беседы. Пытался предложить тему он -- и уже через минуту я понимала, что не понимаю, чего он от меня хочет.

Чего он вообще хочет!

-- Надя, а помнишь, когда тебе было семь лет, вы приехали на целое лето, и ты здесь сдружилась с Верочкой Захарченко? -- бодро завёлся папа, улыбочиво радуясь тому, что нашёл, наконец, благодатную тему.

Забыл, что она была первой и единственной, которую мы с ним обсудили очень даже живо в самом начале вечера.

-- Ага. Помню.

-- А потом вы уехали, а Вера три раза пыталась сбежать в Дзержинск, чтобы уехать в Москву.

-- Ага. Ты говорил. Минут сорок назад.

-- Да? Да... кхм...

После внушительной паузы я сделала не помню какую по счёту попытку завязать разговор:

-- А у вас тут супермаркеты есть?

-- Э, кхм... не дума... то есть, у нас замечательный военторг, да, там есть всё...

-- А какие бренды аксессуаров там представлены?

-- Бре... ак... что?

-- Ничего...

Мы сидели на просторной кухне, ждали, пока пропекутся приготовленные папой

кексы. Я размышляла о том, что новенькие поваренные книги на полке рядом с солонками и перечницами явно предназначаются для меня, не умеющей готовить, и в них наверняка полно картинок и пошаговых руководств по приготовлению тостов и яичницы с беконом.

-- А я что-то вспомнил сейчас, как тебе нравилось за нашим соседом, Иваном, наблюдать, когда он по улице ездил. Помнишь, у него был велосипед, "Салют", и ты могла часами крутить заднее колесо, когда он его переворачивал, и говорила, что, когда вырастешь, такой же себе заведёшь...

-- Пап...

-- Да?

-- Знаешь, что...

-- М-мм...

-- Давай не будем напрягаться и пытаться беседовать. Чем больше будем стараться, тем хуже получится.

Папа улыбнулся:

-- Ну, давай попробуем!

И мы в полной тишине дождались, пока кексы как следует подрумнятся.

За это время я почти без папиных подсказок разогрела макароны и подливку, которые обнаружились в холодильнике. Они еле заметно пахли Валентиной Петровной Захарченко, да и вообще по дому из угла в угол перетекал аромат её духов, из чего я сделала вывод, что она тут очень частая гостья.

Или живёт с папой, но съехала, узнав о моём появлении.

Надо будет сказать им, что я ничего не имею против личной жизни моих родителей. Пусть, что ли, тётя Валя возвращается... по меньшей мере, этим она избавит меня от необходимости осваивать кулинарную премудрость.

Кстати, подливка оказалась просто великолепной.

Ночь прошла кошмарно. Я никак не могла уснуть на новом месте. Всё было таким непривычным! И этот сильный смолистый запах досок, переплетающийся с ароматами соснового бора, начинающегося чуть ли не от выходящих в сад окон, и запахи проточной воды, и городской свалки, и свежего навоза, и пегой нахалки Упы в дощатом сарайчике, и немецкой овчарки Бурана в побелевшей от времени будке... я помнила, как маленькая лазала к нему туда прятаться, играя с мамой, и обижалась, когда меня быстро находили. Ещё не понимала, что мама всегда и везде отыщет меня по запаху.

Жгучими слезами накатило отчаяние.

Кажется, я только теперь по-настоящему поняла, что Фролищи -- это серьёзно. Что мне действительно не удастся сбежать отсюда по осени, и я не приду в свою родную гимназию хвастать ровным заггаром и свежим цветом лица, обрётёнными на козьем молоке и качественной донорской крови. И мама не сжалится надо мной. Она лучше материально поможет при поступлении в вуз, чем будет заботиться о том, чтоб последний мой учебный год прошёл среди друзей...

Хотя, чего уж там, друзей у меня как раз и не было. Сколько себя помню, девчонки меня избегали и сторонились по непонятной для меня причине, а мальчики расценивали вначале как объект для травли, а потом, когда стали постарше, для любви. Что я, виновата, что ли, в том, что среди моих одноклассников так и не нашлось ни одного нормального человека, способного разглядеть за отличной успеваемостью, приятной ухоженной внешностью и стильной одеждой мою тонкую натуру? Мою потребность быть ласковой и нежной... трепаться вечера напролёт по телефону про то, что сказал Вася, как посмотрел Петя и какая стерва эта Маринка... ходить на концерты в филармонию и на премьеры американских блокбастеров, выезжать на "Нашествие" и фестиваль воздухоплавания...

А вот Вера Захарченко, наверное, не будет обращать внимание на то, во что я одета и какой фирмы у меня босоножки, в каком салоне мне делали педикюр и сколько карат

в бриллиантах моих серёжек. Я их, кстати, тут и носить не буду.

Так, за горестными мыслями, постепенно переходящими в планы на ближайшее будущее, меня и сморил сон.

С вечера я забыла задёрнуть шторы, и поэтому проснулась утром от лезущего в глаза солнца. Бррр... не люблю так просыпаться. Надо впредь быть осторожнее.

В утреннем свете, заряженная незамутнённым позитивом самого начала дня, комната показалась чуть приятнее, чем накануне. Мягкий ковёр щекотал ноги, пробуждал странное желание: упасть на него и покататься, как катаются кошки по траве. Папа тихо напевал что-то, звеня посудой на кухне. Я сходила умылась, разобрала вещи, скинутые в чемоданах в шкаф. Надолго застряла перед зеркалом, выбирая наряд. Остановила выбор на потёртых джинсовых шортах и короткой оранжевой маечке, цвет которой придавал живости моим глазам и волосам. Немного подумав, всё-таки подкрасила веки и ресницы. Папа не заметит краску, а взгляд будет более выразительным.

На кухне меня ждали папа с любящей улыбкой и комплексный завтрак из горячо ненавидимой овсянки со свежей малиной. Судя по тому, что рядом с тарелкой, полной овсянки, стояла моя чашка с крышечкой, это питательное витаминное блюдо предназначалось для меня.

На другом конце узкого стола стояла тарелка с жареной колбасой и вчерашними макаронами с подливкой.

Я без раздумий подтянула к себе колбасу с макаронами.

-- Доброе утро, папа!

-- Доброе утро, милая. Ты... уверена, что...

-- Ага, там макарон оставалось много, и подливки тоже, доставай, разогревай... кстати, почему ты сразу на двоих не согрел? Думал, я поздно встаю?

-- Н-нет, думал, вы с Кариной привыкли к здоровому образу жизни...

-- Па, мой здоровый образ жизни -- это вкусная и бесполезная еда ежедневно плюс двести пятьдесят граммов крови раз в месяц.

Папа побледнел.

-- Но... овсяные хлопья, они определённо полезнее, чем...

-- Пап, ты же не хочешь, чтобы моё существование здесь стало совсем серым и безрадостным?

Папа вздохнул и взял тарелку с овсянкой. Поковырял её пару минут, махнул рукой, отставил в сторону и пошёл за колбасой.

Я, расправившись с едой, вылавливала малину из овсянки. Наблюдала за папой. Изредка мы встречались взглядами. Он смотрел робко и как-то жалобно. Я старалась, чтобы в моём взгляде было больше уверенности.

Должен же хоть кто-то в семье сеять позитив.

Конец первого семейного завтрака ознаменовало удивительное событие.

Папа, преисполнившись значительности, встал передо мной, я невольно поднялась за ним следом, он возложил широкие ладони мне на плечи и торжественно проговорил:

-- Надя! Я подумал о том, что, раз ты переехала жить во Фролищи, тебе не мешает собственный... собственное средство передвижения.

Я почувствовала, как уголки губ тянутся вверх и в стороны:

-- Ой, папа! Это правда?!

-- Да, конечно, милая.

Я не верила своим ушам. Не думала, что у папы хватит средств купить мне автомобиль, а ведь, если ушам всё-таки поверить, он сделал это!

-- Папочка... а где...

Окна моей комнаты выходили одно на улицу, второе во двор, и ещё утром я

смотрела в оба, и не видела никакой машины. Вряд ли папа приобрёл что-нибудь из того, что мне нравилось, но, думаю, на первое время, да ещё и во Фролищах, мне бы хватило чего-нибудь попроще. Например, "Лады-калины"... нет. Для папы она неподъёмна по цене. Может быть, что-нибудь малолитражное и бэ-у... "Ока"... мысли, в принципе, безрадостные, всё равно подняли моё настроение до заоблачных высот.

Папа всё ещё держал меня за плечи, поэтому ему не составило труда развернуть меня и вывести во двор, закрывая мои глаза ладонями.

-- Но где...

-- Здесь, у порога.

У порога, радостно сверкая свежей краской и всеми спицами стоял велосипед. "Салют".

Я так и села. Да, я в буквальном смысле этого слова села на порог, чтобы не свалиться с него.

-- Папа... -- голос был не моим. -- Папа! Что это?!

Он присел за моей спиной на корточки:

-- Ну... ты не рада?

-- Ты ещё спрашиваешь, -- сквозь отчаянно стиснутые зубы выдавила я и, перепрыгнув через папу, рванула к себе в комнату.

Ох и досталось моей подушке! Перья припорошили всё и вся, а я, разрывая наперник на ленточки в полсантиметра шириной, мечтала, что вот сейчас оторву последнюю и спущусь вниз.

Выдерну спицы, все, все, до единой... я знаю пару тёплых мест, где им понравится!

Ворох перьев, получив от меня волшебный пендель, кружил по комнате, меняя цвет ковра. Оценить масштабы предстоящей уборки было несложно.

Папа вздохнул на лестнице у дверей моей комнаты.

Ну ёлки-палки!

Щёки запылали от стыда. И уши.

И за что я с ним так? Он же хотел, как лучше.

Я тихо выбралась на лестницу. Стайка пёрышек выпорхнула за мной, пара кудрявых прицельно легла на лопатки к папе.

А ведь он, и правда, ангел.

Прижавшись горячей щекой к его плечу, я долго-долго молчала в сумраке лестницы. Потом тихо-тихо, робко-робко попросила прощения. И он обрадовался, как ребёнок, и чуть не на руках отнёс вниз, предложил устроить праздник по случаю примирения.

Я смаковала ледяную минералку и думала. Мысли, поначалу тяжёлые и неповоротливые, становились всё легче.

Нет, ну правда же, то, что мы не в силах изменить, мы должны принимать. И если судьба дарит нам бесперебойную поставку лимонов, это знак, что пора открывать фабрику по производству лимонада.

-- Па...

-- Да, милая?

-- Я пойду, то есть, поеду, покатаюсь.

Он просто просиял:

-- Хорошо, милая! Только не отъезжай далеко!

Я бы, может, и рада была отъехать подальше, да, видимо, не судьба.

Чуть ли не у самого порога мне встретилась смутно знакомая парочка. Я, определённо, видела их обоих раньше. Очень высокий и очень худой парень лет семнадцати с короткими чёрными волосами и тёплыми серыми глазами за выпуклыми стёклами очков

а-ля Гарри Поттер и девушка ростом ему до уха, то есть на полголовы выше меня, с толстой русой косой до пояса, чуть раскосыми светло-кариими глазами и телом Мишель Брент, одной из рельефнейших культуристок. Лёгкий шифоновый сарафанчик смотрелся на её фигуре нелепо, больше подошёл бы парадный купальник для соревнования.

Составив одну ногу на землю, я подождала, пока парочка подойдёт ближе, мысленно примеряя на неё имена тех, кого здесь можно встретить -- из тех, кого знаю.

-- Вера? -- спросила я девушку, когда она уже почти поравнялась со мной. -- Вера Захарченко?

Девушка широко улыбнулась:

-- А я-то уж думала, не признаешь! Ну ты, столичная штучка!

Чудом удалось сдержаться и не увернуться от дружеского похлопывания по плечу, которое, несмотря на внушительность бицепса похлопывающей, оказалось почти невесомым.

-- Мне кажется, ты... несколько изменилась, Вер!

-- Да, есть немного. Знакомься, это Фил, мой будущий муж. Фил, это Надя Лебедева, помнишь, я тебе про неё говорила?

Юноша закивал часто-часто, чуть не роняя очки, и очень приятно улыбнулся. Его круглое бледное лицо, ничем не примечательное, меня бы в жизнь не привлекло, а вот поди ж ты -- будущий Верин муж.

-- И когда свадьба? -- нелепо спросила я.

А они смутились, порозовели, взяли друг друга за руки, переглянулись... похоже, ничего нелепого для них в моём вопросе не было!

-- Мы думаем, на следующий год, -- красивым баритоном сказал Фил.

-- Или ещё через годик, -- подтвердила Вера. -- А ты надолго к нам?

Пришлось задуматься. Ответила предельно честно:

-- Не знаю. Наверное, как раз на годик...

Дальше осматривать окрестности я отправилась в компании Веры и её жениха.

По улице Школьной, как, впрочем, и по любой другой пересекающей посёлок, можно было быстро добраться до речки, что мы и сделали.

Лух Великий впечатлял. Не слишком широкий, но извилистый, он неторопливо тёк куда-то по своим делам. И вода в нём меняла цвет в зависимости от угла зрения, казалась то синей, как небо, то коричневой, как шоколад. И тот, и другой оттенок прекрасно сочетались с сосновым бором по обоим берегам и белым-белым песком.

Мы вышли на поросший рогозом бережок чуть левее песчаного пляжа, Вера мечтательно прислонилась к худенькому плечу Фила, и он ласково обнял её:

-- Не замёрзла, моя маленькая?

-- Нет, мой хороший, а ты?

-- Нет, солнышко!

Мне сделалось неловко. Всё-таки, приятного мало -- быть третьей лишней, особенно, когда у людей настоящее чувство. А в том, что Вера и Фил друг друга любили по-настоящему, сомнений у меня не возникало.

Пока я раздумывала, стоит ли прямо сейчас раздеваться до купальника и прыгать в воду, издали к нам приближалась девчачья разноголосица. Влюблённые не замечали её, а вот меня немного напрягло то, что с минуты на минуту могут появиться здешние мои ровесницы, а я...

В купальнике прошлогодней коллекции! В таком неприглядном виде! В первую встречу!

Я посмотрела внимательно на Фила и Веру, подумала, что моего недолгого отсутствия они заметить не должны, и быстро-быстро закрутила педали "средства передвижения", позорнейшим образом удирая... нет, стратегически отступая с пляжа.

Мне надо было переодеться. Зря я, что ли, скупилась чуть не всю коллекцию

купальников Бич Банни Свимвер!

Вернулась на пляж я уже пешком. На велосипеде, да ещё на таком, смотрелась бы крайне странно, ведь на мне теперь были бело-золотые босоножки, взбирающиеся переплетением шнуров до самого колена (не будешь приглядываться -- не заметишь пристроившихся с внутренних сторон ног молний), белый купальник, весь расшитый золотистыми цепочками (последняя коллекция Анжелы Читтенден!), и парео натуральной тигровой расцветки. А укладка!.. А макияж!..

На берегу уже расположились здешние девчонки. Я насчитала четверых ровесниц, пока приближалась к ним грациозной походкой древнегреческой богини. Нет, пожалуй, богини ходили более чопорно, а я старательно подражала шагу живой тигрицы, завидевшей вдали подходящего самца.

Правда, ни одного подходящего мне, лично, в радиусе километра не наблюдалось.

Девочки меня тоже заметили, перестали раскладывать на песке какие-то пёстрые коврики, корзинки, от которых за версту несло дикой смесью запахов средств для загара, коровьего молока, варёной колбасы и свежих булок.

Я помахала им ручкой, на ходу освобождаясь от парео. Невесомая тигровая шкура с шёлковым шелестом опала к моим ногам, сопровождаемая завистливыми взглядами.

Да! Именно таким и должно было стать моё первое появление на этом пляже!

-- Всем привет! -- и я по-настоящему приветливо кивнула. -- Давайте знакомиться. Меня зовут Надежда. Надежда Лебедева. Я намерена провести с вами ближайший год моей жизни.

-- Это ты дочка Фёдора Борисовича? -- настороженно переспросила высокая нескладная девица лет семнадцати на вид, огненно-рыжая и слишком веснушчатая, несмотря на шоколадный загар. Ей определённо не стоило брать отдельный купальник с поролоновыми чашечками. Слишком заметна была пустота в них.

-- Да, -- кивнула я. -- А ты...

-- А я Катя. Катя Болотова. Ну, завмага нашего дочка.

-- Я ещё плохо знаю город, -- улыбнулась я. -- Пока магазинов не заметила вовсе.

Они всматривались в меня, силясь понять, издеваюсь ли я, шучу ли или говорю совершенно серьёзно.

-- Приятно познакомиться, Катя! А тебя как зовут? -- мой вопрос был обращён к низенькой полноватой блондиночке с очаровательными голубыми глазами.

-- Валя! -- бойко ответила девочка. Она казалась самой юной в этой компании. Полнота её была из разряда той, которой стоит позавидовать. А эти ямочки на розовых щёчках, а эти вены под прозрачной белой кожей...

Надо будет вечером крови попить. А то что-то от переживаний аппетит разгуливается.

-- А я Оля, -- представилась девушка одного со мной роста и весьма бледной при всём загаре наружности. -- А это моя сестра Света.

Света была чуть более ярким, улучшенным, если можно так сказать, вариантом, да и глаза не светло-серые, а тёмно-серые.

-- Рада познакомиться с вами, девочки, -- ласково пропела я, изящно расстёгивая босоножки. -- Идёмте плавать?

Завистливые вздохи мои новые знакомые проглотили, но с завистливыми взглядами ничего так и не смогли сделать. Я купалась в них. Наслаждалась ими. Даже не заметила, была вода тёплой или холодной!

А когда Вера на крейсерской скорости наплыла на меня и попыталась не то утопить, не то подбросить, а в это время Фил и Света с Олей в шесть рук оттащивали её, а Катя и Валя дуэтом визжали, когда я вывернулась из-под Веры, нырнула и стала тянуть её за ноги на глубину, всем уже было без разницы, какой фирмы на ком купальник.

На берегу всё вернулось на круги своя. Девочки-аборигенки -- к своим пёстрым коврикам, а я -- к Филу и Вере. Вскоре появилось ощущение витрины. Будто меня выставили на продажу, и все фролищенские девчонки рассматривают, прицениваются.

Что ж, любуйтесь. Это бесплатно.

Загорая на пляже, я применяла где-то вычитанную "старую индейскую хитрость": старалась прикрыть глаза так, чтоб не видеть противоположного берега. И получалось море. А что? Песок -- белый, море, то есть речка, кажется синей и безбрежной, можно внушить себе, что это где-нибудь на Сейшелах.

Вот только неоткуда взяться сказочным принцам, страстным мачо, галантным кавалерам и прочим видам парней, которых можно будет разделять на блондинов, брюнетов и рыженьких, стройняшек, пончиков и шварцнеггеров... зато подтянулись ещё человек пятнадцать местной мелюзги, девчонки и мальчишки в возрасте от пяти до двенадцати лет. Что ж их тут так мало-то, людей вообще?

Фил, по которому можно было изучать строение человеческого скелета, веретеном вертелся под боком у Веры, растянувшаяся прямо на песке рядом со мной. По ней можно было изучать строение мышц. Она заметила мою хитрость, повторила маневр и рассмеялась.

-- Вер, а скажи, как тебе пришла идея заняться бодибилдингом?

Она усмехнулась, ласково притянула к себе Фила, шлёпнула по низу спины:

-- Ляжь спокойно и не ёрзай! До земли песок разбросаешь...

Рельефная девушка принялась кончиками пальцев легонько массировать голову друга, и он затих.

-- Я тебе расскажу, Надь, но ты можешь не поверить.

-- А ты расскажи!

-- Ну так слушай. Это было... наверное, как раз когда я хотела сбежать в Москву. Ты уехала, тут было дико скучно, эти вон, -- она кивнула на дремлющих девчонок, -- со мной разговаривать не хотели, как же так, приехала тут какая-то из Мугреевки! А тут в военную часть перевели одну семейную пару, молодых, таких красивых. Елена Дмитриевна тогда ещё только-только из института была, хореограф, сказала, что будет в здешней школе уроки танцев давать всем желающим. А её муж сказал, что, опять же, всех желающих научит качать мышцы.

Я плохо помнила то лето. Я вообще никогда не стремилась запоминать Фролищи и всё, что с ними связано. Но Веру помнила. Она была хрупкой девочкой чуть ниже меня ростом, с такими же выдающимися, как у Валентины Петровны, зубами и прыгучими манерами. Куда что делось? Только глаза и остались прежними.

-- ...и как-то раз я набралась смелости и отправилась записываться в кружок танцев. Иду себе, мечтаю, как буду кружиться в широкой юбке, как будут вертеть попой в ритме ча-ча-ча...

-- А тут на пороге -- я! -- вставил своё веское слово Фил и замурлыкал от удовольствия.

-- Да. Фил шёл записываться на бодибилдинг. Мы друг друга увидели...

-- Я сразу же взял её за руки...

-- Ты не представляешь, Надя, у него такие нежные руки!..

-- И мы пошли записываться вдвоём.

-- Я не помню, что мы говорили?

-- Я тоже не помню, ты была рядом, и мне было всё равно!

-- Какая разница! Главное, что в итоге я оказалась записанной на бодибилдинг, а Фил -- на танцы. И мы даже не стали перепрашивать, решили, что нет никакой разницы, кто чем занимается.

-- И мы не жалеем, ни капельки... -- Фил ещё раз мурлыкнул, расплавился и впитался в песок.

-- Какая интересная история, -- вежливо поблагодарила я.

А сама подумала, что ни за что не стала бы заниматься не тем, чем хотела! И то, что Вера с Филом так легко отказались от своих решений и мечтаний поставило им жирный минус в моей "табели о рангах".

Я снова смотрела на речку, представляя море, когда вдруг из-за правого поворота Луха вырвался белый фонтан брызг, и тут же ещё один, и ещё! Это кто-то плыл баттерфляем. Сильные взмахи рук поднимали красивые веера брызг, загорелое тело волнообразными движениями посылало себя вперёд, по-дельфиньи взлетая на миг над водой и снова скрываясь под ней.

Следом за первым пловцом показался второй. Потом третий, четвёртый...

Девчонки зашевелились, до меня долетел шепоток: "Клюевы-Клюевы-Клюевы..."

Фролищенские красавицы, ещё вчера не подозревавшие о моём существовании, пытались испепелить меня гневными взглядами. Казалось, они только теперь полностью осознали, чем им грозило моё появление.

Я улыбнулась и облизнулась.

Клюевы подплывали к нашему пляжу.

Вера и Фил аккуратно и чётко сворачивали полотенца и одевались.

-- Ты хочешь остаться? -- холодно спросила Вера.

-- А что случилось? -- ответила я вопросом.

-- Это же... Клюевы!

Передать всё отвращение, которое она умудрилась вложить в одну фамилию, не получилось бы даже у моей мамы. А уж она-то у меня мастер по части интонаций!

-- Ну... а что с ними не так?

-- Да всё с ними так, -- хмуро ответил Фил. -- Просто мы с ними не знаем. А ты как хочешь.

Я что-то начинала понимать.

Клюевы по одному выходили на пляж. Их было семеро, и я невольно сравнивала их с семьёю богатырями. Высокие, статные, просто симпатичные и откровенно красивые, они вполне могли заменить собой тех разнообразных парней, об отсутствии которых я не так давно сожалела. Но, похоже, сейчас мне предстояло сделать выбор: общение с Широковым и Захарченко или общение с их врагами Клюевыми.

Интересно было бы узнать, с чего брала начало их вражда? Мельком глянув на Верины бицепсы и трицепсы, мысленно усмехнулась. Чего уж тут интересного, небось, в одном бодибилдерском кружке качались-качались, да и повздорили из-за того, что Вера предпочла им какого-то задохлика.

И тут она удивительно мягко и неожиданно тепло проговорила:

-- Не обижайся, Надь, но мы не можем тебе рассказать... по меньшей мере, сейчас не можем рассказать, в чём тут дело. Если ты решишь остаться с ними сейчас, мы не обидимся, честное слово! Вечером тогда звякну, если будешь свободна, покажем тебе развалины химвкомбината. Знаешь, как там по ночам круто?

-- Угу...

Меняхватило только на этот оторопелый возглас. Полюбовавшись контрастной парочкой, на первой космической скорости покидающей пляж, я снова всмотрелась в Клюевых.

Они не подходили ближе к возбуждённым их присутствием девушкам, хотя глаза Светы, Оли, Веры и Кати уже приняли форму пульсирующих сердечек.

А мои -- нет!

Я лениво потянулась, и тоненькие цепочки заскользили по груди... ну, по верхней части купальника, но она же где? На груди! А моё левое бедро сейчас выглядело куда интереснее правого, потому что по нему тоже вились золотистые цепочки. Именно левое несколько раз ненавязчиво вильнуло, пока я потягивалась.

Ага! Есть.

Семь пар глаз буквально впились в меня, и в душе поднялось ликование.

Ура-ура! И во Фролищах мне есть с кем пофлиртовать!

Пока я раздумывала, переворачиваться ли на живот и каким образом это делать или откинуться на спину, забросив руки за голову и как именно согнуть при этом ноги, мой нос уловил очень странный, ранее ни разу не попадавшийся запах.

Так пахнет в жару ванильное мороженое.

Так пахнет восхитительно мягкое мясо под сложным соусом, которое готовит моя мама...

Так пахнет вода для умирающего от жажды...

Жажда! Она накатила так внезапно, что даже свело живот.

Я замерла, принюхиваясь, стараясь понять, откуда идёт этот умопомрачительный аромат, от которого мне так хочется крови.

От крови он и идёт... вопрос только -- от чьей?

Так. Как говаривал Шерлок Холмс, всё элементарно, Ватсон. От девчонок так пахнуть не может, потому что их я уже нанюхалась вдоволь. Значит, от семерых богатырей.

Спрашивается, о каком флирте может идти речь, если я буду расценивать их, как еду?!

Я скользила взглядом по лицам и фигурам, и буквально видела кровь, которой пропитаны эти тела. Облизывалась. Сдерживалась, чтобы не наброситься на них, на всех семерых разом.

Юноша, который вышел на берег последним, ничем особенным не выделялся на фоне своих шестерых братьев. Такой же загорелый, подтянутый, в таких же белых плавках, может, только стрижка, когда подсохнет, будет менее аккуратной.

Но мы встретились взглядами, он улыбнулся... и я пропала. Более прекрасной улыбки не видела никогда на свете! И даже не могла улыбнуться в ответ: мои клыки выдвинулись так, что их сложно было прятать под сомкнутыми губами.

Я отвернулась.

Вот теперь точно -- позорное бегство.

Что будут думать обо мне эти чарующе прекрасные богатыри, этот юноша с божественной улыбкой, озаряющей всё его лицо чистым светом, с ясными глазами цвета чёрного опала...

Пока ещё могла управлять собой, пока ещё мои движения оставались грациозными, может быть, чуть нервными, пока можно было не бежать бегом прочь с пляжа, я встала, подобрала парео, пляжную сумку, и ушла. Может, чуть быстрее, чем хотелось бы.

Чем дальше отходила от пляжа, тем слабее становился пьянящий аромат крови Клюевых.

За вечер я выпила целый пакетик крови. Мне всюду мерещился запах, настигший у Великого Луха, а перед глазами стояла улыбка. Улыбка Клюева. Умопомрачительная. Манящая. Мне казалось, что я поглаживаю обложку закрытой книги в предвкушении захватывающих приключений, таящихся внутри неё.

Запретной книги.

Ведь не дают же маленьким детям читать "1001 ночь" в полном варианте!

Но я не маленькая. Мне можно. Я открою. Хотя ненадолго. На пару строчек. Только самое интересное. И всё, и закрою, и отложу на дальнюю полку, и не притронусь больше...

Это была пытка. Я знала, что не позволю себе прикоснуться к этой книге. Потому что это не книга! Человека нельзя открыть -- надкусить -- полистать -- попить -- и закрыть -- заклеить ранку пластырем.

Тем более, человека, у которого кровь так пахнет.

Попробую -- ведь досуха выпью, не остановлюсь.

Глава третья. Банальность.

Наверное, что-то похожее ощущают люди с похмелья: голова чугунная, в глазах песок, а что было -- расскажут очевидцы, и останется только краснеть, слушая " всю правду о себе".

Чётко я помнила только то, что вчера днём у Луха встретила свою воплощённую мечту.

Свою любовь.

Свою погибель.

И была вынуждена сбежать, чтобы моя любовь осталась в живых.

Застонав, оторвала голову от подушки... нет, это не подушка, это скрученные в рулон полотенца, а где же подушка?

Сдунув с носа перо, я вспомнила, где, и снова щёки и уши налились жаром.

Шторы с вечера, конечно, никто не задёргивал. Солнце хозяйничало, как у себя дома.

По комнате ровным слоем были размазаны перемешанные купальники, перья из подушки, босоножки, полоски наперника, парео, заколки, прочая одежда и косметика...

...и пустые пакеты из-под донорской крови. Четыре штуки.

Я зарычала.

Я заказывала кровь в аптеке всегда порциями по двести пятьдесят граммов. Именно такого объёма мне хватало, чтобы безбедно прожить целый месяц! И вчера умудрилась выхлюпать литр... Этого должно было хватить на всё лето и ещё остаться, но меня мучил такой дикий голод, что я не могла удержаться, пила и не напивалась.

Дичаю.

Надо было вставать и приниматься за уборку.

Обувь я складывала без разбора в одну кучку, парео и купальники в другую, а юбки, брюки, блузки, майки разбирала по видам и сортам...

События вечера прорисовывались немного отчётливее по мере того, как в комнате проявлялось некое подобие порядка. Удалось вспомнить, что мне "звякала" Вера, что я отказалась от ночного похода к руинам какого-то "элпэка", даже накричала на Захарченко, обвинив её в том, что она бросила меня на произвол судьбы. Этой истерики нервы собеседницы не вынесли, и мы рассорились.

Как-то слишком уж насыщенно шла жизнь во Фролищах. За один день успело случиться столько, сколько обычно случалось за год. А то и за два.

Внезапно словно обожгло: слишком уж тихо в доме!

Я слетела вниз и со вздохом облегчения обнаружила записку, прижатую магнитом к холодильнику. Всё, теперь с чистой совестью можно выбросить из головы мысли о том, что вчера папа погиб смертью храбрых, сражаясь со взбесившейся мною.

Магнит был красивый, яркая бабочка с крылышками на пружинках. Тронула пальчиком -- затрепетали. В записке содержалась подробная инструкция по разогреву вчерашнего плова и завариванию чая. Почерк, определённо, принадлежал тёте Вале, но доступность объяснений происходила явно от папы.

По поводу чая они перестраховались. Уж что-что, а напитки мне всегда удавались.

Есть не хотелось совершенно. Ещё бы, после литра крови -- да я теперь неделю буду только воду пить!

В больших количествах.

Мама рассказывала, что раньше вампиры были дикими, нецивилизованными. Не понимали, что жажда бывает разной, считали, что её можно утолять только кровью, раз уж они -- вампиры! Они ни в чём не знали меры, и, чем больше крови пили, тем больше её

хотели. Я же вот буду водой отпаиваться, молоком и чаем. А дикие вампиры изматывали себя днём, пытаюсь спать, в надежде, что жажда утихнет как-то так, сама, без воды или другой жидкости, а по ночам, ради скрытности, нападали на людей, убивали их.

И в то же время часть диких вампиров обладала грандиозной силой воли.

Им удавалось сдерживать себя, не пить кровь неделями и даже месяцами, и через некоторое время начинали проступать негативные последствия: боли во всём теле, прогрессирующее развитие грибка на коже и зуд от него, аллергии, бессонница и тому подобное. Следом развивались и психические расстройства, стократно возрастала агрессивность, и в какой-то момент это всё заканчивалось срывом. Дикий вампир начинал убивать людей ради крови, люди устраивали на него облаву, вытаскивали на свет из гнезда -- а грибок при свете солнца распылял споры, тут же находился десяток очевидцев, уверявших, что душегубец сгорел на солнце, только дым и пошёл... Легенды множились и разрастались.

Но были ещё и другие вампиры. Они научились различать жажду и жажду. Они открыли для себя мир человеческой еды и разнообразных жидкостей, помогающих пережить обычную жажду после утоления истинной -- таких, как чай, кофе, молоко, сок, вино, да и просто вода, наконец. Эти вампиры могли спокойно жить среди людей, периодически меняя место жительства, ведь старели они очень и очень медленно.

В конце-концов, от людей нас отличает только лишний десяток мышц во рту, позволяющий управлять длиной клыков.

Я за пять минут выпила три литра воды, отчётливо понимая, что сейчас всю работу начнут почки и мне желательно переместиться поближе к санузелу.

Звонок в дверь застал меня на полпути к заветной точке.

-- Кто там?

-- Я, -- крайне оригинально ответила Вера, и, не спрашивая разрешения, вошла. Вдвоём мы прошли на кухню. -- Привет, подруга. Так я верно поняла, ты вчера от Клюевых за нами следом смылась?

Я кивнула. Вера хмыкнула, цепким взглядом окидывая полки, стол, словно в поисках изменений... только теперь почему-то пришла на ум здравая мысль о том, что тётя Валя могла здесь жить не одна, а с дочкой. Ну или по крайней мере, Вера была здесь частой гостьей.

-- Так чего у вас там случилось-то? Рассказывай!

-- Да ничего...

Вот ведь попала-то, а? Как рассказать? "Вер, ты знаешь, я вампирша, и вчера мне просто крышу снесло, так хотелось выпить Клюевых, вот я от них и убежала".

-- Когда "ничего", молодые девушки от симпатичных парней не сбегают, -- глубокомысленно изрекла Вера.

Я прищурилась:

-- Ага! Значит, молодые девушки не сбегают, а сладкие парочки сбегают?

Вера искренне расхохоталась:

-- Да ты не из солидарности с нами часом?

-- Нет.

-- Ну и... -- Захарченко задумчиво раскачивала шлёпанец, закинув ногу за ногу. -- Ну и почему же тогда? Они тебя обидели?

-- Нет.

-- Они что-то сказали? Сделали?

-- Вер.

-- Да?

-- Ты следователь?

Она снова захохотала. Такие искренние и непосредственные смены настроения меня умиляли.

-- Не, Надь, я не следователь, мне просто известна причина, по которой я на одном поле с Клевыми с... -- я, кажется, догадалась, что чуть было не сказала Вера, и

улыбнулась. -- А, ну в общем, ты поняла, да? Ну и интересно было, почему ты сбежала. Ведь ты же, кажется, обрадовалась, когда они приплыли.

Мой молчаливый кивок подтвердил правильность догадки.

-- А потом мы с Филом сидим у него на чердаке, а тут ты летишь домой. Мы тебе вслед покричали, да ты не обернулась даже.

Я удивилась. Ведь у меня хороший слух, но вчера не слышала, чтоб меня кто-то звал.

У Веры было странное выражение лица. Словно она знала обо мне что-то, чего не знала я сама, и сейчас раздумывала, стоит ли мне доверять эту тайну. Словно своими напористыми вопросами она проверяла, а не догадываюсь ли я, случайно, что она знает, что я не знаю того, что она зна... в голове немедленно закрутился голос Флёр, напевающий "Сфинксов".

Я фыркнула:

-- Да я вчера вспомнила, что забыла позвонить маме!

На самом деле это пришло на ум только теперь. Впрочем, не думаю, что мама нуждалась в моём звонке, ведь она сейчас была "не одна".

-- Вспомнила, и побежала домой. Знаешь, какая у меня мама? Если не позвоню до обещанного часа, из-под земли достанет!

Вера вздохнула, и в её глазах промелькнула лёгкая тень разочарования.

Похоже, я не прошла тест на доверие, и тайна, которая известна Вере, уйдёт вместе с ней на прогулку с Филом.

Ничего. Я знаю о существовании этой тайны -- теперь точно знаю! -- и приложу все усилия, чтобы выведать. Ну а пока есть более насущные вопросы.

-- Вер, а Вер, а вот вчера приплыли Ключевы... -- начала я аккуратную подводку под свой вопрос и тут же махнула рукой -- какие ещё подводки? -- Помнишь, там был такой... самый красивый?

Глаза Захарченко широко распахнулись:

-- Как? Ты уже определилась с тем, кто из них самый?

-- Шутишь?

-- Ни разу! Они тут третий месяц, и все такие лапочки, что я не могу понять, кто лучше.

-- Э-э... Вера, а это ты только что говорила, что на одном поле с Ключевыми... ни за что? Это ты сейчас говоришь, что они лапочки?

Вообще-то я собиралась задать другой вопрос, но Верин интерес к симпатичным юношам, это при живом-то Филе, меня сразил наповал.

-- Я. И что теперь? Не могу отдать должное их физическому совершенству? Да не будь они Ключевыми, я б, наверное, в Максима, того, широкоплечего с короткими ногами влюбилась. Он такой, -- Вера стрельнула глазами по сторонам, словно убеждаясь, что Фил не подслушивает, -- такой секси!

Мы вдвоём глупо похихикали, и я задала свой главный вопрос:

-- Ты говоришь -- третий месяц, так они что, только-только приехали тоже?

-- Ну да, -- Захарченко всё-таки уронила многострадальный шлёпанец. -- У них же отец военный.

А я и забыла, что во Фролищах всё повязано на военных.

Меня никогда не интересовало, как и что здесь вообще обустроено. Достаточно было того, что мне не хочется во Фролищах жить. Не хочется навещать здесь папу -- разве не проще ему приехать в Москву? Не хочется задумываться о том, какой тут чистый воздух, какие простые и добрые люди, как высок процент выпускников, поступивших в престижные вузы...

Вера достаточно долго молчала, заметив мою философическую задумчивость. А потом прочитала мысли, поддержав в невысказанном начинании:

-- Ничего. Раз тебе тут ещё год почти жить, надо как-то осваиваться. Чем

сможем, поможем. Думаю, ты быстро разберёшься. Не так уж много тут всего запоминать...

А теперь Верины мысли читала я.

Девяносто процентов из ста за то, что действительно угадала, о чём в тот момент подумала Захарченко. О том, что мне предстоит через год уехать и забыть Фролищи, как страшный сон. А ей -- оставаться здесь. Выходить за Фила, обустроить семейное гнёздышко, там, детишек рожать... хотя кто знает, какие у неё на будущее планы?

Я внезапно рассмеялась, наверное, заразилась от Веры резкими сменами настроения. Но ведь это же действительно смешно! У меня за семнадцать лет не было ни одной подружки из тех девчонок, с которыми каждый день встречаюсь, подолгу разговариваю, знаю досконально их интересы, а они знают мои... а с Верой виделась лет пять назад. Мы провели вместе ровно два дня. Мы всего один раз обменялись письмами и ещё один - звонками. Однако какого-то часа на речке хватило для того, чтобы я считала её подругой!

Наверное, я пригляделась к ним, и перекачанная девочка-бодибилдерша рядом с очень худеньким высоким мальчиком уже не вызывали даже мысленной усмешки. Ну, может быть, улыбку, и то сродни той, которая появляется при виде чего-то очень милого и симпатичного.

Мы снова отправились на пляж, но где-то на середине пути сладкая парочка от меня откололась.

-- Клюевы сейчас там, -- чуть ли не хором сказали Фил и Вера, прежде чем свернуть к дому Широковых.

-- Ты это, в воду сегодня особо не лезь, -- добавил Фил. -- Погода меняется, чуешь? Ветер всё сильнее. Вдруг чего...

Я помахала им вслед и отправилась уже знакомой дорожкой на пляж.

Сегодня там было побольше народа, может, потому, что температура воздуха поднялась повыше, а неделя докатилась до субботы?

Я ожидала нового приступа тоски, ведь как ни хитри, а речка морем не станет и Фролищи в Фор Сизонс на Сейшелах не превратятся... но тоску сдуло свежим ветром с реки.

Высокие сосны полукругом охватывали белый песок. Извилистый Лух рябил и морщинился, унося вдаль отражения облаков.

От песка еле заметно пахло Клюевыми, хоть самих их и не было пока видно. Жажда не подавала голоса. Жизнь определённо налаживалась!

Уже знакомые мне девочки, Катя, Оля, Света и Валя, как-то странно на меня поглядывали, о чём-то перешёптываясь с незнакомыми. Наверное, их заинтриговало моё вчерашнее экстренное бегство. Я поздоровалась с ними, разложила свой стильный коврик поближе к воде. На мне снова был шикарный купальник из новой коллекции Анжелы Читтенден, алый, с коричневыми кожаными вставками и блочками, а особым образом повязанное парео заменяло сарафан. Вот ведь, кстати, тоже странность - ни одного парня, кроме Клюевых и Фила...

Признаться честно, вчера я переживала -- как меня оценят здешние девушки? А сегодня меньше всего волновалась, что там будут обо мне думать. Они-то, вероятно, расценивали меня как сильную соперницу, но я, вспоминая ту леди в красном, что улыбалась мне минут десять назад из зеркала, понимала, что все эти фролищенские красавицы мне не соперницы. Нет, не спору, каждая из них хороша по-своему, и дело даже не в том, что у меня парео от Прада, а у Кати -- полинялый павлопосадский платок...

Дело в том, что Клюев будет моим.

И вдруг, внезапно, на меня накатило что-то... Это было странно. Сродни животному магнетизму. Я знала, что сюда идёт Клюев! Всего один. Именно тот, о котором так хорошо мечтается перед сном... когда, конечно, отдаёшь себе отчёт в том, что засыпаешь. Мне вот пока не выпало такого счастья, но, думаю, не всегда же буду вырубаться, как вчера. Воспоминания о вчерашнем вечере так и оставались размыто-съёженными, и разбираться в

них не хотелось абсолютно.

Ну тогда и не будем разбираться. Главное, что я уже чувствую его запах -- и мне хочется на него наброситься и пить, пить, пить его кровь!.. А я полностью контролирую себя и могу почти совершенно спокойно не набрасываться и просто дышать им до умопомрачения. Так-то вот! Могу слушать его неторопливые шаги. Прогибать спинку покруге, чтобы виднее была шнуровка на груди.

Он шёл ко мне, похожий на бога, сошедшего с небес. Улыбался, и я таяла от этой улыбки. Истинная жажда, Внутренний Дикий, требовали сделать хотя бы глоточек -- ну же! Это же так просто! Всего один, ты же знаешь, что убивать не обязательно! -- но сегодня рассудок был сильнее.

И он шёл, я смотрела на него, а девчонки тихонько раскачивали шепотки: Эдик-Эдик-Эдик-Эдик.

Теперь мне известно его имя.

В прошлый раз, когда семеро пловцов выходили из воды, мокрые, блестящие, головокружительно прекрасные в своём загаре и интерьере из сосен, сине-коричневой речки и белого песка, мне казалось, что этот пьянящий аромат исходит ото всех. Теперь, чем ближе подходил ко мне Эдик, тем больше я убеждалась в том, что это -- его персональный запах.

Я нервно облизнулась.

Он тоже.

-- Привет, -- сказал он мне. -- Можно, я рядом с тобой позагораю?

Его тёплый баритон прогнал волну мурашек по спине, и на какое-то время лишил дара речи, поэтому я просто кивнула.

Эдик разложил соломенный коврик параллельно моему, скинул белую с синими кантами рубашку, навевавшую воспоминания о море, парусах и адмиралах, легко и изящно расстался с шикарными белыми шортами... и остался в шикарных алых плавках, похоже, от Ом.

Мы лежали рядом, каждый на своём коврике, оба в красном, смотрели, как над нами плывёт прозрачное облако, похожее на дракона.

Молчали.

Я отчаянно придумывала, о чём бы с ним заговорить, чтоб не показаться полной идиоткой, чтоб заинтересовать его... да я же никогда не испытывала таких проблем! Всегда знала, кому, когда и что сказать, чтобы сцапать обеими лапками мужское сердце! А тут -- поди-ка. Лежу, млею от пьянящего аромата и слова подбираю. А ещё надеюсь, что парень моей мечты сам заговорит со мной.

-- А меня Эдуард зовут, -- сбывлась мечта. Всем бы так сбываться! -- Можно просто Эдик. А ты Надя, дочка Фёдора Борисовича Лебедева?

-- Ага, -- кивнула я в ответ, переворачиваясь так, чтобы продемонстрировать Ключеву все изгибы своего тела в самом лучшем ракурсе, -- мне очень приятно с тобой познакомиться...

Он снова облизнулся.

В груди сладко зазвенели колокольчики: Эдик тоже волнуется! Других причин для волнения, кроме меня вблизи не видно!

-- А пойдём поплаваем? -- предложила я, и он обрадовался:

-- А пойдём!

Мы поднимались с ковриков, и он, и я, и зябкий холодок в районе копчика, предвестник всех неприятностей, никак не мог достучаться до сознания, одурманенного близостью Ключева.

Обрати я внимание на знаки, всё могло быть иначе, а так -- сначала раздался дикий Олин визг:

-- Па-да-еееееет!!!

И только потом я услышала хруст и треск падающего дерева.

На нас с Эдиком падала сосна.

И не одна.

Наверное, это круто смотрелось бы в кино: стройные темноволосые парень и девушка в красных купальных костюмах держатся за руки, а на них летят огромные в неотвратимости своего падения деревья...

Но мы-то были не в кино!

Если кто-то сейчас смотрел на меня, он видел размытое пятно, с такой скоростью способны передвигаться вампиры, когда возникает в этом необходимость. Пока Эдик, впад в столбняк, созерцал надвигающиеся на него ветки, я похватила в охапку парео, рубашку, шорты, коврики, а когда две сосны с треском и грохотом накрест рухнули туда, где только что были мы с Эдиком, нас уже качали волны на середине Луха.

Клюев блаженно улыбался, растянувшись на мелкой водной ряби.

С берега что-то кричали девчонки.

У меня в голове прекращалась безумная пляска мыслей.

Я только что обнимала Эдика.

Я обнимала Эдика!

Я обнимала его, обеими руками, он такой горячий, у него такая нежная-нежная кожа, упругая, гладкая! У него такие сильные мышцы -- он не успел толком среагировать, когда я перехватила его поперёк тела, но какой у него великолепный пресс...

-- Спасибо, Надя! -- сказал он, плывя вокруг меня.

Приводимая в движение его руками и ногами вода ласкала моё тело, и мне хотелось, чтобы это длилось вечно. Я не обращала внимания на то, что лицо облепили волосы, что девчонки с берега орут всё громче.

-- П-пожалуйста, Эдик... -- чёрт, я заикаюсь! -- На моём месте так поступил бы каждый...

Он, продолжая работать руками и ногами, чтобы удержаться на воде, убрал кудряшку, прилипшую к моему носу. Улыбнулся. Я размякла и растеклась по поверхности воды.

Мы снова лежали рядом, оба в красном, и смотрели, как плывёт по небу кудрявое белое облако, ни на что не похожее.

Мы бы гуляли, держась за руки, до самой темноты, и почти всё время молчали бы. Ведь зачем слова, когда наши души говорят через взгляды?

Но, пока любовались ни на что не похожим облаком, тот ветер, который повалил сосны, решил спуститься чуть ниже, устроил шторм на речке и принёс грозу с градом. Похоже, у меня вырабатывается рефлекс на уход с пляжа: срочно хватать вещи и бежать домой, сломя голову!

Уже дома задумалась: а ведь Эдик всё принял как должное. Ну, то, что я так оперативно извлекла его из-под падающих сосен. Саму скорость, да и то, что довольно-таки хрупкая и изящная девушка, кинула его, весьма высокого и тяжёленького, от берега и на середину Луха.

Я бы на его месте удивилась. Пристала бы с вопросами, как, да что, да почему, а он? "Спасибо, Надя"? И всё? Ещё бы добавил "Ты настоящий друг"...

Глава четвёртая. Приглашения.

Мы шли по лесу, держась за руки. Пьянящий аромат крови Эдика, просачиваясь сквозь поры его кожи, манил меня. Дразнил меня. Провоцировал. Дикий вампир, живущий внутри каждого цивилизованного, подбивал на радикальные действия. Уговаривал: ты же сильная, ты справишься, ты просто попробуешь и остановишься. Ведь ты же хочешь этого?

Хочешь прикоснуться к нему, хочешь нащупать языком его сонную артерию, дотянуться до неё клыками...

"Цыц!" -- мысленно шикала я на Внутреннего Дикого, и он утихал на минутку, мерзко хихикая и скаля длинные, острые-острые клыки. А потом вновь принимался покусывать: ну давай же, давай... всего глоточек. Ну, парочка. Или троечка, да не помрёт твой Клюев! Ты посмотри, какой большой! На десятерых хватит!

"Цыц..." -- слабело моё сопротивление, и Внутренний Дикий, ликуя, продолжал уламывать: это же так просто! Посмотри, он ничего не подозревает, давай, давай прямо сейчас, ну, пока он отвернулся, смотри, вот она -- артерия!..

Я задержалась, Эдик шагнул вперёд, и я прыгнула на него, обвивая ногами талию, рывком запрокидывая его голову назад. Мгновенно набухшие вены заплесали перед глазами... пляска вен сменилась пляской звёздочек и дикой болью в спине и затылке -- Клюеву каким-то непостижимым образом удалось меня скинуть, и я нехило приложилась о сосну.

Эдик пятился, наблюдая, как я поднимаюсь, вытряхивая из волос иголки и кусочки коры. Да уж... а эту прядь придётся выстричь -- с таким количеством сосновой смолы и моему шампуню не справиться!

Ну, Эдик. Ну, погоди!

Я зарычала, пригибаясь к земле, и потянулась к Эдуарду Клюеву скрюченными в пароксизме страсти пальцами. Если бы он не рванул тут же, куда глаза глядят, не разбирая дороги, то эта круглая полянка между пятью сосёнками стала бы местом его смерти.

Окончательной и бесповоротной! Я оцарапала его, когда пыталась укусить, и запах свежей крови, стократ более сильный, чем обычно, позволил Внутреннему Дикому стать Внешним.

Фролищенским борам и в страшном сне не снилось, что по ним будут мчаться, сломя голову, бешенная вампириша и удирающая от неё обречённая жертва.

Обречённая? Да!

Клюев бежал, отчаянно петляя между соснами, и я от всей души забавлялась, повторяя его манёвры и даже совершенствуя. В частности, поворачивая, пару-тройку шагов я совершала по стволам сосен -- когда Эдик оглядывался, чтобы узнать, не отстала ли, часом, погоня.

Нет!

Мне нравилось обегать его по кругу и спрыгивать с нижних веток ему под ноги, как раз когда он расслаблялся, обернувшись назад и не увидев там меня. Нравилось, как пахло его разогретое бегом тело.

И то, что он становился всё медленнее. Уставал.

Когда у него не осталось сил, чтобы бежать, и он упал передо мной на колени, складывая руки у груди и умоляя, чтобы я пощадила его, я даже на миг задумалась -- ведь не хотела же его убивать, хотела ограничиться парой-тройкой глотков, так может быть...

Нет! Мой Дикий расхохотался над всеми этими филантропскими идеями, и я медленно, с наслаждением вонзила клыки в податливую горячую плоть.

О, да! Да, да, да...

Я сошла с ума.

Я точно сошла с ума.

Я только что убила Эдуарда Клюева!

Безжизненное тело, простёртое на ковре сосновых иголок казалось живым. Оно ещё было тёплым, но в нём больше не было ни капли крови!

Завизжав, я бросилась бежать, куда глаза глядят...

Глядели они на пакетик донорской крови.

Обычно мне снилось, что я кого-то убиваю ради крови, как дикая, когда мне действительно необходимо было сделать пару глотков. Но вот она, донорская, передо мною,

а мне её не хочется, совершенно. И мне страшно оттого, что я понимаю: мой Внутренний Дикий скоро начнёт меня уговаривать наяву.

Я ведь хочу попробовать кровь Эдика на вкус.

Очень хочу.

Прохладное утро радовало свежестью -- вчерашняя гроза как следует очистила воздух. Я распахнула сначала окно в головах кровати, потом окно в ногах, и мощные потоки воздуха, пропитанного хвойными ароматами, тут же выявили десяток не отловленных пёрышек. Вчера я собрала их все в пакет и решила пока не выбрасывать, мало ли, на что сгодятся в сельском хозяйстве...

Спрятав на место кровь, прислушалась: внизу царило небывалое оживление. Похоже, тётя Валя решила прийти с утра пораньше и накормить папу завтраком.

Папу? А меня?

Быстренько причесавшись на два умильных хвостика, чуть подкрасив ресницы для завершения образа девочки-умницы, я легко и беззаботно, вприпрыжку по лестнице, спустилась вниз.

Тётя Валя слегка смутилась при виде меня. Папу не пришлось дважды просить, чтобы он предложил ей вернуться. Мы с Захарченко даже успели обговорить мою частичную бытовую неприспособленность и я дала слово брать у Валентины уроки по домашнему хозяйству. Но с осени! Какие уроки летом?

Они с папой ещё не завтракали, стол был сервирован на троих. Получается, ждали меня. Это было так... мило! Ревность зажужжала сразу в оба уха: мама редко-редко, под большое настроение готовила завтрак на двоих. Мы почти никогда не завтракали вместе, хотя зачастую у неё не было необходимости уходить раньше... но я всё равно люблю свою маму!

Ревность с оборванной жужжалкой обиженно уползла подальше от моих ушей.

Завтрак прошёл в непринуждённой обстановке перекрёстного допроса. Тётя Валя и папа очень сильно интересовались, как проходят первые дни на новом месте, познакомилась ли я со здешними ровесниками, какие у нас отношения... мне не составляло труда отвечать беззаботно-весёлым тоном и делать вид, что допроса не замечаю. Сама же смотрела, как они реагируют на мои ответы.

Папа искренне радовался, что у меня так много друзей и подружек, что я перезнакомилась уже почти со всеми своими сверстницами, что никакого конфликта с Ключевыми не возникло, и не отвечал на мои вопросы -- а с чего бы вдруг у меня быть конфликту с Ключевыми?

Тётя Валя тоже радовалась и тоже искренне, пока речь не зашла о Ключевых. Видно, знала, что у дочки с ними контры, и переживала, как мои нормальные отношения с ними отразятся на отношениях с Верой.

Едва окончился завтрак, я упорхнула к себе в комнату, где могла беспрепятственно мечтать всего об одном Клюеве -- Эдуарде.

Намечтаться всласть не дало появление под окнами сладкой парочки:

-- На-а-а-адя!!! Вы-хо-диии!

Главное событие лета -- открытие аттракциона "Почувствуй себя котом Леопольдом" -- состоялось.

-- Сейчас!

Но в русском часе -- шестьдесят минут, поэтому моим друзьям пришлось подождать, пока я подберу себе одежду, наведу соответствующий макияж и сооружу причёску.

Сегодня мой выбор пал на джинсовые мини-шортики и модный топик с вышивкой ленточками. Макияж "девочка-умница" был немного усилен тенями и блеском для губ, а хвостики не пришлось даже перетягивать заново, отлично вписались в непринуждённый ансамбль.

Захарченко странно косилась на колоски, травинки и ромашки, украшающие мой топ, а я пыталась угадать, о чём она молчит вот уже пять минут, постоянно дёргая Фила за руку, стоит только тому открыть рот.

Может, он, в конце концов, просто вздохнуть желает!

Куда ещё пойти во Фролищах, кроме как на речку, я пока ещё не представляла, но, судя по тому, что очень скоро мы сидели на берегу под красивой сосной и любовались полётами стрекоз, мест таких, и правда, было не много.

Я дышала полной грудью, впервые не играя "в море". Сосны за моей спиной мерно покачивались, пели ветреную песню. На том берегу полоска песка окаймляла строчку округлых кустов, за которыми тянулись вверх молоденькие сосенки. За молодняком вздымались к облакам сосны взрослые. У молодых был в иголках лёгкий молочный оттенок, а взрослые, видно, впитали в себя много солнца за долгую жизнь и, казалось, отливали рыжиной. Лух изгибался, как зодиакальный символ Льва, и мы сидели на вершине дуги, а в обе стороны, как два крыла на взмахе, лежала водяная лента. Слева коричневая -- справа синяя. А всё облака, играющие солнечным светом!

Пахло соснами, водой и летом. И на глаза наворачивались слёзы.

Да, мы, вампиры, умеем плакать. Я уже говорила -- отличий от людей крайне мало.

Нет, я вовсе не сентиментальная. Да и не бывала тут раньше, чтоб меня до слёз умиляли воспоминания раннего детства или что-то там подобное...

Просто сколько себя помнила, я всё время стремилась к красоте. Красоте собственного тела, красоте одежды, интерьера в квартире, мечтала своими глазами увидеть замок Хоэнверфен в Зальцбурге (а ещё лучше -- не просто увидеть, а пожить там, да чтобы в статусе принцессы), побывать на Сейшелах, ведь там такие пляжи, такое море, такие пальмы... даже не думала, что когда-нибудь у меня дух перехватит от немудреной на первый взгляд красоты.

Речка. Сосны. Солнце. Такие простые. Такие... величественные.

Ведь я на них третий день смотрю. И будто впервые вижу!

Конечно, мне в голову не приходило рассмотреть их подробнее. Как Захарченко вышивку на моём топике...

В какой-то момент Вера слишком сильно увлеклась узором ленточек, и Фил, улучив момент, гаркнул во всё горло, ни к селу ни к городу:

-- А давайте устроим праздник! -- и меленько так затряс кистями рук, изображая игру на мараках.

Я радостно заулыбалась: праздники -- это всегда хорошо.

-- Фил, ну я ж просила тебя помолчать пока! -- взвилась Захарченко, и на мгновение мне даже показалось, что я стану свидетелем убийства.

Так вот что распирало Широкова изнутри!

-- А давайте! -- как можно быстрее вмешалась я. -- Давайте праздник! Что праздновать будем?

-- Да вот ты переехала во Фролищи. Не повод? -- предположил Фил.

Вера махнула рукой -- мол, терять всё равно уже нечего -- и радостно взвыла, заваливаясь на спину и дрыгая ногами:

-- Йо-хоо! -- а потом замерла и почти серьёзно спросила:

-- А без повода что, праздников уже и не бывает?

Я переводила взгляд с неё на Широкова и обратно.

А что... идея, в принципе, не плохая!

-- Йо-хо или не йо-хо, -- наставительно проговорила я, -- но нам стоит подумать о том, что мы можем сделать.

-- Всё! -- категорично заявили в унисон Фил и Вера.

-- Можно сделать что-то вроде мексиканского карнавала... -- добавил парень.

Я живо представила себе запряжённый козами многоярусный помост, на

котором по спирали расставлены фролищенские девочки, наряженные в сверкающие купальники и перьевые "павлиньи" хвосты, а на самой вершине с увитым лентами жезлом лихо отплясывает Вера - тоже в купальнике и в перьях, с высокой причёской и короной...

Захарченко с Широковым не смогли понять, из-за чего я покатила по земле, сотрясаемая жутким хохотом. А у меня перед глазами всё плясала зажигательную сальсу Вера в крылышках... вот и перья из подушки пригодятся!

Чтобы не упускать момент и продолжить обсуждение праздника, пришлось всё-таки успокоиться.

-- А кого звать будем? -- спросила я, уже ощущая под ногами тонкий лёд.

-- Всех! - безапелляционно заявил Фил.

Вера подтвердила кивком.

Я тут же прикусила язык, чтоб не уточнять -- что, и Клюевых тоже? Если спрошу, Захарченко выдаст своё знаменитое "нет" с рубящей отмашкой, с которым я за прошедшие три дня уже успела познакомиться, и я не буду настаивать на своём, чтобы не терять дружбу.

Но! Но если сейчас промолчу, а сама втихую приглашу Эдика... ну а где Эдик, там и, на радость всем девчонкам, прочие Клюевы! Вера должна будет понять, что это не с целью сделать что-то в пику ей, а с целью устроить праздник, действительно, для всех. А может быть, если получится, то и помирить два враждующих семейства.

Хотя, похоже, три: Широковы тоже не испытывали особой дружелюбности к Клюевым, не надо было надевать очки, чтобы разглядеть все косые взгляды и скривлённые мордашки Фила и его маленьких сестричек-первоклашек при слове "Клюев".

Миссия мне предстояла большая и трудная. Но такая интересная!

-- Ита-а-аак! -- я качнулась с пятки на носок, сцепила кисти рук и подняла их над головой, потягиваясь. -- Итак! С чего начнём?

-- С музыки!

-- С чая!

-- С купанья!

-- С торта!

-- С танцев!

-- С мороженого!

Все съедобные предложения исходили от Фила.

Роль центрального организатора отводилась мне. Гордясь ответственной задачей, я напустила на себя важный вид:

-- Начнём мы с того, что я возьму бумажку и буду записывать все предложения, чтобы мы ничего не забыли!

Вера уже протягивала гелевую ручку, а Фил тянул блокнотик.

Я покачала головой. Однако, друзья мои неплохо подготовились.

-- Итаааак...

Они бесперебойно подкидывали идеи, а я фиксировала всё, на отдельный листок сразу выписывая то, что считала жизненно важным: воздушные шарiki, свечи, фейерверки, костюмы, музыкальный центр, записи самой модной музыки... ну и мороженое, куда же летом без мороженого?

Просматривая более чем внушительный список, Широков и Захарченко скучнели с каждым пунктом плана.

-- А денег-то у нас и не хватит, -- скорбно протянул Фил.

Я загадочно улыбнулась:

-- Посмотрим.

-- Ты хочешь сказать... -- в один голос начала сладкая парочка.

-- Ага, я продам фамильные золото-брильянты, а на вырученные деньги закачу пир на весь мир.

Я шутила, но по лицам друзей поняла, что они -- поверили.

Очень скоро мы всё спланировали, и дело стало за малым: составить список приглашённых и разнести приглашения. Это, конечно, если забыть о том, что после придётся претворять всё спланированное в жизнь. Но мне было проще назначить день и пригласить людей, чтобы отступать было некуда. Обычно именно в таких ситуациях мой мозг разрабатывал самые чёткие пути к исполнению замысла.

Будь мы в Москве - о! Я бы точно знала, куда пойти, чтобы купить самые стильные открыточки. Но во Фролищах... Фил и Вера вместе со мной обошли все три магазина, где могли продавать приглашения, но ничего кроме поздравительных рифмованных откровений к дню рождения и свадьбе не нашли.

Также мы не нашли нужного нам количества шариков, свечек, ни одного нормального фейерверка, да и, как я поняла, о ларьках с мороженым на берегу Луха даже речи не шло, в общем, затея праздника, каким он нам виделся, трещала по швам. А если учесть, что из живой музыки предполагались только Вера с гитарой и ещё какие-то доморощенные барды...

Сладкая парочка незаметно превратилась в кислую, да и я растеряла весь боевой запал. Какое тут веселье, мексиканский карнавал, блин!

Тут бы и забить на этой дикой затее большого торжества. Но мне нравилась мысль подарить праздник в честь своего приезда всем полутора тысячам жителей Фролищ. Нет, пожалуй, всё-таки на полторы тысячи гостей меня и не хватит, но ведь можно же что-то придумать... можно же найти спонсоров... можно.

Мысли наконец-то направились в нужное русло.

Мне нужны спонсоры!

Желательно, много. Итак: за чем дело стало? За приглашениями? Да. Для спонсоров!

Друзья заметили, что я снова оживилась, но причина им была непонятна, а ставшая внезапно слишком уж загадочной улыбка, похоже, сразу начала их нервировать.

Видимо, правду говорят -- "улыбайтесь, людей это раздражает"!

Медленно и бесцельно бродя между высоких сосен, я думала о том, что впервые за три дня вспомнила о существовании компьютера и интернета. Могла ли я раньше так надолго о них забывать?! Видимо, всё дело в особой фролищенской атмосфере. Или в плотности событий на единицу времени. Так надолго, так начисто забыв об инете и компе, я немало удивилась, обнаружив, что стильный нетбук на моём рабочем столе -- всего лишь печатная машинка с монитором, и никаких модемов или кабелей поблизости нет и не предвидится.

Конечно, и этот недочёт можно исправить.

Но я потеряю день. Или неделю. Или даже больше! Кто знает, как работает во Фролищах служба доставки?

Сосны жалостливо качали высокими кронами. Они явно мне соболезновали, хоть и не понимали, что я затеваю, чего хочу...

Серая дорога, расширявшаяся к остановке автобуса, была после вчерашней грозы украшена большой коричневой лужей. Я даже задержалась возле неё: ведь интересно же, сухая земля серая, а мокрая -- коричневая. А, например, асфальт сухой светло-серый, а мокрый -- тёмно серый...

-- Привет!

Кажется, я не вздрогнула.

В первый момент показалось, что ко мне обратился Эдик. Но ведь не мог же он гулять по улице, оставив благоуханный аромат дома?

Правильно. Это и был не Эдик, а просто высокий парень с похожим на Эдинов голосом. Определённые черты сходства прослеживались и во внешности: высокий рост, широкие плечи, загорелая кожа, тёмные волосы и глаза. Но на том сходство и заканчивалось.

У Эдика была довольно-таки короткая стрижка -- волосы этого парня при желании можно чуть ли не в косичку заплетать. Наверное, он так и делал в жару. Эдик отличался атлетическим сложением, а этот -- явным астеническим вычитанием. И нос. Этот парень гордился орлиным профилем, тогда как Эдик был счастливым обладателем очень прямого, даже чуть курносого носа.

Поняв, что слишком долго и слишком пристально разглядываю совершенно незнакомого человека, я приняла молниеносное решение не смущаться.

Вот ещё!

И вообще. Такой высокий, симпатичный... кхм... кажется, я начинаю понимать отношение Веры к Ключевым при живом Филе! Так вот, возвращаясь к начатой мысли. Такой молодой парень в такой стильной одежде вполне может оказаться счастливым обладателем компьютера с выходом в Интернет!

-- Привет! Извини, что долго не отвечала -- задумалась просто, -- как можно непринуждённое зашебетала я. -- Сам понимаешь, третий день на новом месте, в новом городе, вот -- осваиваюсь хожу...

Парень улыбался, его тонкие бледные губы обнажали два ряда мелких ровненьких зубов. Он вскинул бровь:

-- Давай знакомиться, раз осваиваешься? Меня зовут Игорь. Но все друзья зовут Гар. И ты тоже зови так, будем друзьями.

-- Очень приятно, Гар! Меня...

Он не дал договорить, снова вскидывая бровь, словно выразил сомнения относительно того, что мне приятно это знакомство:

-- Хочешь, я угадаю, как тебя зовут?

Я фыркнула:

-- Да здесь каждой шишке на сосне известно, что я -- дочка Лебедева, Надя!

Мысленно поаплодировала себе: Игорь-Гар явно смутился. Не ожидал, похоже.

-- Что ж, приятно познакомиться, Надя! -- он, было, снова вскинул бровь, но тут же прижал её пальцем и ещё более смущённо засмеялся:

-- Вот -- борюсь с дурацкой привычкой по поводу и без повода бровью дёргать...

-- Похвально, -- кивнула я, соображая, как можно быстро вывести беседу на тему интернета? Да чего уж там... терять всё равно нечего.

-- Гар, а у тебя есть компьютер?

-- Нет, -- сказал, как отрезал, и я не удержалась, состроила огорчённую гримаску. Однако, Игорь ещё не закончил:

-- У меня есть ноутбук.

Я заулыбалась, и он тоже, явно гордясь тем, что управляет моим настроением.

Ну ничего. Это мы ещё посмотрим, кто чьим управлять будет!

Заметив, что его тоже привлекает вышивка на моём топике, я вздохнула, да поглубже.

А-га! Щёчки-то порозовели! Ничто человеческое нам не чуждо!

А мне нравится, как он смущается.

-- Э... -- я чуть не назвала его Эдиком! Жуть. Пора завязывать с этими пониманиями Веры. -- Э-э, -- протянула я ещё раз, делая вид, что сосредотачиваюсь, а сама одёрнула топик и ещё раз вздохнула. -- Гар, а интернет у тебя тоже есть?

-- Есть, -- ответил он, наконец отрывая взгляд от затейливой вышивки. -- Нужна почта?

-- Ага... а как ты догадался?

-- Так ведь ты же в Москве жила. И, гарантия, там у тебя интернет был, а здесь ещё за три дня обзавестись не успела. А переписка обширная, требует ежедневного присутствия...

-- Да вообще-то нет, -- сказала я чистую правду. -- Просто срочно надо кое с кем связаться, а кроме как по сети не получится.

-- Срочно -- значит, пошли, -- он смело взял меня за руку и целеустремлённо потянул за собой, петляя между соснами.

Лучше бы на его месте был Эдик.

Но меня никто не спрашивал, что лучше.

Гар жил в пятиэтажке, неподалёку от меня... да в этом посёлке никто не жил далеко! Но стоп, я же смирилась с тем, что теперь живу здесь. И решила, что больше не ненавижу Фролищи, верно?

Двухкомнатная квартирка, где проживали Игорь с бабушкой и тёткой, производила впечатление скромно, если не сказать бедно обставленной. Она ещё сохраняла остатки некогда весьма стильного, а теперь безнадежно устаревшего, хоть и очень качественного ремонта.

Бабушка встретила нас доброй улыбкой, тут же, не дав далеко отойти от порога, попробовала накормить вкусно пахнущими оладушками, отчего Игорь страшно смутился и начал бормотать какие-то извинения. Он вообще слишком часто и слишком легко смущался.

-- Бабуль, ты, честное слово, уж хоть бы пройти, что ли, дала, -- бубнил Гар, а я, крайне доброжелательно настроенная и к бабушке, и к оладушкам, уже благодарила милую женщину и нахваливала продегустированную стряпню. Я даже не отказалась от чашечки чая или кофе, на усмотрение хозяйки.

Игорь смутился ещё сильнее.

Я похлопала его по спине:

-- Да ладно, всё в порядке. У тебя просто чумовая бабушка! И готовит обалденно, правду говорю!

Паренёк немного успокоился.

Его комната оказалась несколько больше, чем ожидалось. Достаточно новый компьютерный стол, довольно-таки приличный ноутбук...

-- А у тебя мило! -- вежливо выразила я своё мнение о жилище.

-- Спасибо, -- галантно ответил Игорь. -- Давай, покажу тебе свою технику.

Следующие минут пять я продолжала изображать воплощённую вежливость, потому что Гар перешёл на дикую, совершенно мною не понимаемую смесь русского языка с хакерским наречием. Мимо моего сознания проплывали, сплетаясь в причудливый узор, всякие разные димы, мамы, гнёзда, фичи...

Через пять минут Игорь вспомнил, что разговаривает не с другом, увлечённым компьютерной техникой так же, как он сам, а с малознакомой девушкой, на которую собирался произвести хорошее впечатление. Спохватился, поняв, что эта девушка последние пять минут только поправляет топик, вздыхает и "угукает".

А ещё через некоторое время Гар уныло грыз губы, сидя на кровати, а я барабанила по клавиатуре со скоростью около пятисот знаков в минуту, сочиняя письма оставшимся в Москве товарищам и знакомым.

Одни из них задолжали мне лично. Другие моей маме. Третьи могли бы согласиться на участие в предлагаемой мною аванюре потому, что Фролищи представляли собой дополнительный рынок сбыта. Похоже, плохой, но тут уж выбирать не приходится. Четвёртые -- потому, что строили в отношении меня некие планы на будущее. Пятые -- просто потому, что при слове "авантюра" делали стойку и неслись, очертя голову, не думая о последствиях, чтоб только выжать из этого мира пару-тройку дней -- или часов, хорошо, пусть минут, ладно, хватит и нескольких секунд! -- на повышенном адреналине.

Глава пятая. "Группа крови на рукаве".

Гар взялся провожать меня до дома, и в благодарность за то, что мне предстояло ещё не раз воспользоваться его компьютером и интернетом, я позволила. Но его увидели сидевшие на скамейке у крыльца папа, тётя Валя и Вера с Филом. Последние очень похоже скопировали полёт игровой брови и синхронно удалились в дом.

Игорь снова засмутился, и я решила выяснить, что причиной на этот раз, задержала его у калитки.

Он ответил в совершенно саркастическом тоне:

-- Как, ты ещё не в курсе, что сейчас мы имели возможность наблюдать за жизнедеятельностью клюевоненавистников?

-- В курсе, но при чём здесь Клюевы? -- ответила я вопросом на вопрос, а сама мысленно хмыкнула: похоже, во Фролищах всё так или иначе связано с Клюевыми.

-- Здесь у нас всё так или иначе связано с Клюевыми, -- озвучил Игорь мои мысли, удостоившись недоверчивого взгляда от меня. -- Наверное, ты и сама уже подумала о том же. Верно?

Я кивнула.

-- Верно... -- задумчиво повторил парень. -- Раньше мы дружили. Вера, Фил и я. А потом появились Клюевы. И оказалось, что я должен сделать выбор, или -- или.

-- И ты выбрал Клюевых? -- робко предположила я.

-- Нет. Я выбрал одиночество. Если мои друзья не способны допустить в своё сознание мысли о том, что я способен разделить своё сердце на две равные части, даже не так -- клонировать своё сердце, и оба вшить в грудь, и одним любить и ценить дружбу с ними, а другим, новым, дружбу с Клюевыми... грош цена таким друзьям!

В этой фразе могло быть меньше наворотов и пафоса, однако, если бы Игорь изъяснялся иначе, он потерял бы как минимум половину своего очарования.

-- Странно, -- это действительно казалось мне странным, о чём я и сообщила. -- Странно, Гар. Я тоже дружу с Верой и Филом. И дружу с... -- чуть не сказала "с Эдиком", -- с Клюевыми. Я просто общаюсь то с одними, то с другими. И... нормально всё. Может, вы просто друг друга не поняли?

-- Нет, -- с ясно различимой горечью вздохнул Игорь. -- Нет, мы друг друга просто замечательно поняли. Да и ты бы тоже поняла. Вот сейчас что мы видели? Аттракцион ненависти ко мне, посмевавшему пару месяцев назад заикнуться о дружбе с Клюевыми.

-- Но мне ведь...

-- Ты не росла вместе с ними! Ты не бегала каждый день с ними на речку! -- Гар говорил всё громче, а рука его всё размашистее отбивала ритм слов. -- Ты не изобретала с ними на уроках химии взрывчатку для подрыва школы! Не сочиняла с ними отговорки за пропущенные уроки физкультуры! Не лазила с ними по чужим садам за яблоками! Не дышала семнадцать лет одним с ними воздухом! Ты из Москвы, и уже за одно это тебе прощают дружбу с врагами!

Вот он, мой шанс, и я его не упустила:

-- А кстати, почему им Клюевы враги?

Игорь даже ростом ниже стал, так опечалил его мой вопрос:

-- Если бы мне знать, Надя. Но я не знаю. Я спрашивал, а мне говорили: ты нам друг или как? И ничего не объясняли.

-- Жаль.

Мне действительно было жаль.

-- Зайдёшь на чай?

-- Ты что? -- он снова прижал вскинутую бровь пальцем. -- Ты что, забыла, кто там у тебя сидит, э?

-- Ну, ладно, -- беспечно улыбнулась я. -- Тогда в следующий раз!

Гар обрадовался упоминанию о следующем разе и, козырнув к пустой голове, развернулся на пятках и чуть ли не побежал к себе.

Вера и Фил пили чай -- мне, кстати, тоже налили -- и спорили о том, почему я так выразительно улыбалась, прежде чем уйти домой, как теперь выяснилось, даже не к себе, а к предателю.

-- Ну какой он вам предатель? -- возмутилась я.

-- А что, он нашу дружбу не предал? -- парировал Фил. -- Мы же ему по-русски сказали, если хочешь дружить с нами -- даже не смотри в сторону Клюевых!

-- А что ж вы мне так не сказали? -- я начинала закипать, но ребята этого, кажется, не замечали.

-- Да что тебе-то говорить! -- засмеялась Вера. -- Тебе же можно!

-- Потому, что я из Москвы?

Будь я кошкой, уже засыпала бы их всех искрами. Или глаза бы повыцарапала. Им. Обоим. Они дружно ржали и покачивались на стульях, ставя их на две задние ножки.

-- В общем, так! -- я с размаху хлопнула обеими ладонями по столу и резко села.

Стул не вынес напора и с оглушительным треском развалился подо мной!

Если бы я не успела вцепиться в столешницу -- загремела бы на пол, головой о холодильник...

А вот если бы Вера с Филом не прекратили ржать, я б, наверное, присоединилась к ним, мы дружным смехом проводили бы в мебельный рай душу безвременно почившего стула и на том бы всё закончилось. Но они умолкли как по команде и смотрели на меня с таким непонятным выражением... неприятным.

-- В общем, так, -- я постаралась, чтобы голос мой звучал ровно, встала, упёрлась руками в стол, склоняясь к сладкой парочке. -- Слушайте меня, и внимательно. Вы ненавидите Клюевых, но терпите то, что я дружу с ними. Значит, будете терпеть и то, что Гар -- мой -- друг! Не хотите с ним общаться -- не надо. Но чтобы в моём присутствии никаких подколов, издёвок и игнора в его адрес!

Вера тоже встала. Скрестила руки на груди.

Ой.

Наверное, надо пугаться, когда перед тобой вдруг вырастает отвесная скала-девушка сплошь из загорелых мускулов, а рельефные плечи её медленно и неотвратимо раздуваются до толщины вековых сосновых стволов.

Трёхвековых.

Нет, пятивековых...

Мне бояться было нечего. Я выпрямилась. Я всё равно была ниже ростом, но разделявший нас стол нивелировал эту разницу. Хотя, конечно, что я могла противопоставить мускулатуре Захарченко, кроме несгибаемой воли -- и одного маленького, совершенно незначительного сюрприза, о котором подруга-культуристка даже не догадывается.

Ведь у меня несколько больше мышц... во рту.

Мы с Верой смотрели друг на друга. Молчали, пока она очень холодно не поинтересовалась:

-- Это ты сейчас взялась мной командовать?

-- Да, -- спокойно кивнула я. -- Это я попросила тебя принять как данность то, что я всегда дружила и буду дружить только с теми, с кем хочу. С тобой -- хочу. С Филом хочу. И с Клюевыми! И с Гаром, представь себе, тоже.

Следующие слова дались мне очень тяжело. Может быть, пройди чуть больше времени, чем три дня, я бы их и не сказала, но всё происходило слишком стремительно, и поэтому я верила, что у меня хватит сил выполнить то, что пообещаю:

-- А если ты -- не принимаешь меня -- такой, какая я есть... что ж, Вера. Тебя здесь никто силой не держит.

Фил громко стукнул лбом о столешницу. Гарантия, не хотел издавать такого сочного звука, но так уж получилось.

Вера расплела руки, и с тенью улыбки на лице почесала Филу за ухом, как коту. Широков незамедлительно замурлыкал. Захарченко более явственно улыбнулась и вздохнула:

-- Ой, Надька, по краю ходили... ну да фиг бы с ними всеми! Чего не сделаешь ради настоящей дружбы... дружи, с кем хочешь, раз ты всегда так поступаешь.

Я хмыкнула:

-- Ой, Верка, неужто ты мне разрешаешь?

Вот теперь, хоть и запоздало, Широков и Захарченко разразились дружным хохотом.

Да уж. Лучше поздно, чем никогда.

В катании на велосипеде была своеобразная прелесть. Живя в Москве, я не могла её до конца прочувствовать. Ведь нельзя же получать удовольствие от запаха выхлопных газов и асфальта, бесконечных верениц машин на улицах и толп народа в парках и скверах!

А вот во Фролищах в моё распоряжение поступили шикарные пейзажи средней полосы, реликтовые сосновые боры и чистейший воздух, полный природных ароматов... кстати, некоторые из них были вовсе не так уж приятны. Например, бензиновая лужа на стоянке автобуса... хотя это как раз и не особо природно. Или, вот ещё, козы. Пегая папина Упа -- он назвал её именем речки, чтоб молоко рекой текло -- и её товарки, многочисленные Ляльки, Мальвы, Дарёнки и прочие, дни напролёт усердно выщипывали траву с обочин и посыпали дороги отборным "душистым горошком", а уж как одорировали округу их хлева и загоны с поросятами и прочей живностью...

Оказалось, что мой "Салют", пусть и не чета всяким там разным "Стелсам" и иже с ними по дизайну, вполне может сочетать в себе свойства и прогулочного, и горного велосипеда, одинаково успешно крутит колёса на ровной грунтовой дороге, на коротком заасфальтированном переулке, на кочковатом шоссе, ведущем к химбату, на бугристой лесной тропе... я не занималась на нём фристайлом, не ставила его на одно колесо, просто ездила. Разгонялась и дышала бьющим в лицо ветром, шурилась от мелькающих в глазах солнечных бликов. Или лениво покручивала педали, медленно проезжая мимо сосен, наслаждаясь тишиной. Я выезжала "на конные прогулки" по несколько раз в день. Видела, что здешние мальчишки и девчонки тоже гоняют на великах, но никогда не испытывала желания присоединиться к ним. Правда, одна групповая поездка мне в ближайшее время всё-таки предстояла.

-- Поедем завтра на Санхар? -- предложила Вера.

-- Лучше на Варех! -- вскинулся Фил.

-- Ага, кормить комаров с Варехских болот!

-- Будто на Санхаре комаров нет!

-- Есть, но не столько же!

-- Зато какие злющие!

-- Ну так на Варех же пешком надо!..

Так препираться сладкая парочка могла часами. При этом ребята чаще всего сидели обнявшись и даже целовались, с перерывчиками на мелкие склоки.

Я вспомнила этот разговор, потому что уже далеко отъехала от Фролищ. Ну, как далеко... ехала небыстро, со скоростью километров пятнадцать в час, зато по лесу и почти без тропы. А, кажется, в этом направлении в двадцати пяти километрах от Фролищ было то самое озеро Санхар.

Если прибавлю темп, вполне могу ещё до ужина управиться -- сгонять на озеро и вернуться домой. Интересно же посмотреть, что за место такое! Вдруг не понравится -- что, конечно же, вряд ли, -- и тогда буду поддерживать Фила и проситься на Варех. Или там на Еловое, на Кшару, Юхор, Светлое, Утрех... какие тут ещё озёра? А, Гаравы, Большая и Малая. Ну просто озёрный край какой-то.

У меня всегда легко получалось ориентироваться на любой местности безо

всяких компасов и карт, вот и теперь, я хотела на озеро, и мне уже чудилась протянувшаяся между ним и мною ниточка. Если буду крепко за неё держаться, не заблужусь и выеду точно туда, куда хочу.

Интуиция и запах нагретого бетона подсказали, что, свернув сейчас налево, выберусь на гладкую дорогу и доеду до озера быстрее, чем по лесу. Действительно, очень скоро я выехала на дорогу, выложенную железобетонными плитами, но развить приличную скорость не получалось: плиты торчали в разные стороны, и получить удовольствие от езды по такой дороге могли только любители совсем уж экстремального катания. Зато рядом тянулась песчаная колея, куда я и съехала. Пригнувшись к рулю, наподдала по педалям, и сосны замелькали, убегая назад, и мне уже чудился запах свежести, когда по нервам вдруг ударил такой знакомый, такой желанный аромат Эдика!

Внутренний Дикий радостно взвизгнул. Резко затормозив, чуть не оторвав подошву от кеда при соскоке, я принялась.

Ветер дул вдоль дороги. Значит, Эдик где-то впереди!

Так быстро я, наверное, никогда ещё не ездила. Минуты не прошло, как вдали перед глазами замаячили белые шорты и синяя майка. Мышцы застонали, с такой силой крутила я педали, а силуэт Эдика никак не приближался. Я даже порычала немножко, но быстро поняла, что этим только сбиваю дыхание. "Вот сейчас мы его догоним! -- радостно потирал лапки Внутренний Дикий. -- Сейчас мы его догоним и попьём!"

Вместо того, чтобы прицкнуть на него, я сосредоточилась на погоне, и он почуял волю, старался изо всех сил, накручивая мне нервы: "Чуешь, чуешь, как пахнет? Чуешь? М-м-м-м!.."

Наверное, это действовала какая-то оптическая иллюзия. Готова поспорить, моя скорость достигла уже километров сорока в час! А Эдик был не дальше, чем в паре сотен метров! Но почему я никак не могу догнать его? Не может быть, чтобы он мне снова снился!

Дорога резко, под прямым углом поворачивала, и я подумала, что сокращу расстояние между собой и Эдиком, бегущим по плитам, если срежу путь по прямой, через обочину. Есть! Эдик стал ближе. Я решила окликнуть его:

-- Э!.. -- окончание "дик" ветер впечатал мне в губы. Да и дыхание сбилось, пока набирала скорость.

-- Эдик!

Вторая попытка оказалась успешнее. Ключев оглянулся и приветливо помахал мне рукой, но и не подумал останавливаться.

Нет, это всё-таки сон. Это не может быть явью! Я -- на велике! И кручу педали изо всех сил! Он -- пёхом! Я -- не могу его догнать! Да чушь же собачья!

-- Эдик, стой!

Он остановился, и я, усталая от этой нелепой погони, чуть не свалилась с "Салюта" прямо на месте. Постаралась не рухнуть пыльным мешком на дорогу, а аккуратно, пусть и не слишком изящно, слезть с седла. Подвела машину, держа за руль, к Эдику.

Руки дрожали.

-- Привет, -- он заговорил первым. -- Прости, я увлёкся и не обратил внимания, что ты за мной едешь. Ты не устала?

-- Ты ещё спра... шиваешь, -- начала я с апломбом и пафосом, но закончила на выдохе. Шарик сдулся. Ярость погони утихла, Внутренний Дикий умолк.

Запах Эдика туманил разум, но не взгляд, и я впитывала каждой зрительной луковичкой, каждой клеточкой сетчатки радужные блики на изгибах Эдиковых кудрей... все оттенки карего в его глазах... мелкий бисер пота, проступивший на загорелой гладкой коже...

Внутренний Дикий жалобно заскулил, впиваясь взглядом в пульсирующие вены на шее Ключева. Я сглотнула. Облизнулась и отвела взгляд.

Нет.

Я не буду его пить. Буду жить мыслями о нём. Или стоять вот так, как сейчас, долго-долго, и дышать им. Если можно, то, пожалуйста, вечно.

Молчание затягивалось.

Видно, это мой бич в последнее время.

-- О чём молчишь? -- спросила я, набравшись смелости.

-- Не о чём, а о ком, -- поправил меня Эдик и улыбнулся.

Коленки растаяли, и удержаться на ногах позволяли только крылья за спиной, выросшие от этой улыбки.

-- Хорошо... о ком молчишь?

-- О тебе.

И мы снова умолкли.

Я чувствовала, как теплеют уши, прямо-таки видела, как сквозь загар на моих щеках проступает смущённый-пресмущённый густой румянец, как улыбка на губах становится отрешённо-блаженной.

Он!

Молчит!

Обо мне!

-- А о ком молчишь ты? -- вернул вопрос Эдик. -- Или ко чём?

-- О ком, -- тихо выдохнула я, продолжая впитывать его дыханием и взглядом.

-- Позволишь мне угадать?

-- Ага...

-- Обо мне.

Эдик улыбался так открыто, так радостно, и засмеялся так... счастливо, что я принялась смеяться вместе с ним. Он сказал "обо мне" безо всякой самоуверенности, так просто, так мило, что при всём желании невозможно было упрекнуть его в самодовольстве или зазнайстве. И мы вместе посмеялись над нашим сеансом перекрёстных дум друг о друге.

-- Эдик...

-- Да?

-- А ты всегда так быстро бегаешь?

-- Разве я бежал быстро?

-- Но я же на велосипеде не могла тебя догнать!

-- Да ладно! Ты просто медленно ехала!

Я отступила на шаг от неожиданности.

-- Я?! Медленно?! Да ты посмотри! - я резко развернулась к нему спиной. -- Ты посмотри, у меня вся майка вымокла, как я за тобой гнала!

-- Да просто жарко сегодня, -- примирительно сказал Эдик. -- Ты, может, перегрелась просто... Давай я тебя домой отвезу.

Даже если и планировала ещё возмущаться и требовать доказательств того, что я перегрелась и бредила -- он же явно на это намекнул! -- то последняя фраза заставила испариться все мои претензии.

Я прикрыла на миг глаза и словно ощутила, как он будет бережно поддерживать меня своей рукой, как буду обнимать его... если бы внезапно на землю обрушилась космическая темнота, мои глаза засияли бы не хуже фар дальнего света! И озаряли бы они Эдика Ключева! От растрёпанных ветром волос и невыносимых в своей глубине глаз до стоптанных кроссовок на загорелых стройных ногах!

Мы медленно ехали домой. С того момента, как я увидела белые шорты, синюю майку, чёрные кудри, для меня перестала существовать красота окружающей природы. Теперь же, сидя на раме "Салюта", круто выворачивая позвоночник, чтоб обеими руками крепко держаться за горячую спину Эдика, я вновь могла восхищаться этой поразительной гармонией, что постоянно была рядом со мной вне зависимости от того, обращают ли на неё внимание.

Солнце катилось к западной стороне горизонта, растрескавшиеся плиты казались темнее обычного, а сосновые стволы были цветом, как тёмный янтарь, как гречишный мёд.

Запятнанная закатными солнечными лучами зелень хвои парила в недостижимой высоте, смешиваясь с ультрамарином неба.

Мы медленно ехали и разговаривали, обо всём и ни о чём. Эдик узнал, что мне за последние три дня Фролищи... понравились. Да, и нравятся всё больше и больше, но всё равно я планирую вернуться в Москву через год, чтобы поступить в институт, выучиться... ну, там видно будет, куда и зачем я буду возвращаться и буду ли... что я всю жизнь провела в Москве и просто не представляла себе, как можно жить в каком-нибудь другом городе.

В голове сладко трепетала тоненькая, маленькая, но очень быстро крепнущая в присутствии Эдика мысль: да разве жила я там, в той Москве? Ведь жизнь моя началась позавчера. Когда я впервые ощутила этот божественный аромат. Увидела Эдуарда Ключева. Поняла, что никогда не решусь даже глотка его крови сделать, несмотря на то, что хочу этого больше, чем чего бы то ни было в этой жизни!

Я старалась особо не наседавать на Эдика с расспросами, но всё равно получалось, что больше спрашивала я.

Постепенно узнавала всё больше и больше о том человеке, который неожиданно для меня стал смыслом всей моей жизни.

Оказалось, что у Эдика девять братьев и пять сестёр, и все родные! А ещё есть около десятка сводных. Он называл их всех по именам, пытался за каждым именем закрепить некий "опознавательный" ярлычок, но в голове у меня всё равно образовывалась каша.

Папа Ключев был военным, мама домохозяйкой -- другой профессии при таком количестве детей просто и быть не могло! -- все старшие братья шли по стопам отца, а вот девочки учились кто на кого, пополняя ряды Ключевых бухгалтерами, дизайнерами, экологами, психологами и финансистами.

Сам Эдик тоже хотел стать военным.

-- Ты хочешь маршировать по плацу и орать дурацкие песенки?! -- изумилась я.

-- Зачем сразу дурацкие? -- усмехнулся Ключев. -- Среди строевых песен есть очень даже неплохие. И потом, я же не намерен всю жизнь оставаться рядовым. Вот так погоняют меня по плацу, а потом выучусь и буду сам новобранцев гонять. А потом гонять тех, кто гоняет новобранцев...

-- А потом?

-- А потом на пенсию выйду и проживу в своё удовольствие!

Мы засмеялись.

-- А если пошлют в горячую точку?

-- Пришью на рукав нашивку с группой крови и в путь.

-- Э-э... -- слова о группе крови Эдика натолкнули меня на совсем другие размышления, вовсе даже не о войне.

Я облизнулась и перевела разговор в менее возбуждающее русло.

И всё-таки. В голове кроме сладенькой мысли о моей любви к Эдику крутилась ещё одна.

Я же ехала быстро. Очень-очень быстро. Почему же никак не могла догнать его?..

Глава шестая. Страшные истории у костра.

Папа и тётя Валя оставили мне целых три записки.

Первая, на самом видном месте, приклеенная к ручке входной двери, гласила, что они уехали в Дзержинск и могут задержаться, вернуться поздно или даже заночевать у папиного друга в городе. От неё пахло папой и Захарченко-старшей.

В принципе, даже хорошо...

Вторая записка обнаружилась на двери холодильника. Разумеется, она содержала наиподробнее инструкции о том, как разогревать котлеты, кашу, суп. Пахла записка, как и первая.

Про чай мне больше не писали, и то прогресс.

Третья записка лежала на ступеньках лестницы, на втором повороте. Тётя Валя вряд ли пошла бы туда, и можно было не принохиваться, она не принимала в написании ни малейшего участия.

В третьей записке папа очень-очень просил меня по возможности ночевать дома и не делать глупостей, сама знаю, каких.

Интересно... о чём это он? Какие такие глупости я должна знать, да ещё и не делать? Ничего. Вернётся -- спрошу, что он имел в виду.

Котлеты греть я не стала, суп тоже. А вот кашу разогрела, почти не руководствуясь инструкцией. Каким-то интересным образом отсутствие мамы, готовящей вкусные обеды и всегда подающей всё на стол горячим или холодным в зависимости от блюда, стимулировало меня на очень быстрое усвоение правил пользования плитой и порядка долива воды, прибавления-убавления огня и прочих премудростей.

А гречневую кашу тётя Валя готовила просто вкуснейшую. Если мы с мамой добавляли в неё рубленное яйцо и жаренный лук, то Захарченко готовила гречку с грибами и печёнкой. Я просто млела от её вкуса.

Маленькое окошко кухни выходило на забор с соседями, увитый "бешеным огурцом", оно светило всё тусклее.

Наступали сумерки.

А я любила ночь.

Наверное, даже не потому, что это -- традиционное время бодрствования вампиров. Не потому, что это время охоты, на которую исправно каждую ночь намекает моя дикая составляющая. А просто ночью можно лежать на крыше шестнадцатиэтажки и смотреть, как медленно поворачивается звёздный купол неба... всё предельно ясно и чисто, темнота укрывает и прячет, окутывает мягким бархатом невидимости... и звёзды любуются землёй, и, наверное, даже завидуют нам, людям, потому что у нас такая интересная жизнь! Каждый день приносит новые проблемы, каждый час приходится прилагать усилия для их решения, каждую минуту можно увидеть что-то, чего раньше никогда не видел, а они, звёзды? Только и могут, что созерцать ночную тишину, которая сверху почти одинакова...

Размечтавшись, я не сразу обратила внимание на то, что моим мыслям подпевает красивый мужской голос:

-- Неизменны, в ночной тишине

Светят звёзды, тебе или мне

Предлагая поверить в мечту.

Каждой ночью в обманчивом сне

Зажигают свечой на окне

Луч надежды, но всё в пустоту...

Это пел Эдик.

Сердце отчаянно заколотилось в груди и я на одном дыхании взлетела вверх, в свою комнату.

Почему не побежала к нему, на улицу? Да где это видано, чтобы прекрасная дама, для которой отважный рыцарь поёт серенаду под балконом, прям-таки сразу к нему выбегала!

Вот и я, распахнув окошко в сад, залюбовалась резным краем чёрных крон на фоне синего-синего сумеречного неба, заслушалась ласковым баритоном Эдуарда Ключева, подперев кулачками подбородок.

-- Все слова -- пустота или ложь,

И букетов жизнь так коротка,
Только знаю, сегодня ты ждёшь
Моего
Звонка...

А ведь он даже не спросил номера моего телефона. Я понимаю, ему что позвонить мне, что прибежать с гитарой под окно -- по времени одно и то же, но... но если я ему действительно нравлюсь, мог бы и проявить, так сказать, официальный интерес!

Но ведь не проявил же... ну и пусть. Зато у него такой красивый голос! И слова правильные...

Общую гармонию вечера нарушила другая песня:
-- Я обликом драконьим пренебрёг.
Я отдал свой огонь бродяге-магу...

А это ещё что за...

Я подбежала ко второму окну, спряталась за шторкой.

Окна со стороны улицы оккупировал Гар. У него был поставленный сильный голос, и песня в мелодическом плане посложнее, чем та, которую исполнял Эдик.

И сюжет прослеживался забавный, как раз в духе Игоря: суровый дракон влюбился в прекрасную принцессу и отдал всё, что у него было, за право стать человеком. Но противная принцесса -- выпороть бы такую! -- заявила, что человек-дракон слишком старо выглядит, и отказалась выходить за него замуж... дура.

-- Я знаю, маг отдаст мне мой огонь,
Собратья в небесах вновь примут в стаю, -- проникновенно пел Игорь:
-- Да толку мне с того, что я всё знаю?!
Ведь ты "вернись" не крикнешь мне вдогон....

Я любила драконов.

Но Ключева любила сильнее, поэтому, дослушав обе песни, спешно выбежала на сторону сада... а Эдика уже след простыл. Только медленно таял в ночи его умопомрачительный запах.

Вот так.

Надо было всё-таки по первому аккорду бежать, и бог с ними, с прекрасными дамами, маринующими своих верных рыцарей!

Я вернулась на кухню, доела остывшую гречку с грибами и печёнкой и приняла решение не ночевать дома. Мало, что ли, красивых побережий у Луха?

Ночью река пахла иначе, чем днём. Иначе пахли сосны и песок. Днём воздух был теплее песка и воды, теперь же ветерок гонял прохладу, а вода прогрелась, как парное молоко, и песок, песок тоже обнимал нежным, ненавязчивым теплом. Я сняла шлёпанцы и пошла босиком, зарываясь в него пальцами ног.

И видела я совершенно не так, как днём. Вроде бы и всё в чёрном цвете, и каждый предмет ясно различим по отдельности.

А вот звёзды подмигивали с высоты те же самые, что и над Москвой. Может, чуть-чуть сдвинутые набекрень...

Мне нравилось медленно шагать по берегу, думать об Эдике и строить планы на будущее. Конечно же, в моих мечтах Ключев по умолчанию был в курсе, что я вампир, не имел ничего против, всё так же и даже сильнее любил меня, и мы жили душа в душу.

Только вот где? Представлялось какое-то странное место, бредовая мешанина из Москвы и Фролиц. Этакie высотки среди сосен, а сосны ещё выше высоток, и под корнями одной из них -- детский садик на берегу речки, а в нём целый выводок маленьких Ключевых-Лебедевых...

Веру и Фила я сначала услышала из-за поворота Луха, а потом увидела, сидящих на противоположном берегу у костра. Потом и лёгкий дымок долетел, он отчётливо пах не то душицей, не то мятой.

Друзья меня не замечали, болтали о чём-то, кидая камешки в воду. Я бы тихо прошла мимо зарослями камышей и рогоза и побрела бы себе, если б они не замечали меня и дальше, но тут Захарченко звонко закричала:

-- Наааадяааа! Иди к нааааам!

Эхо потащило над рекой "я-я-я" и "ам-ам-ам", а я закричала в ответ:

-- А мост где?

(Е! Е! Е!)

-- Да зачем он тебе?!

(Бе! Бе! Бе!)

-- Плыви так! -- присоединился Фил, и эхо, испугавшись его баса, умолкло.

Я засмеялась. А правда, чего это я? На мне же всё равно купальник.

Дальше последовал цирковой номер "Надя переплывает Лух". Он немало повеселил моих друзей. Когда ещё увидишь госпожу Лебедеву с привязанными майкой к голове шортами и шлёпками? Фил и Вера сначала помогали ценными советами, потом показывали жемчужины на дне, за которыми надо бы нырнуть -- ну почто зазря такие сокровища пропадают? -- пугали меня, грозясь плывущими наперерез ихтиандрами, в общем, всяко мечтали, чтобы я утопила свою и без того подмокшую одежду. Но я проявила непреклонность и добралась до их берега с почти сухими шлёпками и шортами. Майке всё-таки досталось.

-- А мы сидим, смотрим, кто-то идёт, а это ты, -- сонно поморгал Фил.

Вера согласно кивнула:

-- Ага. Подумали, мало ли, куда ты, но решили к себе позвать. У нас травка в костре.

-- Травка? -- насторожилась я, не чувствуя никаких наркотических запахов.

-- Ну да. От комаров! -- зевнул Фил. Он выглядел так, словно сейчас упадёт и уснёт на месте.

Захарченко заглянула ему в рот, не иначе как в поиске кариеса, и тоже зевнула. Я еле подавила коллективистский зевок-за-компанию. Знала, что зевота заразна, но не думала, что настолько!

-- Зайчик мой, -- потрепала Вера Широкова по макушке, -- может, домой поскачешь, спатки?

-- Мррр... нет, я лучше тут рядом с вами вздремну, а потом вместе по домам...

-- Ну, ложись, мой сладенький. А мы с Надей тогда ещё посидим... правда, Надь? Ты ведь спать ещё не хочешь?

Голос Веры излил на меня столько надежды, что я, даже чувствуй себя так, как выглядел Фил, всё равно сказала бы, что пока ещё спать не хочу и с удовольствием составлю ей компанию.

-- Ура, -- тихо обрадовалась Захарченко. -- давай поболтаем?

-- Давай.

Но вместо того, чтобы болтать, мы занялись укладыванием Фила и кормлением костра. А потом в ночной тишине, нарушаемой только мирным сопением сладко спящего Широкова, раздалось яростное уханье, заставившее меня подскочить.

-- Это филин, -- успокоила меня Вера. -- Он для людей не опасен.

-- Знаю.

-- А чего тогда скачешь? Смотри, чуть моего зайньку не разбудила...

-- Что-то ты к нему сегодня ласковая очень.

-- Заработал потому что. Весь день -- скок-поскок, скок-поскок...

Шутила Захарченко или нет, понять было просто нереально, однако, видимо, нездоровый скептицизм слишком явно проступал на моём лице.

-- Он, правда, сегодня весь день промотался, Надь. Мне его жалко даже. Но ничем помочь не могу...

-- А в чём не можешь? Почему?

Надо сказать, спросила я просто из вежливости, не испытывая особого интереса к тому, чем там занимается Фил. Тяжело ему, сложно -- что ж, примем как данность. Но Вера так выразительно на меня посмотрела, так загадочно замолчала, что настоящий интерес тут же пробудился.

-- Не, ну правда, что он делал сегодня?

Нехотя, словно сознаваясь в чём-то нехорошем -- и, похоже, краснея, просто в свете костра видно плоховато! -- Вера пояснила:

-- Ну, бегают он... тренируется.

-- А для чего?

-- Ну как для чего? Говорю же: бегают он... плохо. А хочет натренироваться, чтобы хорошо. И прыгать учиться.

-- Молодец...

Понять, зачем Филу хорошо бегать и прыгать, я не могла. И не хотела. Вера больше не выглядела загадочной, и интерес, удовлетворившись кратким пояснением, уснул. Наверное, всё дело в школьных уроках физкультуры. Хотя, конечно, Широков занимается танцами, а у нас в школе для танцоров делались поблажки. Кто знает, может, тут не делались?

Новое молчание несло уже другой оттенок. Непокойный, душный. И тени вокруг костра стали какими-то слишком густыми и чёткими. Я накручивала себя на ровном месте и не понимала сама, зачем это делаю. Казалось, надвигается некая абстрактная опасность, просто ужасающая в этой своей абстрактности. Странно знакомые запахи будоражили нюх, но не привязывались ни к каким осознанным воспоминаниям.

Я дёрнулась, когда снова заухал филин, уже в другой стороне. На этот раз Захарченко меня не стала успокаивать, молча пошевелила веткой костёр. Алые искры, на лету багровея, взвились высоко-высоко, и мне почему-то стало совсем не по себе.

Мы коротко переглядывались, словно у нас была некая тема для разговора, но мы не знали, с чего начать.

-- Надь...

-- А? -- я вздрогнула от неожиданности.

-- А ты мне ничего рассказать не хочешь?

Кошмар. Вот оно. Вера каким-то образом вызнала, что я вампир, и заманила меня на берег Луха, чтобы убить. А Фил притворяется спящим нарочно, готовится неожиданно из темноты ударить в грудь осиновым колом.

Я еле сдержалась, чтобы не заметаться у костра, повторяя траектории скачущих по голове мыслей, и осторожно спросила у Захарченко:

-- А должна хотеть?

-- А я знаю?

И мы вновь замолчали. Напряжение медленно спадало. Ну и напридумывала я себе всякой ереси! А ведь Вере просто как и мне охота всё-таки поболтать. Только тема не приходит. И всё. Наверное. Но уточнить всё-таки не помешает.

Сопел и ворочался Фил. Недовольно ворчал в лесу филин.

-- Вер...

-- Да?

-- А ты сама ничего мне не хотела рассказать? -- осторожно поинтересовалась я и с облегчением услышала в ответ тихий смех:

-- Да вроде нет! Просто ты тут сидишь вся такая нервная, дёргаешься без причины, ну, думаю, чем-то поделиться хочет, и никак не решится!

-- Уфф... -- я старательно выжала весь воздух из лёгких. -- А я уже испугалась.

-- А я уже заметила.

-- Не, ну правда... поболтать хотели... а о чём?

-- Не знаю.

И кто меня дёрнул в тот момент за язык? Может, ещё до конца не улёгшийся страх выпрашивал для себя обоснования. Я спросила Захарченко:

-- Вер, а у вас тут есть какие-нибудь страшные легенды?

Теперь дёрнулась она.

Посмотрела на меня искоса, яростно шуруя веткой в костре и засылая в небо полчища искр.

-- Самое время ночью у костра страшилки рассказывать!

-- А что? -- я прикинулась беспечной. -- Действительно ведь, самое время!

-- Хорошо. Я расскажу, -- подозрительно быстро сдалась Вера, откладывая ветку и отряхивая руки. -- Только потом не говори, что я виновата и тебя всю позапугала.

-- Не буду!

Я свернулась калачиком на земле и приготовилась слушать, всем видом выражая нарочитую готовность.

-- Ну хорошо, -- повторила Захарченко, улыбнулась и завела особым сказительским голосом, совершенно не подходившим к её бодибилдерской фигурке. -- Давным-давно, в те времена, когда посёлка Фролищи ещё не существовало, а на месте Флорищевой пустыни стояла одинокая хатка отшельника...

Мне казалось, что в пламени костра перед глазами проступают картины, которые рисуют слова Веры. Она явно повторяла то, что слышала много раз от других.

-- ...пришли в места эти оборотни. Целая стая! Где проходили они, там оставались мёртвые поселения. Не щадили звери ни малых, ни старых, ни женщин, ни мужчин.

Захарченко с явным удовольствием выдавала подробности:

-- Стая приходила в селение, дожидалась темноты, и, как только всходила полная луна, врывалась в дома, выбивая окна и двери, вытаскивала людей из их уютных тёплых постелей, и разрывала на части! А в те дальние времена леса здешние уже были так же густы и высоки, как и теперь, но только ещё гуще, ещё выше, и простирались они на много-много дней... недель, месяцев пути. Белка могла, не слезая с дерева, проскакать от самого Белого моря и до Индийского океана!

Похоже, Вера только что передала мне особенно запавшую ей в душу метафору, с таким удовольствием прозвучали слова о белке.

-- Долго шла стая, не встречая жилья человеческого. И мимо хатки отшельника тоже прошла бы, ведь не пахло от неё ничем, кроме трав лесных да кореньев и ягод, которыми питался... кхм... кандидат в святые. Но дорогу оборотням преградила другая стая...

Вера сделала паузу. В этом месте, наверное, поколения сказителей останавливались и ждали нетерпеливого вопроса от слушателей. Незаметно увлёкшись немудрёной историей, я тоже спросила:

-- Чья? Какая?

Захарченко склонилась ко мне, рискуя обжечь плечо и подпалить косу:

-- Стая вампиров!

Я похлопала глазами.

Вера молча ждала реакции. Видимо, здесь полагались визги-писки ужаса.

-- Круть... -- просипела я, еле сдерживая отчаянное желание некрасиво заржать. Ведь подружка-то, похоже, считает, что это кульминационно страшный момент!

Вот так страшилка! Всем страшилкам страшилка! В незапамятные времена гуляли себе вампиры да оборотни, цельными стаями, а как встречались где-нито на полянке в густом лесу, так и принимались рассказывать друг другу -- где были, чего видели, кого ели-пили... пламя костра услужливо развернуло дальнейшие события: встретились, поболтали, вместе бухнули, перепили, подрались и разбежались двумя основательно прореженными в драке стаями, гулять и дальше, пока снова судьба не сведёт на полянке в

реликтовом бору...

Недовольная моей непонятной реакцией, Вера всё-таки собралась с мыслями и продолжила:

-- Стая вампиров заприметила отшельничье обиталище. Вампиры тоже давно уже шли по лесам, не встречая людей, и теперь, когда встретились с оборотнями, решили разделить с ними отшельника...

-- Стоп. А почему это вдруг две стаи вместо того, чтоб друг друга перегрызть, взялись отшельника делить? -- уточнила я момент явной нестыковки.

-- Откуда я знаю! -- недовольно отмахнулась Захарченко. -- Я что, там была, что ли? Сказано: решили отшельника разделить. Вампиры сказали, что возьмут его кровь, а оборотням отдадут тело. Хотя и невелик был тот отшельник, но всё ж от голода помереть не дал бы.

Я всё равно не понимала, как можно так тупо сойтись на дележе всего-то одного отшельника, когда есть стая живых, наполненных кровью оборотней? Хотя, может, они пахли плохо... или оборотни для вампиров и наоборот вообще были несъедобными...

Провалы в образовании, однако! Я, конечно, знала, что оборотни существуют, и что даже в Москве живёт община цивилизованных оборотней, что иногда отлавливают диких, но никогда с ними не пересекалась.

Сделав мысленную зарубку -- узнать подробнее об отношениях вампиров и оборотней -- я вслушалась в Верину речь.

-- И пошли вожак оборотней и вожак вампиров к отшельнику, вежливо попросили его выйти из укрытия. А он и не укрывался, он молился у себя в хатке. Вышел он к ним почти сразу, как только молитву дочитал. И сказали оборотень и вампир: вот, мы привели сюда свои стаи и решили, что твоя жизнь сейчас оборвётся. Спросил вампир: достаточно ли усердно молился ты своим богам? Спросил оборотень: готова ли душа твоя навеки проститься с телом? Отшельник же ничего не сказал, улыбнулся только. И снова спросил вампир: так окончена ли твоя молитва? И снова спросил оборотень: готов ли ты к смерти неминуемой? Отшельник же опять промолчал. И в третий раз заговорил вампир, но тут перебил его оборотень: а чего это ты всё время первым спрашиваешь? И почему мы вообще с ним разговариваем, бери да пей скорее! Есть уж очень хочется...

Я не выдержала, захихикала и тут же увидела отражение своего смеха в Вериных глазах: этот шельмовской блеск ну никак не мог происходить от большой серьёзности. Она продолжала всё тем же нарочито трагичным голосом, но уже, по-моему, большую часть передавала своими словами:

-- Махнул вампир рукой: фиг с тобой, оборотень! И взял отшельника за плечи... а отшельник молодой был, совсем не старый ещё, лет тридцати не то сорока, крепкий такой мужик... как раз хватило бы попить всем вампирам и поесть всем оборотням... понемножку... взял вампир отшельника за плечи, клыки выставил, к шее потянулся, вдохнул запах кожи отшельниковой, закашлялся, заплевался... Спросил его оборотень: что ты? Вампир отвечает: не могу я его пить. Пахнет он отвратно. И несъедобно. Оборотень взвалил отшельника на плечо -- а тот и не сопротивлялся, и молчал всё -- и потащил к остальным. Долго вампиры примеривались пить отшельника. Но ни один так и не смог даже кончиком клыка к нему прикоснуться. Повздыхали вампиры и сказали: ладно, не подходит нам этот отшельник, так хотя бы вы, братья по ночи, съешьте его! Утешьте нас зрелищем его смерти! Примерились оборотни рвать отшельника -- а сами не могут. Пахнет он отвратно. Несъедобен он и для оборотней... и тут только отшельник заговорил: видел я стаи ваши, к моему жилью идущие, просил я у бога своего милости, но не для себя, а для вас. Не просил я, чтоб мне в живых остаться, а просил, чтоб ваша жизнь стала нормальной. И было мне видение: вы, вампиры, и вы, оборотни, отныне из всех живых существ только травы да деревья и можете убивать. Питайтесь же их соками, и живите в этих лесах в мире и спокойствии.

Вера надолго замолчала. Похоже было, что эта страшилка уже кончилась. Правда, я б её веселилкой назвала. Хотя в начале и правда казалась страшноватенькой. А

если б подруга поподробнее о делишках оборотней и вампиров рассказала, то стала бы и вовсе тошнотворненькой.

-- А дальше? -- всё-таки спросила я.

Вера вздохнула:

-- Ну а дальше обычно уже и не рассказывают. Обычно детям дальше показывают: вот, по эту сторону от хатки отшельника был лес оборотней, Мугреевский, а по эту сторону -- где военбаза, вампирский бор, Фролищенский.

-- Ясно, -- кивнула я, хотя особо ясного ничего не видела. -- А хатка отшельника где была?

-- А на её месте теперь Фролищи, -- улыбнулась Вера. -- Мы с тобой сейчас на оборотнической половине костёр жжём. А Клюевы твои на вампирской живут.

Я потрясла головой, чтоб получше улеглась информация.

-- Вер, а почему вы с Клеуевыми так враждуете?

-- Говорю же тебе, -- устало повторила Вера. -- Говорю же: они по вампирской территории бродят. А мы по оборотнической. Вот и враждуем. Те, древние стаи, они же каждый на своей территории леса губили, а Клеуевы всё норовят аж до Мугреевки дойти...

Я ещё раз тряхнула головой. Наверное, уже просто спать хотелось, мы уже прилично времени отсидели у костра.

-- А как же праздник? -- сквозь сон пробормотал Фил, и мы с Верой рассмеялись. Ни ей, ни мне даже в голову не пришло поговорить о нашей сверх-идее! А ведь так горели ещё с утра пораньше...

Глава седьмая. Кошмар на улице Школьной.

Надо ли говорить о том, что уснуть после такого насыщенного дня... вернее, вечера, то есть уже ночи, удалось только утром да и то с трудом? Рассвет мы дружной компанией встречали на берегу Луха, домой я пришла, когда папа, всё-таки вернувшийся из Дзержинска за полночь, уже собирался на работу, мы пожелали друг другу спокойного утра и хорошего рабочего дня; до кровати меня довёл автопилот. Казалось, упаду поверх покрывала и усну богатырски, на неделю, не меньше.

Упала -- и сразу же поняла, что спать нужно, но не хочется.

Хлопнула дверь, провожая папу.

Я легла на правый бок.

Стало жарко.

Перевернулась на левый.

Стало душно. Да, папа приобрёл сплит-систему, даже по стенам развесил, вот только забыл, что под неё ещё проводку делать нужно и подключать, поэтому кондиционера в доме не было. Яркое утреннее солнышко шастало по комнате, всё пытаюсь пролезть ко мне под веки. Задёрнуть бы шторы, да лень...

Поменяв ещё раз пять левый бок на правый, я не выдержала. Совершила над собой насилие и поднялась с кровати. Сдёрнула покрывало, вытащила из шкафа махровый халат, чтоб не размениваться на полотенца, добрела до ванной, ополоснулась, можно сказать, чисто символически, вернулась к себе, задёрнула шторы. О блаженный сумрак! Хоть что-то папа помнил! Он купил светонепроницаемую ткань для штор!

Осталось только уснуть.

Левый-правый-левый-правый-спина-живот-левый-правый...

Гррррр!

Я подхватила и выбежала на улицу, на ходу впрыгивая в хлопковый комбинезончик и вышвыривая из сенцев "Салют".

Ну зачем только ложилась? Зачем? Сидела бы себе на берегу да комаров кормила! Бешено крутя педали, я пролетела по сонным улицам, сопровождаемая редким брёхом собак и бляньем коз.

Ветер бил в лицо, трепал волосы, велосипед скакал с кочки на кочку, и в глазах задорно плясали сосны, подсвеченные первыми солнечными лучами.

-- А-а-а-а-а-аа!!! -- яростно оповестила я лес о своём присутствии, выпуская клыки. А что? Грозная вампирша сходит с ума! Разбегайтесь, кому жизнь дорога! И тут случилось то, чего меньше всего ждала этим утром: сладкий аромат крови Эдика молотом ударил в лицо, и меня чудом не перевернуло вместе с великом, когда тормозила.

Эдик.

Я слезла с велосипеда и нервно облизнулась.

Эдик!

Аккуратно прислонив "Салют" к ближайшей сосне, пригнулась, побежала вперёд, как собака на охоте, рыская по сторонам, принюхиваясь.

Запах Эдика был всюду! Такой, грммм... такой...

Определив, наконец, в какой стороне он сильнее, я припустила туда, зорко высматривая, не мелькнут ли где бронзовые кудри, но заметила первыми, конечно, его стильные белые шорты.

Он бежал от меня!

Бежал, да так, что любо дорого посмотреть! Ни дать ни взять, косуля, трясущая по кустам белым хвостиком.

Нет, друг Эдик, врешь. От меня не уйдёшь. В тот раз ты тягался с велосипедом, из которого нереально выжать по-настоящему большую скорость, но сегодня я бегу сама! А от меня ещё никто не сбегал, когда я этого не хотела.

Мои ноги, казалось, едва касались земли, бесшумной тенью летела я за Эдиком, облизывая клыки, и вот уже его вспотевшая спина замелькала совсем рядом, вот уже различима стала каждая мокрая прядка его чёрных от пота волос, и запах его крови сделался осязаемым, обрёл вкус, оседая на моих клыках...

И тут меня подхватила в воздух гибкая, шершавая, клейкая сосновая ветка.

Я взбрыкнула ногами, замолотила ими в воздухе, с каждым движением понимая, что меня всё туже стискивают со всех сторон древесные ветви.

Разбудите меня, кто-нибудь!

Эдик стоял на коленях. Больно, наверное, на хвое да на шишках-то. А рядом с ним стоял... волк. Чуть поодаль -- сказочно-бурый медведь в соломенной шляпке с большим красным бантом... медведица, наверное. Да разбудят меня сегодня или нет?!

-- Не ешь его, Наденька, -- умильно облизываясь, проговорил волк. Ну да, "не ешь, я лучше сам".

-- Не ешь его, Наденька! -- пропищали хором высыпавшие из-за сосен зайчата.

-- Не ешь его, Наденька! -- воззвало ко мне кабанье семейство. Звонче всех хрюкали крыжовнично-полосатые поросятки.

-- Не ешь... не ешь... не ешь... -- взвился многоголосый хор мышей, волчат, кротов, грачей, лисиц, рысей, бабочек, ромашек и молодых сосенок.

-- Да кто вам сказал, что я есть его собралась?! -- не выдержала я, понимая, что это не может быть ничем, кроме сна, и сильнее задёргалась в путах странных веток.

-- А зачем ты за ним бежала? -- спросила рыжая лисичка в шапочке с пером. Наверное, лис, а не лисица...

-- Ну...

Это что, я должна ещё во сне объяснять зверью, что сойду с ума, если не выпью эдиковой крови? Нет уж. Не дождутся.

-- Вот сейчас как проснусь! -- пригрозила я им всем, и Эдик тут же вскочил, протягивая ко мне загорелые мускулистые руки:

-- Нет, Надя! Нет! Только не это!

Я обмякла:

-- Это ещё почему?

-- Потому, что только во сне я могу тебе сказать честно и откровенно, что не представляю себе жизни без тебя...

Ах, какие слова! Так бы и слушала до конца дней своих!

-- Не представляю, что будет, если нам когда-нибудь придётся расстаться, если я не смогу видеть каждый день, как ты летишь по лесным тропинкам на своём "Салюте", не смогу слышать твоих едких подколов в мой адрес...

Это когда это я его подкалывала, да ещё и едко?! Но говори, Эдик, говори, я не буду просыпаться, буду слушать и слушать твой голос, и мне всё равно, что меня обвинили не "сосновые лианы", а скрутившиеся в жгуты простыни, одеяло и халат... стоп.

Это что, я уже проснулась, что ли?

Ну вот так всегда!

И никакого тебе леса, никаких страшных сосен. Экзотические зигзаги постельного белья прочно удерживали мои руки-ноги. Это как надо было крутиться, чтоб так запутаться? Удивительно, что я не проснулась раньше, с таким клубком под спиной.

Сон неудержимо таял. Если верить часам на прикроватной тумбочке, был уже почти час дня.

С одной стороны, радовало, что полчища говорящего зверья оказались всего лишь кошмаром. Но, с другой-то стороны, где ещё можно послушать, как Эдик признаётся мне в любви? Я старалась удержать в голове остатки сна, но уже не слышала чарующего голоса.

Встала, раздвинула шторы, с тоской посмотрела в сторону, где базировалась военная часть.

Прокатиться туда, что ли? Вдруг сон в руку окажется?

Сразу же выдвинуться в направлении части не вышло: меня перехватили Вера и Фил. Оба изображали на лицах высшую степень загадочности и старательно намекали на то, что подготовили для меня какой-то сюрприз.

Вот только сюрпризов мне и не хватало, особенно, от Фила и Веры. Знаю я, что они могут устроить. Какой-нибудь сюрпризный поход на байдарках, сюрпризный конкурс на большее количество отжиманий или там сюрпризное мороженое, растаявшее ещё в магазине и завершившее превращение в молоко в холодильнике у Веры. Досадно только, что не придумывается предлог послать их куда подальше, не обижая -- друзья, всё-таки, -- а ведь каждая минута задержки отдаляет меня от момента встречи с Эдиком. Эдуардом. Моей мечтой...

Когда икающий от еле сдерживаемого хохота Фил подкрался ко мне со свёрнутой косынкой в руках, я позволила завязать себе глаза.

Хуже, чем есть, мне всё равно уже не будет.

Вели меня долго. Кажется, даже пытались запутывать, таская по кругу и несколько раз обводя сначала вокруг моего дома, потом вокруг школы. Они не знали просто, что меня невозможно сбить с направления, если я хоть как-то знаю местность. Когда мы отошли от школы, стало понятно: меня ведут на речку.

Что ж. И то хорошо! Хоть искупаюсь.

А потом пойду и найду Эдика. И признаюсь ему, что я...

Кошмар воплощался в жизнь. Я снова почуяла запах эдиковой крови и не выдержала, сорвала повязку с глаз.

Сон оказался в руку! Обнажённый по пояс, загорелый, мокрый Эдик стоял на берегу в компании прочих Клюевых и фролищенских девчонок, старательно перенимавших с меня манеры ношения парео.

Если б они ещё не крутили так старательно своими плоскими попами под носом у моего возлюбленного! А он... а он ещё и смотрел! Непорядок.

Пора переходить в наступление.

-- Привет-привет, девочки, мальчики, ой, Светочка! Какая оригинальная идея -- вместо парео взять винтажный прабабушкин платок! Если б ещё его моль не так сильно поела... Валенька, что с твоими ногами?! Пе-ди-кюр?! Ой, прости, я подумала, что тебя погрызли муравьи и ты залила йодом укусы...Оленька, ты сегодня просто супер! Только сними эту тюлевую шторку... как, это не шторка? А похожа, похожа... Катенька! С сотрясением мозга надо лежать, а не по пляжу бегать! Как? Это разве не параорбитальные гематомы? Ах, это макияж...

Амплитуда вращений бёдрами в радиусе трёх метров возле Эдика отчётливо снизилась. Да и свободнее стало. Одобрительные улыбки сестёр Ключевых вдохновили меня на продолжение наступления. Сёстры, кстати, были разного роста, но на вид одного возраста, чего, в принципе, быть не могло. Наверное, тщательно за собой ухаживали. И, судя по пляжной одежде, за модой следили не меньше моего и не довольствовались бабушкиными платками вместо парео. Уважаю таких людей! Наверное, мы с ними подружимся...

Вера и Фил угрюмо смотрели на мои манипуляции. Чем это они недовольны? Они же хотели мне сюрприз устроить? Так у них получилось! Я очень рада видеть Эдика! Хотя, если подумать, то, что на берегу окажутся Ключевы, наверняка не входило в их планы... И вообще, что они подразумевали под сюрпризом? Надо будет спросить потом.

Эдик улыбался мне, забавно морща нос. Это он так шурился на солнышке.

-- Привет, Надя!

-- Здравствуй, Эдик... -- мой голос был ровно настолько бархатным, чтобы милый Ключев от первых же его звуков и думать забыл о Свете, Вале, Кате и Оле. Он поедал меня и только меня карими глазами с расширенными от возбуждения зрачками. А я, подмигнув его сестрёнкам, ласково взяла любимого за руку. Нежно провела пальчиком по его груди, снимая прилипшую травинку. Томно прикрыла глаза, зашептала:

-- Как ты себя сегодня чувствуешь? У тебя ничего не болит?

-- А должно? -- так же шёпотом отвечал он, ещё не замечая, что мы уже порядочно отошли от основной группы отдыхающих.

-- Не знаю, наверное! -- беззаботно рассмеялась я. -- Ведь ты же вчера бегал -- быстрее велосипеда! После таких физических нагрузок мышцы вырабатывают молочную кислоту и болят...

Эдик расплылся в улыбке:

-- Наденька, спасибо! Ты так обо мне заботишься! Но совершенно напрасно переживаешь, я тренированный, я сильный, смотри, -- он отступил на шаг от меня, сцепил руки, замер в позе "Давид разрывает пасть льву, выползая из его желудка".

Я радостно зааплодировала, и он переменял позу. Теперь это была скульптурная группа "Питер Фальконе душит Бредли и Стивена". Благодаря шикарным актёрским данным Эдика, я так и видела рядом с ним недостающие элементы! Третья поза называлась "Халк Хоган зубами тянет паровоз". Судя по тому, как вздулись жилы на его шее, паровоз был немаленьким. Вагонов этак на сто чугуна. Я против воли облизнулась, потому что сонная артерия особенно чётко проступила, когда он изобразил, легко и непринуждённо, Александра Невского, "Румба босиком и сплошняком поверх Сидоренко". Я подошла ближе. Запах, сладкий, пряный, сводил с ума. Огромное волевое усилие -- и живой-здоровый Эдик продолжает демонстрацию качковых композиций позой "Шварценеггер погружается в лаву". Ему оставалось только сказать "аста ла виста, беби"...

Я перестала аплодировать, села на белый песок. Наверное, затихающий в отдалении смех Ключевых был вызван тем, как вытыкивался Эдик. Возможно, он и правда, повёл себя как идиот, выплясывая передо мною. Но мне было совершенно без разницы, на кого там всем другим покажется похожим мой любимый. Главное, я -- люблю его. И буду любить, даже если он прикинется фрекен Бок и запоёт "а-ля-ля-ля-ля-ля, а я сошла с ума, какая досада..."

Он подошёл ко мне, сел рядом. Его горячее тело после лёгкой бодибилдерской

разминки пахло особенно сладко. Я пила чарующий аромат, и смотрела на пару рыбаков, стоящих по пояс в воде на противоположном берегу. Вот ведь припекло бедолаг! В здравом уме и доброй памяти рыбаки не выходят на речку с удочками в два часа дня.

Мне показалось, у того, что слева -- длинная борода... везёт мне что-то на длиннобородых!

Красивая загорелая рука Эдика, оставляя за собой шлейф неземного запаха, указала мне на них же, разгоняя неприятные ассоциации:

-- Посмотри, Надя! Людям нечем заняться!

-- Да, -- кивнула я, понимая, что сейчас согласилась бы с любой ересью, которую только взбрело бы ему на ум сказать. -- Да...

Солнце перекатывалось бликами по волнам, золотило сосны. Тот ствол, из-под которого мне чудом удалось выдернуть Эдика, прятался за изгибом речки, но мне не нужно было даже закрывать глаза, чтобы вспомнить, какой он громадный. Подумать только, я могла потерять его -- любовь всей моей пока ещё недолгой жизни.

Жаркий запах разогретых сосен и свежий ветер с реки не могли заслонить собою аромат Эдика. Такой нежный. Такой...

Вкусный.

-- Эдик...

Я говорила тихо-тихо, поэтому он склонился ко мне. Опасно! Ведь я же могу и не выдержать!

-- Эдик, ты... такой хороший!

-- Спасибо, ты тоже...

-- Эдик, ты... ты так... вкусно пахнешь...

Ну, вот, самое главное сказано. Осталась мелкая мелочь.

-- О... какой интересный комплимент! Спасибо! Ты тоже... вкусно пахнешь, Надя...

Карие, тёплые, такие глубокие и выразительные, опушённые длинными изогнутыми ресницами, глаза Клюева смотрели мне прямо в душу.

-- Эдик, я...

Горло стиснул нервный спазм: Эдик, я на самом деле вампир, ага, ты только не бойся, я тебя не съем. То есть, не выпью.

-- Эдик, ты очень-очень хороший, ты просто замечательный... но... но я...

Он заметно поскучнел.

Неподалёку от нас, как раз за спиной моей мечты, каменными изваяниями стояли Вера и Фил. Ещё чуть дальше пёстрой стайкой вились перед братьями Клюевыми первые фролищенские красавицы, у которых я так изящно увела своего -- да, своего! Никому не отдам! -- Клюева-младшего.

-- Эдик, я... -- начала я шестой заход. Ну, всё. Теперь точно скажу. И будь что будет. -- Эдик, ты просто сам ещё не знаешь, какой ты изумительный парень, но я должна тебе кое-что сказать о себе, очень важное. Может быть, когда ты это узнаешь, ты не захочешь больше дружить со мной...

Фил вдруг встрепенулся и принялся что-то доказывать Вере, размахивая руками и пританцовывая. Вера скорчила страшную гримасу и вцепилась в Фила мёртвой хваткой. Длинный и нескладный вне танца Фил трепыхался в её руках, как тряпичная кукла.

Блин. Сбили весь настрой.

Я надулась и обиженно отвернулась от Эдика.

Он терпеливо ждал продолжения, даже погладил меня по руке, и от его прикосновений по телу пробежали лёгкие электрические разряды. В прямом смысле этого слова. Даже кудряшки на голове стали значительно объёмнее.

Я набрала песка в ладонь, тонкой струйкой посыпала на свои коленки. На колени Эдика.

Ну же. Давай. Решайся. Ты же решилась, Надя, ты уже ему всё сказала. Что он

хороший, вкусно пахнет, что ты не настаиваешь на продолжении дружбы, если он не пожелает дружить с...

Да уж. Я даже мысленно не могла выговорить это страшное и смешное в свете солнечного жаркого дня слово -- вампир.

-- Эдик... понимаешь, я не такая, как все...

Он погладил меня по руке, осторожно, будто фарфоровую, приобнял за плечи:

-- Надя, Надя... успокойся. Я всё понимаю...

Я осторожно, чтобы не спугнуть, повернулась под рукой парня. Горячая, она гнала по моей спине волны знобких мурашек, и я ничего не могла с этим сделать.

Только помечтать, чтобы это длилось вечно.

-- Правда, ты понимаешь, Эдик? Правда?

-- Да, -- грустно вздохнул он в ответ. -- Мне очень жаль.

-- Чего тебе жаль? -- тон голоса и тоска во взгляде меня определённо настораживали.

-- Что ты считаешь, будто это может встать между нами и помешать нашей дружбе.

Я воспрянула духом:

-- Ты так не думаешь, нет?

-- Нет, конечно! Это ничему... ну, почти ничему не мешает. Может быть даже, для тебя это всего лишь мода, и со временем пройдёт...

-- Э-э...

Мы с Эдиком смотрели друг на друга очень внимательно. Недоверчиво.

-- Эдик. Ты сейчас о чём?

-- О тебе...

-- В каком смысле?

-- Но ты же сама сказала -- ты не такая, как все!

-- Ну?

-- Что -- ну? - возмутился Эдик, поднимаясь с песка и отряхивая белые шорты. К его ногам завораживающе красивыми разводами прилипли песчинки. Они повторяли узор его вен. -- Ты не такая, как все, и тебе кажется, что из-за этого невозможна наша дружба.

-- Всё верно, -- согласилась я и тоже встала.

Наши лица вновь оказались рядом, и я разглядывала несравненное, прекрасное лицо, покрытое гладкой, загорелой кожей.

Он когда-то родился для того, чтобы стать моей погибелью. Ведь сейчас не выдержу и наброшусь на него: эта бьющаяся в жилке на виске кровь, она так пахнет...

До боли стиснув кулаки, я упрямо повторила свой вопрос:

-- Что ты имел в виду, говоря, что это не помешает нашей дружбе?

Он взял меня за плечи обеими руками и выдал, постепенно сводя тихий шёпот на нет:

-- Наденька, нашей дружбе не может помешать то, что ты... розовая.

-- Кха-кха-ка-ка-я?!

Я даже за горло руками схватилась. Показалось вдруг, что разучилась дышать.

Эдик мягко улыбнулся и объяснил:

-- Что ты любишь женщин... Что с тобой, Наденька?!

Я догадывалась, что похожа на анимешную девочку, у которой глазки съехались в кучку, а челюсть отпала до колен. Когда заговорила, не узнала собственный голос, не смотря на то, что мне пришлось откашляться:

-- Эдик... Эдик... я... я не говорила, что я... я имела в виду, что... нет, ты всё не так понял, Эдик! Я не люблю женщин! Я их ненавижу! Особенно тех, что рядом с тобой...

Ой. Кажется, сказала что-то лишнее.

Клюев-младший улыбнулся. Божественно. Ослепительно. Крепко обнял меня.

Ну. Давай, Надя. Говори. Говори же!

Но понукать себя было бесполезно.

Я раскачивалась на волнах своих титанических усилий -- сдержаться, не загрызть его, не впиться клыками в такую близкую шею, не порвать артерию, не выпить досуха всю-превсю его кровь -- и возбуждения от его прикосновений.

Я так и не сказала ему, что я -- вампир.

Глава восьмая. Дзержинск.

Хоть я и была знакома с Эдиком всего ничего, но у меня уже сложилось впечатление, что он постоянно занят какими-то таинственными делами.

Вот и вчера, мы просидели на речке час, два, три... я готова была сутки сидеть так. Болтать о пустяках, дурачиться то на воде, то на суше, дышать его запахом и млеть от не всегда случайных прикосновений... а потом он посмотрел на часы, грустно улыбнулся и быстро-быстро ушёл, почти сбежал, объяснив, что вернётся чуть позже. Через два-три часа.

Всё это время Вера и Фил уходили, приходили, появлялись то на нашем берегу реки, то на противоположном, при этом Захарченко не менялась, а вот Широков с каждым появлением становился всё более убитым и взмыленным. Наверное, Вера снова взялась гонять "своего зайчика", обучать его хорошему бегу и прыжкам.

Как только ушёл Ключев, сладкая парочка под села ко мне с двух сторон.

-- Ну так вот! Не вышло у нас сегодня поехать на озеро, но мы подготовили тебе сюрприз! -- как ни в чём не бывало заговорила Вера.

-- Уф, уф, уф, -- никак не мог отдышаться мокрый как мышь Фил. -- Сюрприз!

-- Посмотри на реку!

Я и так на неё смотрела.

-- А теперь представь... плот!

Я повернулась к Вере:

-- В смысле?

-- В прямом. Плот. Ну, такая, знаешь, конструкция из брёвен, которая плавает...

-- Да я знаю, что это... не понимаю просто, при чём тут... сюрприз.

-- Так плот и есть сюрприз, Надь!

-- А-га... -- стоило бы, может, промолчать, но я всё-таки спросила:

-- И где же он?

-- В стадии строительства, -- туманно-загадочно ответила Вера.

-- И, если ты не против и представляешь себе праздник, часть которого проходит на плоту, плывущем по Луху, то будет плот! -- торжественно проговорил уже почти восстановивший дыхание Филипп.

Я вздохнула.

Перед глазами встала шикарная картинка: по реке Лух плывёт белый кораблик, сверкающий праздничной иллюминацией как новогодняя ёлка, и с него по всей округе разносится песенка -- "на теплоходе музыка играет"... а мы трое болтаемся в волнах, поднятых корабликом-ёлкой, на трёх брёвнышках. У нас в руках по веточке пижмы и по свечке.

Хоть картинка эта могла рассмешить любого, мне совершенно не хотелось даже улыбаться. Во-первых, только что ушёл мой допинг, мой воздух, моя жизнь -- Эдуард Ключев, оставив взамен себя мрачное настроение. Да, он обещал вернуться. Как тот Карлсон.

Во-вторых...

-- У вас внезапно появились деньги, чтобы купить плот? -- строго спросила я друзей.

Фил пожал плечами:

-- Зачем так сразу -- купить? Не всё купишь за деньги...

Ага, значит, у него внезапно объявился бесплатный плот, и теперь он мягко так намекает, что не нужны ему ни шарики, ни фейерверки, ни что бы то ни было ещё, раз всё это стоит денег. Не могу сказать, что я такая уж дочь Рокфеллера, но, похоже, финансов у меня куда больше, чем у Захарченко и Широкова вместе взятых. И что теперь? Разыгрывать тут классовую вражду?

-- У нас просто есть брёвна, -- примирительно проговорила Вера.

-- И вы уверены, что в состоянии построить плот, который выдержит хоть кого-то на воде?

-- Да, -- кивнула Вера. -- Мы как-то раз уже строили, ничего так получилось.

Я хмыкнула.

Ну-ну.

А вот кстати даже хорошо, что Эдик ушёл. Хорошо, что Фил так умело одной фразой накрутил меня. Иначе я бы и не вспомнила, что мне надо срочно бежать к Гару -- проверить почту.

Вдруг мне уже ответили мои контактеры?

Сладкая парочка сделала вид, что всё идёт по-прежнему. В конце-концов, ни они, ни я не были виноваты в том, что идея с плотом заводи́ла их до сладких судорог и не вызвала ничего, кроме лёгкого недоумения, у меня. Мы сердечно распрощались и договорились ещё созвониться, встретиться, поплавать... может, ещё сегодня. Но это при условии, что ко мне не придёт Эдик.

На одном дыхании взлетев к дверям квартиры Игоря, я затеребила звонок.

Дверь открыла вечно чем-то недовольная тётка. Кивком ответила на моё учтивое приветствие, свирепо ткнула пальцем в конец тёмного коридора на вопрос, где я могу найти её племянника.

Гар обнаружился горячим, взмокшим и красным в полной амуниции чукчи, собирающегося дрейфовать на льдине. Можно даже сказать, лицо парня не сразу обнаружилось в том ворохе зимней одежды, который он на себя навернул.

-- Что ты делаешь? -- спросила я.

-- Разбираю вещи, -- просипел Игорь.

-- А на себя напяливаешь зачем?

-- Да хотел вынести, на верёвках развесить на солнце, просушить, а так нести удобнее.

Я решительно содрала с него меховую шапку и стёганную куртку. Три шерстяных свитера он снял сам. Я помогла ему вытащить на улицу зимние вещи и разложить-развесить их для просушки, и мы вдвоём засели в тени большой яблони перевести дух.

С Игоря уже сошла болезненная краснота от перегрева, зато остался яркий румянец смущения. Похоже, так сильно и так часто он смущался только в моём присутствии. Не зря же петь серенаду пришёл именно под моё окно!

-- А я к тебе почту посмотреть.

-- Почему-то ни на миг мою голову не посетили сомнения в том, что это и есть причина твоего появления в моей скромной обители.

Он вскинул бровь, и я улыбнулась. Вот из таких мелочей, как своеобразная мимика, манера изъясняться, странные на первый взгляд жесты и одежда и складывается неповторимый облик человека.

-- Если бы ты только могла знать, сколь велико моё желание как можно дольше оттягивать момент просмотра почты, -- в красивом, поставленном голосе парня сквозило сожаление.

-- Но тянуть и оттягивать нечего. Я же говорила -- это очень-очень важная переписка.

-- Тогда не смею более задерживать тебя на пути к твоим важным-важным делам, -- он шутливо раскланялся, я подыграла, достоверно изобразив книксен.

Нетерпение и предвкушение кипели внутри меня, пока мы шли в комнату Гара, пока загружался компьютер. А когда отказался с первой попытки подключаться интернет, меня охватило отчаяние... и не было предела радости, когда я всё-таки прорвалась к своему почтовому ящику.

Мне ответили все.

Нет, не так.

Мне ответили -- ВСЕ!

Вот теперь пусть Фил капризничает, как хочет, а у нас будет всё, что мы -- я! -- спланировали. И фейерверк, которого Фролищи отродясь не видывали, и живая музыка, и мороженое двадцати сортов, и даже группа байкеров, показывающих высший пилотаж каскадёрского искусства и бои на мечях!

Игорь не позволял себе подглядывать, поэтому даже представить не мог, почему постоянно раздаётся Верин боевой клич "Йо-хо!" в моём исполнении.

Я снова позволила проводить себя, и только у дверей уже задумалась, как далеко может Гар зайти в мечтах, раз я к нему так благоволю. Вон, второй день подряд гуляем вместе... от его дома до моего... а сколько надежды в глазах, а как широко развёрнуты плечи от гордости, что рядом идёт такая девушка!

Вечером, когда мы только-только успели поужинать, со стороны двора полились гитарные переборы. Клянусь, я сразу же, ещё до того, как зазвучал голос, поняла, что это Эдик.

Тётя Валя недовольно сморщилась. Неужели и она тоже верит в эту детсадовскую почти-не-страшилку про оборотничьи леса и вампирские?

Я поскорее смоталась к себе наверх.

-- Непосильная тяжесть подломит

Крыльев белых истрёпанный парус.

Что-то было, о чём-то мечталось,

Но останется ли что-то кроме

Безысходности, страха паденья

И отчаянья, если не смерти?

Пара слов на затёртом конверте --

Поздравление в день рожденья,

Пара слов -- пожелание счастья,

Пара слов -- пара ласковых взглядов...

Дарит память так мало! Не надо

Больше ждать... пусть утихнут ненастья,

Боль уйдёт, переломы срастутся.

Ветер крылья наполнит, как прежде!

И тогда до любви от надежды

Неприменно дороги найдутся.

Я еле сдержала слёзы.

Мы с Эдиком ещё ни разу не говорили напрямую о том, что чувствуем, без обиняков, без каких-то дурацких шуточек и подколов. Я даже сомневалась, что он испытывает ко мне хотя бы в сто раз меньшее, чем я к нему, чувство... а вот уже второй раз мне кажется, что песней он признаётся мне в любви.

У меня от этого кружится голова и замирает сердце. Так болезненно. Так сладко.

И я не бегу к нему лишь потому, что знаю: стоит мне появиться, и он исчезнет.

Когда я медленно вышла в сад, умоляя небо, чтобы Эдик не ушёл, чтобы он остался, дождался меня, поговорил со мной или хотя бы ещё раз спел песню, эту ли, другую, всё равно, у порога стояла низкая широкая бочка, которой раньше здесь не было, и в ней плавали кувшинки.

Эдика не было. Но кувшинки пахли Эдиком.

Я просидела рядом с бочкой, которую принёс Клюев, чуть не до рассвета. Пару раз ко мне выходил папа, садился рядышком, улыбался. Он удивился, увидев импровизированный пруд, но не стал задавать лишних вопросов. Просто попросил ещё раз, чтобы я не делала глупостей, а я не стала разрушать нежное очарование и тонкую романтику ночи и расспрашивать, о каких таких глупостях он постоянно толкует.

Под утро вышла тётя Валя. Снова поморщилась, чихнула.

-- А шла б ты спать, Надя. Уже ведь даже не поздно, уже рано!

Я тихо рассмеялась и... ушла спать.

Мне приснилось, что я и Эдик -- два эльфа, живущих в белой водяной лилии. Мы собираем пыльцу и варим из неё варенье, летаем в гости к соседним эльфам, Вере и Филу, делимся с ними заготовками, а они щедро отсыплют нам сушёных комаров и маринованной плесени...

Утро настало светлое, хотя почти всё небо заштриховали перистые облачка. Ветер ласково что-то внушал соснам, и те кивали, со всем соглашаясь.

Тётя Валя убежала на работу. Папа сидел со скучающим видом, ковыряя в тарелке с кашей. Поздоровался, как с другой планеты. Похоже, это не скука -- отрешённость.

-- Пап, что-то случилось?

Он поднял на меня прозрачные глаза. Мне кажется, или он чуть не плачет?

-- Это, дочь, с какой стороны посмотреть. С одной -- так ничего не случилось. А с другой -- настоящая катастрофа.

Это пояснение папа счёл достаточным и вернулся к важному занятию. Он не бесцельно ковырял кашу, а выкладывал из неё пацифистский знак мира. Я видела его вверх ногами, поэтому мне он казался руной "альгиз", вписанной в круг. Как-то с полгода назад прикупила себе книжку про руны, читала вечерами, разбиралась. И ещё не успела забыть, что перевёрнутый "альгиз" говорит о недостижимости желаемого прямо сейчас.

Интересно, те, кто проектировал знак мира, знали о том, что он так похож на руну с таким значением? А потом ещё удивляются, мол, войны всё идут.

Но папа говорил о катастрофе.

-- Э-э... а подробнее?

Он вздохнул и закрутил вилкой по тарелке спираль из каши.

-- Помнишь "ниву", на которой тебя встречали?

-- Ну да.

-- У неё сел аккумулятор и прокололись два колеса.

Я с облегчением выдохнула, не удержалась от беззаботного комментария:

-- И вся катастрофа!

-- Надь, я сегодня должен был отвезти в Дзержинск кое-какие очень важные документы.

Исходя из того, что мой папа заведовал библиотекой во Фролищах, которая напрямую включалась в библиотечную систему Дзержинска, под "кое-какими документами" подразумевался квартальный отчёт. А то, что рассказывалось в этом доме о "дзержинских начальниках", не оставляло сомнений: папу подвергнут попытке с пристрастием, если отчёт не поступит в срок.

-- Ну так заряди аккумулятор и поменяй колёса! -- бодро советовала я, представляя, какие пытки могут применить к моему папе. Дробление пальцев тисками из "Войны и мира"... сдавливание головы полным собранием сочинений Горького...

-- Уже. А она всё равно не заводится.

-- Да, это уже хуже... а позвони тётё Вале, ведь у неё служебная машина есть!

-- Надь, эта "Нива" и есть тётё Валина служебная машина. Понимаешь?

Да, теперь я поняла.

Не меньше, чем медленное сожжение на списанных за последние десять лет книгах!

Я уже почти сказала, что ничем не могу помочь, когда перед мысленным взором засверкали спицы "Салюта".

-- Пап!

-- Да?

-- А до каких тебе надо привезти эти документы?

-- Какая разница? Машины-то нет.

-- Зато есть велик!

Папа потряс головой, освобождаясь от шелухи из моих слов. Но я не привыкла так быстро сдаваться:

-- Папа, у меня есть велик. У меня есть силы. Я вполне могу ехать со скоростью пятьдесят километров в час, а то и больше. Подумай! Не пройдет и часа, как я буду в Дзержинске, найду, куда там тебе надо отдавать эти твои документы, и всё! Папа!

-- Но...

Он колебался.

Я видела, что ему, с одной стороны, хочется принять моё предложение, но с другой он опасается меня отпускать.

-- Пап... ты вспомни, кто я.

Папа прикусил губу:

-- Я помню. Ну, если ты возьмёшь с собой Веру и Фила...

Ага, мысленно показала я кукиш и покрутила им -- ага-ага! Я намерена мчаться быстрее ветра, а Захарченко с Широковым пусть лучше учатся хорошо бегать! Но если я не соглашусь с папиным предложением, меня ждут по меньшей мере полчаса убеждений. А ребят можно попросить не ехать за мной и потом, как отъедем немного в лес.

-- Хорошо, папочка!

Надеюсь, сарказм не выпирал из каждой буквы.

Папа заметно повеселел.

-- Ну, раз так, то давай, вот сумка, вот бумаги...

Он принялся объяснять мне сначала как доехать до Дзержинска и долго путался в показаниях, пока я не начертила вместо него вполне сносную схему дороги и не заверила, что отлично её помню, ведь мы когда? Дня три или четыре только назад по ней ехали. Потом папа записал для меня название улицы, дома, библиотеки, фамилию-имя-отчество того, кому надо передать лично в руки этот квартальный отчёт...

Потом мы пошли, ведя "Салют" в поводу, к дому Широкова, где, как и ожидалось, обнаружилась и Захарченко-младшая.

Сладкая парочка правильно расшифровала мою мимическую игру и подключилась к ней моментально, выводя из "ангара" свои велосипеды.

Верина "машинка" была так себе. А вот за Филова "Стеллс" любой фристайлер прозакладывал бы душу! Хорошо, что я не фристайлер и что уже сроднилась с "Салютом".

Папа всё-таки прослезился, когда мы с дружным радостным гиканьем стартовали в сторону Дзержинска.

Вере надоело кричать "йо-хо", когда мы ещё не успели далеко отъехать от Фролищ. Я затормозила, обогнав друзей. У меня в голове родилась шикарная речь, призванная убедить их в моей правоте.

-- Вера! Фил!

К тому пафосу, с каким я начала фразу, подошло бы продолжение а-ля Гар,

что-нибудь вроде "внемлите гласу моему, друзья мои, призываю вас не посрамить отечество"... хотя это уже не в тему.

Снизив градус, я продолжила обычным голосом:

-- Ребят, я с пяти лет хожу в секцию велоспорта. Сейчас я хочу применить всё то, чему меня там учили, чтоб добраться до Дзержинска как можно быстрее. Давайте вы куда-нибудь по своим делам срулите, только чтобы папе на глаза не попадаться. А я вот только отдам его бумажки, кому он просил, и вернусь. Вернусь - звякну, и тогда можно будет куда угодно идти, не заботясь о скрытности. Идёт?

Они переглянулись, синхронно пожали плечами:

-- А может, давай вместе? -- предложила Вера.

-- Да ладно! Вместе мы к вечеру доберёмся. Вы же вряд ли быстрее двадцати километров ехать сможете. А я легко сорок выдам, а то и больше!

-- Ну ладно...

-- Ну как хочешь... -- смирились с неизбежным ребята.

Я чмокнула в щёчку сначала Фила, потом Веру, оседлала "транспортное средство" и начала разгон.

Вот почти так же я за Эдиком гнала. И он ещё смеет утверждать, что я ехала медленно?!

Сосны полетели назад, как в кино, только гораздо круче, чем в кино. Ни один фильм не сможет передать мелькающий в глазах свет в сочетании с ветром и мышечным усилием, а одно без другого и третьего, да плюс ещё сто двадцать три неповторимых аромата, да плюс плавные переходы в тень под облаком и на жаркое солнышко под чистым небом... нет, пока ещё развитие киноиндустрии до такого уровня не дошло.

А хорошо бы в такой погожий денёк, да под ручку с Эдиком, да на весь день, и вечер, и ночь!..

Мечтая, я не забывала удерживать скорость на выбранном уровне и даже наращивать. Эх, не взяла спидометр, замерить, как быстро еду. Конечно, вряд ли побила бы мировой рекорд в двести восемьдесят с копейками километров в час. Дико мешали колдобины, ямы и широченные трещины, хотя...

Я притормозила.

В воздухе пахло чем-то странным и неприятным. Похоже на то, как было ночью у костра, когда я начала себя накручивать на всякие страхи.

Я не стала вертеть головой, оглядываясь по сторонам. Мало ли... и даже скорость снова прибавила, но сбежать от неприятного запаха так быстро не получилось. Он ещё долго мне мерещился то слева, то справа, а в одном месте показалось, что я с разгону влетела в облако этой жуткой вонищи.

На что же это похоже... ведь что-то знакомое... человечина -- не человечина... что бы это могло быть... что бы ни было, фиг с ним!

Я еду в Дзержинск.

У меня каникулы, лето и первая любовь!

Дорога кончилась на удивление быстро. Я не успела даже устать, ведь, вообще-то, усталость в мои планы не входила.

Почти не пришлось никого расспрашивать о том, как добраться до нужной улицы -- и причиной тому было не только папино умение объяснять дорогу. Это работала та самая ниточка, ведущая меня к желаемому месту...

Два поворота направо, два налево, и я у дверей центральной городской библиотеки. Мне понравилось изображать из себя профессионального курьера, с лёгким налётом небрежности, и в то же время добросовестного и аккуратного.

Папе в ответ передали ещё какие-то бумаги.

Наверное, они всё же не были столь уж важными, иначе стал бы кто доверять их не пойми кому! Ну и что, что все знали, кто я -- ведь папа же позвонил с предупреждением,

кто привезёт отчёт.

Расспросив народ на улице про магазины, где можно посмотреть воздушные шарики, плавающие свечи и прочие украшения, я отправилась совмещать полезное с приятным: папа ведь всё равно получит свои бумаги сегодня, значит, можно особо не торопиться... хотя да, Фил и Вера... ну, ничего. Благого дела ради подождут.

Мне, кстати, повезло -- было кого спрашивать, несколько человек ждали автобуса на остановке. А вообще город как вымер. Улицы стояли пустые и светлые, люди, видимо, кто в отпуска поразъехались, кто на работе сидел, ожидая конца рабочего дня. Жара, тишина и ощущение нереальности царили над пыльными тротуарами, тихо вянущими без дождей газонами и чахлыми городскими деревьями. На жестоко обрезанных кустах еле-еле шевелились от сквозняков жухнувшие листики.

Целых два магазина, которые мне порекомендовали, я объехала за полчаса. В одном закупила партию шариков и педальный насос для надувания, в другом - много-много свечек в серебристых и золотистых гильзах. В обоих, похоже, даже не слышали о кондиционерах, и дышать можно было только вблизи вентиляторов.

Мой походный рюкзачок основательно раздулся и даже ощутимо давил на плечи и спину.

Ну, вот. Ещё что-то определилось. Глядишь, и правда, на празднике будет круто!

Можно было и домой ехать. И можно было ехать тем же путём, что и сюда, чтобы не блудить, но я понадеялась на своё чувство направления и покатила по другим улицам и переулкам.

Конечно, Дзержинск сложно сравнить с Москвой, но меня почему-то не вгоняли больше в дрожь малолюдные улочки, невысокие домики и запах провинциального запустения, который, казалось, исходил от самих домов и тротуаров (а ведь на самом-то деле это был запах пыли, пылини, старых досок и разогретого солнцем кирпича). И дело даже не в том, что люди живут везде, что кому-то надо жить и в Держинске, и во Фролищах... просто что-то переменялось внутри меня. Словно я стала смотреть на этот мир другими глазами. И думать о нём другими, не-своими мыслями.

Да, потом я, конечно, додумаюсь до того, что за семнадцать лет жизни в Москве так и не встретила ни одного человека, способного стать мне другом, как Вера, Фил и Гар. Не встретила ни одного парня, о котором могла бы сказать -- вот он, мой Единственный. А встречу с ними мне принёс тихий посёлок городского типа, затерявшийся среди необозримых просторов сосновых боров, и отныне все эти места, так недавно казавшиеся болезненно-молчаливыми и умирающими, будут вызывать приятные воспоминания.

Но пока меня смущало собственное более чем лояльное отношение к провинции.

А на соседней улице кричали.

Кричали большей частью нецензурно, но так виртуозно, что я даже заслушалась, и из благоговейного транса меня вывел только очень-очень знакомый голос.

Эдик.

-- Пусти! -- сказал он тихо, но я услышала и мигом всё поняла.

Какие-то сволочи примотались к моему -- моему! -- Эдуарду Ключеву!

Я рванула под ближайшую арку, наискосок двора, и почти наехала на скульптурную группу из пяти подонков и Эдика.

Подонки были все, как один, выше Ключева, шире в плечах и вообще напоминали этаких тарзанов-переростков. Да, да, стриптизёров-тарзанов. Разглядывать подробнее было некогда.

Двое держали Эдуарда за руки, один обнимал ноги, видимо, чтоб не размахивал ими, ещё один, вцепившись пятернёй в волосы, тянул назад голову. Некогда было разбираться, есть ли нож в руках у пятого, который, облизываясь, смотрел на кадык Эдика.

Я бросила велик в одну сторону, рюкзак в другую, воспроизвела понравившийся захват волос на затылке Пятого, примеряющегося то ли резать, то ли бить Ключева, и со всех сил пнула его ногой под колени, одновременно рывком укладывая на землю. Я постаралась,

чтобы голова его состыковалась с асфальтом как можно резче. Отбросила пинком обмякшее тело, пнула в живот очень удобно лежащего держателя эдиковых ног и продолжила пинаться, но уже по челюстям оставшихся на ногах подонков. Кажется, я ещё и рычала на все лады.

Эдик, как только я врезала тому, что был справа от него, дёрнулся назад, заваливая того, что держал его за волосы. Обожаю пинки с разворотом! Будь на месте этой шпаны нормальные мастера кунг-фу, я б не размахивала тут ногами с такой яростью. Мастера кунг-фу, они, знаете ли, норовят за машущую ногу ухватиться и дёрнуть. Но стриптизёры-переростки, умеющие так виртуозно материться, не делали даже попыток ловить мои ноги. Поэтому и получали один за другим.

Кажется, они переоценили себя. Или недооценили меня... разницы почти никакой.

Эдик лаконичным ударом отправил в нокаут того, что держал его за волосы, подскочил, огляделся... все пятеро подонков прикидывались мёртвыми, чтоб их больше никто не пинал. Хотя, может быть, они и правда потеряли сознание.

-- Спасибо, -- сказал мне Эдик.

В мыслях я уже успела нарисовать сцену бурной благодарности, которая вполне могла закончиться и поцелуем, но... Ключев более чем буднично отряхнулся, вытащил из кустов свою сумку, обшарил карманы Пятого, вытянул оттуда бумажник и ключи... и спросил, словно мы и не в Дзержинске встретились:

-- Вы сегодня на озеро не едете?

-- Э... -- я никак не могла прийти в себя и отдышаться, а он... а он про какое-то озеро! -- Мы вчера, вообще-то, хотели, но, похоже, передумали...

-- Ну может, тогда поедешь с нами? Мы решили, что поедем сегодня на Санхр.

Я уже знала, вычитала в Интернете, что это озеро можно называть и Санхар, и Санхр, и от Эдика я впервые услышала сокращённый вариант.

-- Поеду, -- вздохнула я, стараясь, чтобы голос звучал не слишком разочарованным.

Во-первых, поняла, что уже вторник, а мы так и не выбрались в воскресенье на озеро. То ли потому, что я полдня проспала, то ли по какой ещё причине, но почему-то о поездке вспомнилось только после того, как Эдик напомнил.

Во-вторых... Эдик так спокойно воспринял, что я его спасла от сволочей! А ведь от них ещё и подтягивает тем противным ароматцем, который преследовал меня всю дорогу до Дзержинска.

Это странно, да.

Ну и в-третьих, конечно же, в-третьих... я могу продолжать сколько влезет, хоть ещё год, мечтать о поцелуе. Но сегодня меня никто целовать не собирается.

А жаль.

Глава девятая. Практика.

Эдик зашёл за мною, как и обещал, через час. Я успела сдать папе его документы, наскоро перекусить, собрать сумку, приготовить пляжный коврик и всё, что нужно для купания. И даже заскучать успела, "гуляя" возле бочки с кувшинками.

Мысли в голове крутились разные, преимущественно обрывчатые, непричёсанные. Вместо того, чтобы помечтать, как водится, о том, как всё будет хорошо, я приплюхивалась к ветру. Мне снова казалось, что пованивает чем-то отвратненьким, но в то же время знакоменьким. Тошнотворненьким. Недавним. Память отказывалась отвечать, кто источает этот аромат, твёрдо уверяя в одном: это живое существо, и оно не из тех, которых я знаю с детства.

А когда пришёл Эдик, мысли и вовсе разбежались в разные стороны. Успела только подумать, что это всё-таки обидно, когда твой возлюбленный не замечает, что ты отличаешься от остальных людей...

И обидно, когда он не разделяет твоей любви.

Хотя... кувшинки в бочке и песни по ночам заставляли отбросить прочь сомнения в ответственности чувств!

А когда я заглянула в его бездонные карие глаза, когда он погладил горячей ладонью моё плечо, помогая спуститься со ступенек... мне показалось, что я настоящая леди. Шикарная дама. Что я иду по ковровой дорожке где-нибудь на фестивале в Каннах.

А в довершение всего возле дома нас ждало некое невообразимое чёрное чудо.

Когда-то давно, не в прошлой даже, а в позапрошлой жизни, оно было мотоциклом. Но я за это не поручусь! Ёлки зелёные, напрочь в окрестностях отсутствующие, не выдерживающие конкуренцию со стороны сосен! Да я не думала, что у Эдика может оказаться мечта моего детства -- самая что ни на есть настоящая "крыса", как у Петра Лома из одиннадцатого "Б", самого крутого парня из моей школы!

Из моей бывшей школы...

Сидеть на этом собранном из подручных средств мотоцикле было неудобно, однако круто. Два ряда крупных фар, подозрительно похожих на фары "Жигулей", закрытые толстыми металлическими решётками, крылья, полученные путём наезда на лежащие в песке полосы железа, вручную загнутый молотом из цельного металлического листа бак, и всё это покрыто натуральнейшей ржавчиной! И всё это в принципе не должно держаться вместе, но держится, рычит, гремит, грохочет! И едет! Да ещё как едет!

Заднее колесо немилосердно таскало во все стороны по песку. Каждая выбоина и каждый поворот приближали мои попу и бёдра к состоянию хорошей отбивной... И всё-таки вот оно какое, счастье -- обнимать любимого, пряча лицо от ветра, и под грохот и рёв мотора мчаться по грунтовой дороге между стройными рядами сосен...

Озеро находилось в двадцати километрах от Фролищ, "крысобайк" Эдика развил скорость около пятидесяти. Конечно, мы должны были ехать до Санхара минут двадцать, но мне показалось, что я успела только сесть позади Эдика, прижаться к нему и вдохнуть живительный аромат, а самодельный мотоцикл уже тормозил на пологом берегу, поросшем яркой зеленью. Серо-коричневое кружево сосновых ветвей и стволов, щедро сдобренное солнечной зеленью, соединяло гладкую водную синеву с синевой небесной -- со всех сторон.

-- Мы сегодня первые, -- сказал, улыбаясь, Эдик и заправил мне за ухо выбившуюся из хвостика кудряшку.

Еле удержалась, чтоб не поймать его руку и не прижаться к ней. А хотелось, очень... просто побоялась, что он неправильно поймёт.

У меня внутри всё по-прежнему тряслось и вибрировало, а ноги так и норовили размякнуть и уронить тело. И всё равно я бы с радостью повторила эту поездку и ездила бы так каждый день. Хоть по какому бездорожью. Главное -- возможность обнять любимого. Прижаться к нему. Дышать близким-близким ароматом...

К озеру, показавшемуся мне не слишком-то большим, с той стороны, откуда мы заехали, примыкало совсем крохотное озеро. Вот так и мы с Эдиком.

-- Мы с тобой как эти два озера, -- задумчиво проговорил Ключев и я пристально всмотрелась в него.

-- Ты читаешь мысли?

-- Нет, что ты! Просто ты так выразительно переводила взгляд с одного озера на другое, а потом на меня, что мне показалось, ты именно об этом и должна думать.

-- Но ты правда не читаешь мысли? -- требовательно переспросила я.

Он молча покачал головой.

Чтобы порадовать трясущиеся ноги, я медленно села на траву.

Реденькая, жёсткая, она пробивалась сквозь рыжую хвою, щедро устилавшую всё вокруг. Я с нажимом провела пальцем, и под слоем перепревающей ржавчины

обнаружился песок. Да, сосны так чаще всего и растут.

Эдик, поставив мотоцикл на подножку, расстелил на земле пляжный коврик, уселся, похлопал рядом с собой, приглашая присоединиться. Я на четвереньках, изображая пантеру, а на самом деле просто опасаясь встать на две ноги, перебралась на предложенное место.

Мы сидели там, откуда хорошо видны и большое озеро, и маленькое. Оба прекрасно смотрелись в обрамлении узких зелёных пляжей и высоких изящных сосен. Почти не видные в небе, лёгкие перья облаков чёткими штрихами отражались в воде.

Аромат Эдика заслонял собою свежесть воды и сосновых лесов.

-- Ты говорил, будет всё семейство?

-- Ну, они, наверное, задерживаются, -- странным образом смутившись, ответил Эдик и тут же нашёл себе дело возле "крысоцикла", принялся копаться в сумке то ли с инструментами, то ли с пикниковым оборудованием (это не я, это он так гордо называл три шампура и упаковку таблеток для розжига).

А чего это я переживаю из-за остальных Ключевых? Я же хотела поговорить с одним Эдиком. Вот только бы он ещё не бегал по кругу на расстоянии пяти метров, а сел бы рядышком!

В некоторых книжках пишут, что мы, вампиры, способны управлять людьми, зачаровывать их, гипнотизировать, подчинять своей воле. Я крутила головой, добросовестно пытаясь загипнотизировать бегающего Эдуарда. Парень, собирая хворост для костра, старался не выпускать меня из виду, говорил со мной, но при этом демонстрировал явно выраженную негипнабельность... пока не споткнулся.

Я радостно поскакала оказывать первую помощь. У меня в пляжной сумочке всегда были перекись водорода, йод, бинты, пластырь и вата. А также нашатырь, валидол, холлс и анальгин.

Я так надеялась, что Эдик поранился! Что у меня появится шанс под видом оказания первой помощи хотя бы лизнуть капельку его крови! Но он упал крайне неудачно -- для меня. Ни царапины! Правда, когда попытался встать, ойкнул, поджимая левую ногу.

-- Похоже, растянул, -- тяжело вздохнул Ключев.

-- Цепляйся! -- скомандовала я, решительно закидывая себе на плечи руку Эдика.

Мы быстро доковыляли до нашего коврика, и я принялась со знанием дела, как-никак, пятёрка по ОБЖ плюс школьная сандружина, бинтовать повреждённую щиколотку.

Эдик прикрывал глаза и часто-часто дышал, запрокидывая голову. На вопрос о том, что с ним, ответил невнятным мычанием. Я баюкала его ногу на коленях. И думала, думала, думала...

-- Эдик!

-- Да, Наденька?

"Наденька"!

-- Эдик, я давно...

-- Бе-е-е! Бе-е-е!

Горячие морщинистые губы зафыркали мне в ухо, по плечу мазнула мягкая щётка коротенькой бородки...

Сбросив Эдикову ногу на землю, я вскочила и уже сверху вниз как следует разглядела Бесстыжую Безрогую Бестию, помешавшую мне сделать важнейшее в моей жизни признание. Она продолжала требовательно блеять и тыкалась носом уже в Ключева. К-коза...

А он радостно обнимал её:

-- Брахмапутрочка, милая, хорошая, нашлась!

Похоже, Ключевы тоже хотели бы от своих коз больших удоёв, иначе с чего бы им называть козу, как индийскую речку?

-- Надь...

-- Да?

-- Посмотри там в сумке с пикниковым оборудованием, там должна быть верёвка. Давай её привяжем? Она же неделю где-то бродила, мы думали уже, её тут волки задрали.

-- Волки-оборотни, -- на автомате подсказала я, вспомнив недавнюю веселилку.

-- Да нет, -- отмахнулся Эдик, продолжая чесать шею Брахмапутрочки. -- тут волков-оборотней нет.

-- Так говоришь, словно не-волки-оборотни есть.

Клюев прикусил губу:

-- Ну как знать...

Я достоверно изобразила фыркание Брахмапутрочки.

Верёвка нашлась, и оказалось, что в сумке кроме трёх шампуров и таблеток для розжига есть ещё коробка с пряностями и пластиковый планшет с набором для барбекю.

Пряности перебивали аромат Эдика, и я раздражённо затолкала их поглубже в сумку.

Стараясь не нагружать больную ногу, мой возлюбленный проявил чудеса ловкости и изобретательности, сварганивая что-то вроде шлейки для козы. Я помогала ему, чем могла, и всю пользовалась выдавшейся okazji перебить запах пряностей.

Белая коза оказалась приятной на ощупь, гладенькой такой.

-- Это зааненская порода, -- рассказывал Клюев. -- Семьдесят пять процентов этих коз комолые...

-- Какие-какие?

-- Безрогие. А ты знаешь, сколько они молока дают, если за ними как следует ухаживать?

"Не знаю и знать не хочу", -- мысленно ответила я, вслух же сказала:

-- Нет, а сколько?

-- Семьсот литров в год!

В голосе Эдика прозвучала такая гордость, будто это он сам собственноручно вывел эту комолую высокоудойную породу. Или давал по семьсот литров.

-- Как интересно... -- пробормотала я, усаживаясь на пляжный коврик.

Каждое слово разговора о козах сбивало мою решимость признаться Эдику прямо здесь и сейчас.

Ветер окончательно утих, и поверхность озёр превратилась в два огромных зеркала. Перистые облака недвижимо стояли в зените, как кружевной зонтик, прореживающий солнечные лучи.

Я откинулась назад на вытянутые руки, вцепляясь пальцами в смесь песка и хвои.

Эдик налюбовался Брахмапутрочкой, подёргал узелок на верёвке, привязанной к молодой сосенке, и уселся рядом со мной, повторяя мою позу.

Я прикрыла глаза.

-- Эдик...

-- Да, Наденька?

Пусть это было уже ожидаемо, но ласковое "Наденька" снова обрадовало меня до глубины души.

-- Эдик, я давно уже хотела...

-- Ргав-гав-гав!

Радостный лай смешался с воем отчаяния, и надо ли говорить, кто выл? Я-то думала, Брахмапутрочка была первой и последней помехой в моём признании, но оказалось, что есть ещё одно живое существо, жаждущее общения с Эдиком!

Здоровенный рыжий пёс, который, почерней он вдруг, стал бы настоящим ньюфаундлендом, радостно скакал по Клюеву, умывал его большим розовым языком.

-- Байкал! Байкал! -- восклицал Эдик, тиская пса.

Да уж. Может быть, козу называли в честь реки не ради удоев, а потому, что в семье Ключевых принято давать животным имена водных объектов на букву Б?

Недовольство убрать из голоса не вышло:

-- Что, Байкальчик сбежал из дома, как и Брахмапутрочка?

Эдик если и заметил, что я издеваюсь, то сделал вид, что принял мои слова за шутку, рассмеялся:

-- Нет, Байкал просто бежал за нами, смотри, как дышит, эх, бедолага... не надо было тягаться с мотоциклом, не надо!

Ключев подхватил собаку под живот и аккуратно отнёс в воду.

-- Охладись, малыш!

В "малыше" только на вид было килограммов сто пятьдесят.

А Эдик-то даже вроде и не напрягся особо! Ай да Эдик...

Байкал не стал долго плескаться, выскочил на берег и порадовал нас мелким душем с отряхиваемой шкуры. По озеру от берега, от того места, где плавал пёс, шли круги, дробили отражения облаков и сосен.

Во мне не осталось уже ни капли решимости, но отступать было некуда. Вот ещё одно, совершенно лишнее подтверждение того, что на практике всё происходит не так, как в теории да в мечтах.

На этот раз я не стала разводить долгих предисловий, пока не появились никакие козы, собаки, кошки, мышки и прочая живность.

-- Я вампир.

-- Да, Наденька?

Похоже, он сказал это рефлекторно!

-- Эдик, повторяю: я -- вампир!

Он улыбнулся, мягко и мило:

-- Это хорошо!

Я вконец оторопела и тоже рефлекторно ляпнула:

-- Да уж чего хорошего-то?!

-- Ну как "чего"? Как в песенке -- "ты цыганка, я цыган, оба мы цыгане, ты воруешь лошадей, я вору сани"...

-- Эдик...

-- Да, Наденька?

То, что каких-то пять минут назад, меньше, вызывало умиление и сладкий трепет, дико раздражало теперь.

-- Ну скажи же мне! -- я нависла над ним, взяла его за грудки, поднимая вверх. -- Ты хоть капельку... хоть самую малость -- удивлён тем, что я тебе сказала?!

Он молча покачал головой.

Я молча встала, покидала в сумку полотенце и шлёпки, и медленно пошла в сторону Фролищ.

Он тут же догнал меня:

-- Наденька, успокойся, ну не принимай ты это так близко к сердцу, всё будет хорошо, всё обойдётся...

Так-то вот. Я, значит, ему признание... а он, значит, как с сумасшедшей себя ведёт. Спасибо огромное, Эдик!

Я обиделась на него и медленно, исполненная гордости, уходила от Санхара, не отвечала на настойчивые попытки разговаривать со мной, отказалась садиться на крысоцикл. Нет, конечно, через полчаса мы всё-таки помирились и некоторое время шли, держась за руки, в направлении Фролищ, а потом вернулись к озёрам, но не к теме вампиризма. Эдик предпочитал делать вид, что не было никакого признания. А я не могла долго на него дуться, и мы говорили, говорили, говорили... про любимые книги, кино и музыку, которые у нас совпадали почти на сто процентов, про глобальное потепление и причины вымирания динозавров, про Барака Обаму и как правильно называть афроамериканцев, живущих в

других странах, про соседского Чубайса -- огромного рыжего кота...

Прочие Клюевы так и не появились до самого вечера.

Несколько раз мне казалось, что Эдик меня поцелует. Вот-вот. Вот сейчас.

Нет...

Глава десятая. Ответы.

Вера и Фил ждали меня на скамейке возле дома, под оплетённой белым и жёлтым клематисом аркой. Метрах в трёх от них прогуливался Гар, измеряя шагами заросшую короткой зелёной травой тропинку. Он демонстративно не обращал внимания на сладкую парочку, как и они на него, однако с первого взгляда было видно, что им всем троим очень хочется поговорить.

Вот только я не была уверена в том, что Игорь выживет после разговора с Захарченко и Широковым -- не столько с Широковым, сколько с Захарченко.

-- Привет, ребята!

Они отозвались почти аккордом бас-баритон-контральто:

-- Привет!

Аккорд у них вышел минорный и даже в некоторой степени разочарованный и завистливый: все видели, кто меня довёз до калитки.

И на чём.

Грохоча и завывая, крысобайк Эдика истаял в янтарном мареве. Ключеву ещё предстояло забирать от Санхара два "водных объекта", один из которых остался сторожить другую.

Не успела я спросить, долго ли друзья меня ждут, как они поочерёдно выдали всё, меня интересующее.

Оказалось, Вера и Фил вспомнили о том, что хотели поехать на Санхар, пришли искать меня, а меня-то уже и след простыл. Гар вспомнил, что я собиралась проверить переписку, но почему-то не пришла. Так они и встретились у калитки. Долго бродили кругами вдоль забора, потом, не сказав друг другу ни полслова, заключили нейтралитет и расположились поближе к дому, ждать меня.

Интересно, а если б я с другого входа в дом вошла бы...

Сначала ребятам стоило невероятных усилий говорить в присутствии друг друга, потому что Гар и сладкая парочка пытались излить душу одновременно. Потом я наловчилась дирижировать звучанием этого странного трио, и стало вырисовываться что-то вроде непринуждённой беседы. Игорю приходилось высказывать своё мнение о том, что он слышал от Веры, Филу -- комментировать слова Игоря, Вере -- соглашаться с тем, что Гар предложил верное решение... прошло совсем немного времени, всего какой-то час, и моё дирижирование потеряло актуальность: ребята увлеклись обсуждением предстоящего праздника и обнаружили, что идеи у них сходятся пусть не во всём, но во многом. Увлеклись настолько, что не заметили, как я покинула их компанию.

Мне нужно было время, чтобы, как питону, переварить проглоченные за день ощущения.

Я смотрела в окно, выходящее в сад. Специально открыла обе створки, раздвинув до упора занавески. Стремительно темнело. Наверное, солнце ещё не село, но сосны не пропускали его свет уже очень давно. Только тёмно-золотое пятно над кронами указывало, в какой стороне запад. Я дышала ароматами разогретой за день сосновой смолы и ждала, что вот-вот придёт Эдик.

Басовитый голос Гара, лирический баритон Фила и контральто Веры звучали приглушённо, зато сверчки старались вовсю. Или это не сверчки, а цикады? В общем,

разницы -- никакой.

Он же обещал.

Он пел под моим окном всего два раза, а такое ощущение, будто я всю жизнь слушала по вечерам его ласковый голос. У меня в душе тренькала каждая струнка в ожидании новой песни. Интересно, о чём она будет...

-- Ты любишь его?

-- Похоже, да, -- неопределённо двинула я плечами.

Давно уже догадалась по запаху, что Захарченко оставила Гара и Фила вдвоём, а сама поднялась ко мне. Судя по вытянувшейся мордашке, она ожидала от меня более нервной реакции.

Или другого ответа?

Вера грустно улыбнулась:

-- Я, конечно, тебе не указ...

-- Но настоятельно рекомендуешь разлюбить Эдика Ключева, как потенциально плохого человека, проживающего не на той территории?

Она скривилась:

-- Нет, что ты! Не в этом дело...

-- А в чём же тогда?

Захарченко пожала плечами. Я в который раз подумала о том, каких же титанических усилий стоили Вере все эти бицепсы и трицепсы.

-- Я, Надь, как собачка Павлова. Вот тут, -- она постучала пальцем по виску, -- тут вот понимаю, а сказать не могу, что да как. Так что... не обращай внимания. Может, это и к лучшему, что вы с Ключевым влюбились. Увести ребят, чтоб не мешали?

-- Э-э... ты о чём?

Вера заговорщицки подмигнула:

-- Я о серенадах, а ты о чём?

Я оторопела.

-- А... а откуда ты?..

-- У меня хороший слух, Надь!

И Захарченко, помахав ручкой, убежала.

Под окном стояла бочка с кувшинками и рос душистый табак. Запахи цветов смешивались со смоляными ароматами, я старалась уловить приближение Ключева по запаху... но вместо этого поморщилась от резкой неприятной ноты.

И тут же вспомнила, что за живое существо так пахнет.

"Изгиб гитары жо-о-олтый"...

Откуда бы взяться во фролищенских борах моему попутчику? Совершенно ведь неоткуда! Он же поехал дальше, когда я сошла!

Но факт оставался фактом.

Резкий, неприятный, что там, отвратительный запах косичкобородого менестреля становился всё гуще, и я захлопнула окно.

Какая жуть. Так хорошо начинался вечер, а как заканчивается!

Я стояла спиной к окну, поэтому сначала мне показалось, что по стеклу скребнула ветка. Потом я вспомнила, что ни одно дерево сада не дотягивается ветками до дома.

Медленно, медленно-медленно обернулась...

В окно, прижимаясь к стеклу, заглядывал улыбчивый парень с коротким ёжиком светло-русых волос и задорным носом-сапожком. В поезде он сидел рядом с косичкобородцем... может, этот убийственный тошнотворный аромат от него исходил и тогда, а я посчитала, что так пахнуть может только тот гадкий певун?

Я даже тряхнула головой, вспомнив, что снаружи невозможно заглядывать в окно, если в тебе нет пяти метров роста, а на выложенной досками в ёлочку стене держаться не за что. Стоило мне шагнуть к парню, как он... вроде, спрыгнул вниз, или наоборот, вверх?

Жуть какая...

Глюки, может быть?

Решительно распахнув окно, я увидела, как парень -- светлые волосы, жёлтая майка, тёмные джинсы, чёрные кроссовки -- перепрыгивает через штакетник, которым огорожен наш сад.

Не глюки!

Не думая о том, что будет дальше, я даже не потратила ни секунды на спуск по ступенькам, вымахнула в окно вслед за незванным гостем. Потерять его из вида мне было не страшно, запах, отвратительный, густой, вёл куда лучше компаса.

Я бегала быстро. Очень! Но сегодня устала, ноги ворочались, как ватные, и меня раздражало, что никак не появлялась впереди жёлтая спина... тропинка, по которой вёл след, змейкой вилась между соснами. Не снижая темпа, я добежала до дороги на химбат... и замерла в изумлении. Запах шёл сразу назад во Фролищи, к химбату и в лес. И был он каким-то странным. Словно воня... то есть пахли уже двое.

Или трое.

Сразу же померещился ехидный хохот где-то на пределе слышимости, словно кого-то очень и очень порадовало, что он заманил вампиру в лову...

Не может быть!

Я рванула назад. Мало ли, что сейчас происходило у меня дома, откуда я так безалаберно выскочила в надвигающуюся ночь?!

А там всё было тихо и мирно. Папа курил на крыльце, испугался, когда я принялась его тискать и расцеловывать, потом посмеялся моим нелепым страхам -- ну кто может убить его, Фёдора Борисыча Лебедева, заведующего единственной библиотекой Фролищ?

Сделав вид, что иду спать, я повторила недавний манёвр. Во второй раз выпрыгивать в окно было прикольно. Наслаждаясь каждым движением, каждым напряжением мышц, я взобралась на подоконник, посидела по-лягушачьи, разведя коленки и держась руками за крашеные доски. Какая-то смутная догадка вертелась на самой поверхности сознания, поэтому я тщательно принохивалась к стёклам и запоминала запах белобрысого парня, надеясь, что, кроме него, к ним больше никто не прикасался... потом сбросила вниз привязанную к ножке кровати верёвку, чтоб можно было дотянуться до неё с земли и влезть назад. Спрыгнула сама.

Земля мягко толкнулась в подошвы ног, потом в ладони, я перекувыркнулась и поднялась на ноги.

Тщательно принохавшись, обнаружила, что уже возле моего дома чужих запахов было два. Значит, не померещилось смешение там, где следы расходились на три стороны! Отвратный душок того парня, что заглядывал в окно и чей-то ещё... я посмотрела вверх. Темнота уже почти сгустилась в ночную, но с моим ночным зрением охотника следы подошв на стене дома прослеживались довольно-таки чётко.

А с крыши свисал огрызок грязной верёвки. Значит, посетители прорывались ко мне через крышу. Видимо, один из гостей влез на крышу, закрепил верёвку, бросил другому, а тот уже полез на стену, в окошки заглядывать. Очень надеюсь, что верёвка не выдержала его веса и оборвалась! Хотя... если только он утащил обрывок с собой...

Второй запах был очень похож на первый, но как-то мягче, что ли. Не вышибал слезу, не свербел в носу.

Я побродила вокруг дома, внюхиваясь и распутывая следы. Получалось, что два человека пришли с одной стороны, от улицы. Потом оба ходили вокруг дома, нашли в сарае лестницу, потом на крышу полез один из них -- я тоже побывала там, понюхала.

А вот потом первый, белобрысый парень, совершил пробежку, которую следом за ним каких-то полчаса назад повторяла и я. Теперь же меня интересовало, откуда и как появился второй запах на пересечении вектора бегства белобрысого с дорогой на химбат. Отследив, как Второй удалялся от дома, я проделала его путь: он шёл по дороге, не

сворачивая.

В тот момент мне и в голову не пришло, что я чем-то рискую. Ведь мама в Москве, а с папой всё в порядке.

Когда добралась до того места, где дорога на хибат пересекалась с вектором пробежки белокрысы, запахи уже начали выветриваться. Просмотрев-пронюхав там всё, как и возле дома, я уже не удивилась, поняв, что людей было трое, причём на двоих - одинаковая обувь.

Меня распирала гордость. Пусть я не была таким уж хорошим следопытом, да и спать уже хотелось, зато сколько всего нового смогла узнать!

А, собственно, что я выяснила?

Что где-то во Фролищах или совсем рядом разбили лагерь косичкобородый менестрель и его товарищи. Что они нашли меня. Что им вообще за каким-то фигом сдалась я.

Догадаться "за каким" было, в принципе, не так сложно. Ведь Косичкобородец видел мои клыки. Мог же он не списывать их на жару в вагоне и глюки от неё? Мог решить поиграть в крутого истребителя вампиров? Конечно. И теперь получается, что на меня охотятся три мужика, источающие отвратительную вонь. И цели их непрозрачны. И мне нужно просто держаться от них подальше. Знать бы ещё, как!

Всё как обычно. Почти всё знаю, почти всё готово, и осталась самая малость, как с тем праздником.

Ёшкин клёш, праздник! И Эдик...

И Эдик, гарантия, уже спел серенаду под окнами пустой комнаты, пока я тут в детектива играю.

Добираясь до дома ночным бором, я особенно не спешила. Папа и тётя Валя были уверены, что я уже сплю, а в том, что Косичкобородец, Белокрысый и их третий товарищ способны прямо сейчас как-то навредить моим близким, я очень и очень сомневалась.

Жалко было только, что Эдик пел, а я не слышала.

Поймала себя на том, что, кажется, впервые иду по лесу ночью -- не во сне. Но снился он мне всегда именно таким. Ну, может, чуть более светлым.

Внизу, вокруг меня, воздух был неподвижен, в опавшей хвое и редкой траве с тихими шорохами вели ночную жизнь обитатели соснового бора. Наверху перекликались птички и шумел лёгкий ветер. И было так спокойно и хорошо... только грустно.

Потому что Эдик...

Эдик медленно брёл мне навстречу, улыбаясь и крутя в пальцах свежую водяную лилию с длинным стеблем.

-- Привет!

-- Привет...

Я так удивилась, что даже не сразу решила, рада ли видеть Ключева здесь и сейчас. Нет, конечно же, рада! Но разве не намеревалась я ещё пару минут погрузиться в тишине о том, как мне жаль, что он пришёл, а меня нету, а он пел, а я не слышала, а он не заметил, и всё как в романтической мелодраме...

Тряхнув головой, я отогнала прочь глупые мысли.

Разве можно не радоваться тому, что лирическая грусть превращается в лирическую же радость встречи с возлюбленным -- в глубине ночного леса, под аккомпанемент птичьего посвиста и неясных таинственных шорохов...

А ведь мы ещё не целовались. Ни разу.

А ведь сейчас нас никто не увидит... если, конечно, поблизости не шастает вонючая троица.

Я принялась.

Нет. Пахло соснами, далёкой речкой, бензином, но не Косичкобородцем

сотоварищи.

Значит, можно забыть обо всём и смотреть влюблёнными глазами на Эдика, дышать его запахом... божественным ароматом, незабываемым и таким... вкусным!

Нёбные мышцы дёрнулись выдвинуть клыки, я отвернулась от Эдика, успев заметить, как он усмехается.

Боже, как он усмехается...

Наверное, я отупела за последнюю неделю жизни во Фролищах. Или просто тупею в присутствии Ключева. Стою и не знаю, о чём говорить, что делать... потому что хочу обнять его, прижаться к нему изо всех сил... почти изо всех, чтоб ничего ему не сломать... И понимаю, что умру, если не прикоснусь в ближайшие две минуты... нет, секунды, нет...

Да пусть же он не врёт, что не умеет читать мысли!

Эдик обнял меня за плечи и притянул к себе, так ласково, так нежно... так меня обнимал папа. Нет, конечно, папа -- совсем не так, иначе! Мой папа не страдает извращениями, поэтому в его сильном и крепком, надёжном и успокаивающем объятии никогда не было пряных ноток страсти...

Я наслаждалась ароматом крови Ключева, захлестнувшим меня с головой, и сдержанной силой моего любимого, его стремлением оградить меня от страхов ночного леса... если б я его ещё боялась! И в тот момент меня ни капли не волновало то, что Эдик принял мой вампиризм как должное.

-- Ты вся дрожишь, -- прошептал он, глядя мои волосы.

-- Да... -- выдохнула я, зарываясь носом в его синюю футболку, вернее, уже в плотные эластичные мышцы груди. О том, что это нервная дрожь возбуждения, говорить не обязательно.

-- Ты совсем замёрзла, -- его горячие пальцы пробежали по моим предплечьям.

-- Нет, что ты, -- запротестовала я, ещё глубже закапываясь в Эдика, в его объятия, в сладкий запах, волны вожделения, исходящие от него... или от меня? -- Просто я всегда такая, не слишком тёплая...

Мы чуть покачивались, словно головой доставали до вершин сосен, и нас баюкал ветер.

-- А как ты сюда попал?

-- Я... -- Ключев, кажется, чуть смутился. Самую малость. Правильно, он не Гар, чтобы краснеть от каждого моего взгляда. -- Я пришёл к твоему дому, чтобы спеть тебе песню...

-- О любви?

-- О любви. А тебя не было.

-- Но как ты об этом...

-- Не знаю. Эта верёвка на крыше, настезь распахнутое окно, истоптанная трава под ним... и слишком тихо в комнате, ни дыхания, ни шагов. Я пошёл искать тебя, и вот -- нашёл.

Так захотелось вдруг схватить его, затрясти и завопить -- нашёл? Так держи! Не отпускай! Не отходи от меня ни на шаг! Ни на секунду! На меня охотятся вонючие подонки! Меня каждую минуту может не стать! Ну, последнее, конечно, преувеличение, хотя, кто знает? Так вот! Меня в любой миг может не стать, а ты всё никак не решишься поцеловать меня!...

Чтобы ему было удобнее читать мои мысли, я упёрлась в его грудь ладонями, чуть отстраняясь.

Под пальцами взбугрились напряжённые мышцы, и остатки связных мыслей завели хоровод в моей голове.

Я могла теперь только смотреть на его красивые губы и мечтать о том, как они соприкоснутся с моими.

Ну же!

Сейчас!

Он чуть улыбнулся. Чуть наклонился. И его губы нежно коснулись...

...моей щеки.

Я громко выдохнула и, обхватив ладонями его лицо, сама разыскала его губы.

И тут же поняла, что все заученные в формальных поцелуях с многочисленными поклонниками ухватки совершенно не годятся для поцелуя с любимым мужчиной.

Первого поцелуя...

Мы пробирались на ощупь по тёмной аллее соснового запаха, пряного аромата крови и всепоглощающей нежности. В который уже раз, находясь рядом с Эдиком, я жалела о том, что ни одно мгновение этой жизни не может длиться вечно.

Зато его можно повторить. Попытаться повторить. Распробовать новые нотки вкуса, разглядеть новые оттенки страсти... но это потом.

(а потом он расскажет мне, что это был третий поцелуй в его жизни: два первых пришлось на среднюю группу детского садика и первый класс общеобразовательной школы, и с той поры ни одну девушку он не подпускал к себе настолько близко, чтобы испытать желание целовать её. А меня... подпустил. Не просто подпустил, а хотел зацеловать до головокружения в тот первый день, когда я позорно сбежала с пляжа. Он так боялся, что не понравился мне, так переживал, что я ушла из-за того, что мне была противна орда Клюевых, опасался, что я, дочка Лебедева, который собирается жениться на Захарченко, подруга Веры и Фила, не стану портить свою дружбу с ними и подходить к нему только потому, что мои друзья -- его враги... но это было потом.)

А сейчас я млела от прикосновения тёплых ласковых губ, от такого близкого аромата его крови, от собственной смелости, от собственной слабости, от того, что все мои дурацкие сны про выводок Клюевых-Лебедевых, дружно шагающих в детский садик, больше не кажутся мне такими уж дурацкими и вместо смеха вызывают во мне прилив нежности и желание как можно скорее перейти к созданию выводка...

Мы отпрянули друг от друга, словно нас ударило молнией, отбрасывая в стороны. Вероятно, это выглядело забавно, как мы синхронно теребим подолы маек, волосы, поправляем ремни, за суетой мелких движений пряча непонятное чувство, кровью -- кровью! -- приливающее к щекам и пылающее в ушах, разливающееся по телу. Смущение? Да. Мы оба признали за нами право быть вместе. Ведь это было так естественно, так ожидаемо! И вдруг в какой-то момент одновременно додумались до того, что всё происходит как-то слишком уж рано, быстро, необдуманно, не так, как должно бы, не так, как мы того достойны...

Но то, с какой поспешностью мы разомкнули объятия и отскочили, смущало. Сильно.

Мы же не нарочно...

Глава одиннадцатая. Осложнения на горло.

Я долго не могла уснуть, крутилась на кровати, снова сбивая в жгуты простыни и одеяло.

Мне не надо было даже закрывать глаза, чтобы видеть перед собой Эдика. Не надо было сосредотачиваться, чтобы вызвать ощущения, кружившие голову во время моего первого поцелуя.

Я уверенно называла его не первым поцелуем с Клевым, а просто первым, потому что знала: всё, что было в моей жизни до него -- неправда. Этого всего просто не было! И жила я все семнадцать лет только для того, чтобы однажды приехать во Фролищи, увидеть свою судьбу, ощутить магический аромат крови и навсегда, навсегда полюбить Эдуарда Клевого. Он вдали от меня сейчас, и мне беспокойно. Мне хочется сорваться с места, побежать к нему, убедиться, что с ним всё в порядке, что он мирно спит в своей

кровати... и в то же время я надеюсь, что он, как и я, не может уснуть.

Это ли не любовь?

Перед сном я тщательно, на все задвижки, закрыла окна, закрыла двери своей комнаты на ключ, подпёрла стулом и пожалела о том, что нет амбарного замка. Потом подумала, что дверь всё равно хлипковата, но стул убирать не стала.

Зато теперь, проснувшись снова с незадёрнутыми шторами, некоторое время не могла понять, с чего это вдруг забаррикадировалась. Все события вчерашнего дня сосредоточились вокруг моего первого поцелуя, и вспомнить о том, что мне угрожает реальная опасность в лице Косичкобородца, стоило немалых усилий.

За окном свежим одуванчиком на ясном голубом небе светило солнышко, весело шумели сосны, требовательно блеяла Упа, просясь на улицу, к своим товаркам, которые отвечали ей нестройным хором. Кудяхтали куры. В отдалении мычала корова. Судя по времени -- девять утра -- она давно уже была подоена, и, наверное, ей просто нравилось мычать. Ветер качал затейливое макраме запахов, в котором я могла проследить каждую ниточку, каждый узелок. В нём всё ещё присутствовали тонюсенькие жилки, оставленные Белобрысым и Вторым (я не была уверена в том, что именно он и есть Косичкобродец).

Нет, в такое мирное, тихое утро определённо не могло случиться ничего плохого.

Я позавтракала вместе с папой и тётёй Валею и отправилась на прогулку.

Хоть и собиралась просто побродить по утренним Фролищам, добраться до Луха, в надежде встретить Эдика, едва увидев пятиэтажки, вспомнила Гара и Интернет. Позвонив Игорю, удивилась. Мой звонок разбудил его! Ну и соня...

Дверь мне снова открывала тётка. На этот раз она смотрела на меня с пристальным интересом, медленно водила взглядом с головы до пят, и я ощущала себя насквозь просвеченной рентгеном. Вот сейчас она видит аномально длинные клыки, втянутые в челюсти, теперь наблюдает, как бьётся моё сердце... ей что, так интересно проследить движение запечённой рыбки по моему кишечнику?

Закончив осмотр, тётка неожиданно улыбнулась мне. И ещё подмигнула:

-- Проходи-проходи, там он, -- указующий перст снова отправлял меня в комнату Гара. -- Ждёт -- не дождётся!

-- Ой, Наденька пришла! -- закудаhtала бабушка, выплывая из кухни в облаке пара и ароматного дыма. Похоже, оладушки сегодня пекли по другому рецепту. -- А Игорёша только о тебе и говорит, Наденька! Да, такая справная девочка, конечно, ты ведь заметила, что ты ему нравишься...

Интересно, что там "только обо мне и говорит" Гар? Но когда мои щёки горят так, они похожи уже не на помидоры, а на вишни-переростки, поэтому, не дослушав ласкового квохтанья бабушки о том, как Игорю повезло, что я обращаю на него внимание, я метнулась в комнату парня, налету бормоча невнятные извинения.

Мне действительно было стыдно. Очень стыдно за то, что я своими посещениями давала надежду мальчику, которого не люблю, тогда как на самом деле не то, чтобы сердце моё принадлежало другому -- я вся, все сто триллионов клеток моего тела, все вместе и каждая по отдельности, и каждый электрический импульс в нервных волокнах, и каждая порождаемая ими мысль... это всё было безраздельной собственностью Эдуарда Ключева.

Игорь, пряча тоскливое выражение лица, скорчил забавную на его взгляд рожицу, которая мне напомнила оскал дохлой бешеной лисицы, и столь знакомым мне шутовским поклоном, сопровождаемым взбрасыванием брови, предложил проследовать к уже включенному компьютеру. А я... что я могла поделать, если мне действительно нужен был Интернет, а заказанный в "Озоне" USB-модем пока и не думали доставлять?

Сегодня мне впервые мешало присутствие Игоря в комнате. Может быть, потому, что он подошёл ближе обычного? Я чувствовала на себе не только его жаждущий

взгляд, но и жаркое возбуждённое дыхание. Наверное, в другой момент, с другим человеком, я бы ещё и испугалась. Как же так, раздраконила парня, он готов за мной на коленях по щебёнке до Москвы, а я на него ноль эмоций! Вот-вот кипением сорвёт крышечку, и что тогда будет, никому не известно.

Но Игоря я не боялась.

В глубине его выразительных тёмных глаз жило твёрдое понимание того, что он сам на это подписался. Он сам, зная, что девушке от него не нужно ничего, кроме его компьютера, согласился предоставлять ей по первому требованию доступ в Интернет.

Ну и что, что девушка из вежливости улыбается и позволяет проводить себя до дома...

Мне удалось выскользнуть от Гара, не поправшись на глаза ни бабушке, ни тётке. Милые женщины и так получили достаточно пищи для размышлений и выводов и вряд ли в скором времени откажутся от построения планов о светлом будущем внука и племянника в далёкой Москве.

Между тем солнце успело взобраться в зенит и поливалось оттуда одуряющим жаром, от которого, уверенна, становилось неуютно не только мне, вампиру, но и обычным людям. Шутка ли - плюс тридцать пять!

И так не отличающийся живостью посёлок вымер окончательно. Кто-то прятался от изнуряющего зноя в домах и квартирах, кто-то уже прописался на берегах Луха, Вареха и Санхара. Немного поразмыслив, я решительно присоединилась к последним.

Как ни далека я была от реальности, витая в облаках любви к Эдуарду Ключеву, сумела заметить, что постоянно пребывают на пляже только фролищенские девчонки, с которыми познакомилась в первый же день -- Валя, Оля, Света и Катя. Остальные же пляжные жители делились на две группы, которые никогда не позволяли себе позагорать на одном пляже или поплавать в реке в одно и то же время.

Группы эти были примерно равны по количеству, и первую, меньшую, для меня без оговорок элитную, составляли Ключевы. Красивые лицами и фигурами, модно одетые, элегантные, с ровным загаром, полученным на юге, они неявно сторонились "великолепной четвёрки" здешних девчонок и очень-очень странно относились ко мне.

Можно было подумать, они меня боялись.

Чем ещё можно объяснить их заискивающе-добрые приветствия и прощания, учтивую немногословность и неназойливое внимание к каждому моему слову или жесту? Даже когда со мной был Эдик, где-то в зоне досягаемости маячили от двух до пятерых Ключевых. Я бы организовала таким образом группу прикрытия для очень важного человека. Пока всё спокойно, группа шастает где-то рядышком. Как только человека начинают убивать, группа дружно набрасывается на убийцу, одновременно утаскивая подзащитного... а Эдик то ли не замечал этого, то ли успешно делал вид, что не замечает.

По моим наблюдениям, около часу дня происходила "смена караула": откуда-нибудь из-за поворота изгибистого Луха выплывали Ключевы, а отдыхающие в это время на пляже мальчики и девочки, преимущественно, малого возраста, потому что самыми старшими из них были Фил и Вера, очень быстро собирали свои вещи и исчезали в неизвестном направлении. Потом, часа через два-три, они немой шеренгой вновь появлялись в отдалении, среди сосен, принуждая испариться Ключевых. Ещё через пару-тройку часов история повторялась.

Если бы не это строгое чередование, ни разу бы не вспомнила рассказанную Верой смешилку. Ведь, кроме неё, другого объяснения этой холодной войны не находилось.

Кстати, Вера позвонила и сказала, что сегодня весь день их с Филом не будет, а вот вечером, если у меня будет время-настроение, прогуляемся.

А перед моими глазами разворачивалась картина, поначалу повергшая меня в дежа вю: из-за поворота Луха баттерфляем выплывали Ключевы-парни. Значит, скоро появятся и сёстры Ключевы.

Я залюбовалась подтянутыми, скульптурными фигурами братьев моего Эдика... и выпала в глубокий осадок, не увидев его среди них.

Паника встряхнула сердце. Что-то случилось?

Я постаралась не слишком поспешно вскакивать и не слишком быстро бежать к ним с расспросами, но всё равно выглядела со стороны сумасшедшей. По меньшей мере, Ключевы от меня шарахнулись. Они смотрели настороженно, а я с надеждой заглядывала в их лица, надеясь прочесть ответ на мой вопрос ещё до того, как он будет задан.

-- Да в порядке с ним всё... -- осторожно протянул Максим, тот самый, что нравился Вере. -- Ну, приболел мальчика...

-- Сейчас с девочками подойдёт, -- уже более спокойно и миролюбиво подхватил Саша -- самый высокий и самый взрослый на вид братец Ключев.

Максим, Вадим и Коля, Андрей, Арсений, Клим, а также Саша с Пашей и Константин -- в таком ритме, говорил Эдик, он сам запоминал своих родных братьев поимённо, чтоб никого не забыть. Действительно, легко запоминалось, даже я с первого раза усвоила все имена. Только по внешности пока чётко различала всего троих, Максима, Сашу и Константина -- последнего по стильным очкам в роговой оправе.

Интересно, а если вдруг воон тот мальчик, кажется, Коля, почти такой же высокий, с такой же в точности причёской, как у Кости, наденет его очки, смогу я узнать Константина? Или, может, я его уже с кем-то попутала...

-- А чем он приболел, что с ним?

-- Ангина, -- лаконично ответил Максим.

-- Фолликулярная, -- так же лаконично пояснил Арсений, обладатель самого рыжего отлива в волосах.

Хотя не уверена...

На случай, если я не расслышала или не поняла, сразу двое Ключевых, кажется, Вадим и Клим, повторили:

-- Фолликулярная ангина!

-- Да я вообще-то хорошо слышу и понимаю с первого раза, -- всё-таки обиделась я.

Мальчики смутились. Однако... и что за день? Всё идёт наперекосяк и по диагонали!

Из нестройного хора перемежающихся музыкальными эканьями-аканьями и немusикальным мычаньем голосов я смогла разобрать извинения за то, что они так себя повели. Оказывается, они не хотели меня обижать, просто я смотрела так... ну, будто их не слышала. Или, правда, не понимала... похоже, выражение на моём лице не отображало встревоженного состояния мыслей, а показывало всем их дебилистическую спутанность и заторможенность. Ррр...

Что ж, ангина, даже фолликулярная, это не самое страшное, что может в наши дни случиться с человеком. Даже в тихих и спокойных Фролищах.

Ага, где шастает косичкобородый маньяк.

С гордо поднятой головой, одарив их всех лучезарнейшей из улыбок, я вернулась на своё место и почти сразу же увидела -- но не того, кого хотела бы видеть.

Щеголяя болезненной белизной и худобой тела на пляж шёл Игорь. Второй раз за лето? Или вовсе первый? Пусть я не так много времени пока ещё провела во Фролищах, но уж завсегдатаев пляжей узнать успела. К тому же, проводи Гар чуть больше времени на свежем воздухе, смотрелся бы куда здоровее. А так... сидит, небось, в обнимку с компьютером, общается с Интернетом...

Он снова смутился под моим взглядом, и я узнала, что он краснеет именно что до корней волос.

По всему телу.

-- Можно с тобой рядом? -- тихо спросил Игорь.

По-моему, от кого-то я это уже слышала... Сказать, что можно -- а вот сейчас

придёт Эдик! Сказать, что нельзя... но как же тогда Интернет?

Я пожалала плечами. Мол, как хочешь.

Понятливый мальчик с тяжким вздохом устроился чуть поодаль. У него не было пляжного коврика, он улёгся прямо на песок, и тут же заворочался, забрыкался ногами.

-- Что-то не так?

-- Да всё не так! -- объявил Гар, усаживаясь, мрачно сдвигая брови к переносице, и угрюмо опуская голову на сцепленные руки. -- Жжётся, сс...

Он корректно проглотил окончание слова. Я незаметно дотянулась рукой до песка. И вовсе не жжётся. Нормальный тёплый песочек. Беленький, меленький, такой классный...

Момент, когда на пляже появились сёстры Ключевы вместе с Эдиком, я всё-таки пропустила. Или они просто слишком быстро подошли слишком близко?

Эдик не спрашивал, можно ли ему садиться рядом со мной. Просто сел, и, прежде чем поздороваться, обнял меня, погладил, длинно, от затылка и до талии, одним движением руки.

Я растаяла. Меняхватило только на то, чтобы ответить вежливыми улыбками на приветствия Эдиковых сестёр и заметить исполненный вселенской тоски взгляд Игоря.

Раньше я не понимала - как это, просто сидеть рядом, держаться за руки и молчать? Теперь же сидела рядом со своим любимым и понимала, что могу так просидеть целую вечность... странно. В последнее время стало слишком много моментов в моей жизни, в которых мне хочется остаться навсегда.

А как же развитие, личностный рост, самореализация и прочее, прочее, прочее?

Я искоса рассматривала профиль Эдика.

У моего любимого чуть припухли нос и губы, горло его было аккуратно обёрнуто лёгким шарфиком. И веки чуть отекали. И тело горячее обычного.

-- Эдик... тебе очень плохо?

-- Нет! Мне очень хорошо, потому что ты рядом! -- героически просипел Ключев.

Боль стиснула сердце. Ну почему он заболел? Почему не я? Случись у меня ангина -- внеплановый стакан крови снял бы её моментально, любую. А Эдик... ему теперь лечиться, пить...

Ха. А почему бы ему не попить целебных отваров?

Я вскочила, отряхиваясь от прилипшего песка.

-- Как ты себя чувствуешь?

-- Э-э...

-- Ясно. Плохо. Идти сможешь?

-- Да! -- шёпотом воскликнул Эдик, и я, в мгновение ока свернув и свой, и его пляжные коврики, ухватила его под руку и потащила в лес.

Мою спину... да чего уж там, не столько спину, сколько некую часть тела чуть пониже, прожигал взгляд Игоря.

Да. Теперь он точно знает, кто его соперник.

У меня в планах было найти листья мать-и-мачехи и малину.

Сначала, уходя от пляжа, мы с Эдиком чуть ли не бежали, причём, стоит отметить, по его инициативе. Потом я стала замедлять движение и тщательнее приглядываться к траве и кустам.

Похоже было, что сосновые боры -- не лучшее место для малинников и мать-и-мачехи. Хотя должна же ведь расти, неприхотливая к почве, да ещё в высокой влажности... но она всё никак не попадалась. Увы мне, других трав для лечения горла я не знала. Да и вообще, просто других трав тоже. Смутные отголоски школьной программы по ботанике плавали в голове, противореча друг другу. Интуитивно понятные слова типа "биогеоценоз" "экосистема", "микобиота" проносило мощным течением мысли, да так, что я не успевала толком понять их значения. А ведь когда-то знала, раз вспомнила.

Эдик, который всё время грыз какие-то травки, скоро заметно повеселел. Может, он, как кошка или собака, интуитивно выбирал целебные?

Говорит он мог только с большим трудом, поэтому мы больше молчали. И это было изумительно! Всё-таки совершенно особое чувство вызывает такое безголосое взаимопонимание. Свернуть налево или направо? Не вопрос, мы свернём в одну сторону. Взобраться на пригорок или спуститься в овражек? Но мы оба захотим на пригорок... остановиться и безоглядно предаться поцелуям?..

Мы побоимся.

Мы будем долго переглядываться, замедлять шаг и снова ускорять, но повторить вчерашний подвиг будет страшно. Ведь вчера было... что-то совершенно не поддающееся никаким описаниям! А вдруг сегодня поймём, что всё на самом деле не так, вдруг очарование первого поцелуя убьёт второй?

Сегодня решительность обуяла Эдика.

Говорить он опасался из-за боли. Подозреваю, что целоваться тоже. Но именно он вдруг притянул меня к себе и, сначала осторожно, потом всё смелее и смелее, принялся целовать.

Я столько раз читала о том, что во время поцелуя весь мир перестаёт существовать, время останавливает свой бег, в животе порхают бабочки, и так далее, и тому подобное в том же духе. Наверное, я читала про поцелуи людей! А у меня, вампира, резко обострились все чувства. Я видела, слышала, осязала, обоняла всё стократ ярче. Каждую иголочку на сосне. Каждый листик папоротника. Каждую птичью трель в радиусе ста километров... если бы только птички трели и наполняли воздух! Ведь одновременно с ними звучали козы, коровы, машины, люди, куры, собаки... зато из всех запахов я могла ощущать только один.

Запах крови Эдуарда Клюева.

И это было прекрасно.

И ещё одно мгновение попало в копилку тех, которые мне хотелось растянуть на целую вечность...

Мы бродили по лесу, уже напрочь забыв про малину и мать-и-мачеху. Нам просто было хорошо вдвоём. Так и настолько хорошо, что, когда вдруг сумерки под сенью сосновых крон стали сгущаться в ночь, мы удивились и впервые за весь день обратились к часам.

Вот ведь! Одиннадцатый час!

-- Я так полагаю, к ужину мы опоздали? -- мечтательно прошептал Эдик, берегущий голос, и я так же тихо отозвалась:

-- Похоже, мы опоздали и к первому ночному чаю!

-- Но что нам тогда мешает прийти к завтраку?

Горячая волна странной смеси чувств обдала меня от головы до ног, если точнее, от уха, в которое мой любимый выплеснул горячий выдох, и до самых-самых пяточек. В этой волне прослеживались и внезапный стыд, и безотчётный страх... но преобладала всё-таки радость. Сметающая всё на своём пути, яркая и переливчатая радость, от которой не хотелось кричать дуриком и прыгать, но хотелось прижаться потеснее к Эдику и сказать ему большое спасибо, тихо-тихо сказать, на ушко, чтобы и ему от моего дыхания стало жарко...

Мы никуда не спешили, бредя наугад между тёмных стволов.

-- Волшебное время -- сумерки, -- шепнул Эдик.

Я тихонечко, чтоб не разрушать до конца мирное очарование момента, ответила:

-- А мне больше ночь нравится!

-- Ночью слишком уж темно, -- усмехнулся Клюев.

-- В этом-то и вся прелесть! -- клацнула я зубами рядом с его носом.

-- Ой!

Эдик отшатнулся.

Я смутилась.

-- Прости, не хотела тебя пугать...

-- Да ты и не напугала...

И мы побрели дальше, пока вдруг не вышли на пригорок, с которого деревья сбегали редющей гурьбой до середины склона, а внизу стоял завод. Зброшенный завод! Его кирпичные стены, на которых ещё кое-где сохранилась штукатурка, казались призрачными. У горизонта над ними виднелась малиновая полоска заката.

А в небе висела полная луна, и рядом чернела заводская труба...

-- Как красиво... -- выдохнули мы в один голос.

Не сговариваясь, расстелили пляжный коврик прямо там, где нас застало это волшебное зрелище, и, обнявшись, залюбовались луной.

Глава двенадцатая. На острие атаки.

К утру я всё-таки вернулась домой.

Во всех окнах горел свет. На пороге сидел папа.

С ремнём.

Да уж...

Эдик галантно помог мне преодолеть препятствие в виде калитки, прошёл вместе со мной по дорожке и очень вежливо улыбнулся папе:

-- Здравствуйте, Фёдор Борисович!

-- Здравствуй и ты, Эдуард, -- ответил мой папа, и я не удержалась, спряталась за спину Эдика, чтобы только волны холода, исходящие от родного отца, не превратили меня в ледяную скульптуру.

-- Привет, па... -- робко высунулась из своего надёжного укрытия. Взгляд тут же натолкнулся на безвольно свисающий с папиного колена кончик ремня.

-- Здравствуй, Надя.

Мне показалось, или ледяной ураган начал утихать?

-- Я так полагаю, раз вы явились сюда вместе, эту ночь вы провели вдвоём?

Показалось. Это было затишье перед девятым валом.

-- Да, -- согласно кивнул Эдик.

-- Нет! -- подскочила я. -- То есть да, конечно, но это совсем не то, что ты мог подумать, папа!

-- Правда? -- ремень чуть шевельнулся, и его движение меня заворожило. Я неотрывно смотрела на него, ожидая следующего проявления жизни. -- И что я мог, по-твоему, подумать?

Папа встал.

-- Что я мог подумать, когда мне позвонил Арсений Михалыч и спросил, знаю ли я, где сейчас моя дочь?

Папа распалялся. Эдик молча обнимал меня за плечи. И эта молчаливая поддержка дорогого стоила.

-- Что я мог подумать, когда Арсений Михалыч сказал, что моя дочь увела с пляжа его больного сына в неизвестном направлении?! Что, как ты думаешь?! После всех этих твоих странностей, после... после как ты... все эти пустые пакеты...

А-га...

Я допустила огромный промах: выкинула пакеты из-под крови в мусорное ведро. Мусор выбрасывал папа. И, похоже, те "глупости", от которых он меня предостерегал, означали просьбы пить поменьше крови. И не пить людей... А теперь он еле сдерживал себя -- и то, лишь потому, что здесь Эдик.

-- Папа, папа, я тебе всё объясню! -- голос мой звучал уверенно и убедительно. Если б ещё я сама была убеждена в том, что действительно смогу объяснить всё!

А папа завёлся не на шутку, и в голову ему пришла та же мысль, что и мне:

-- Что ты мне объяснишь?

-- Всё... -- уже куда менее уверенно пообещала я. -- Ну, я по меньшей мере... постараюсь. Ну, ответить на твои вопросы. Ну...

-- Не запрягла, -- папа раздражённо хлестнул по брюкам ремнём и поморщился. Видать, больно хлестнул. -- Иди в дом. Там поговорим. Эдик, ты тоже проходи, за тобой сейчас папа приедет. Валентина Петровна позвонила ему, когда мы вас увидели.

Но Эдику не пришлось в тот день впервые посетить наш дом. Едва папа закончил свою речь, к забору бесшумно подкатила приземистая хищная иномарка. Из неё вышел мужчина лет сорока на вид... воплощённая элегантность и презентабельность! Если Эдик к его годам станет хотя бы вполовину таким же, я... не знаю. Любить его сильнее, чем сейчас, всё равно не смогу.

Мужчина поздоровался, заговорил с папой. Это оказался тот самый Арсений Михайлович.

Арсений Михайлович Ключев.

Я, если честно, представляла себе его как-то иначе. Всё-таки он военный, а это у меня ассоциировалось прежде всего с формой, погонами. А тут дорогуший спортивный костюм, аккуратно уложенная причёска... бородка-эспаньолка.

Ключев-старший очень пристально меня разглядывал, и, готова поклясться, недостаток света ему ничуть не мешал. Я очень и очень надеялась, что он остался доволен осмотром, и что не будет против нашей с Эдиком дружбы. Оно, конечно, мне начхать, будет ли он против или за, но не хотелось бы, чтобы моему любимому промывали мозги на тему того, что "эта Лебедева неподходящая партия".

Арсений Михайлович очень корректно извинился перед папой за причинённые неудобства, одним взглядом отослал Эдика в машину... и Эдик задержался ровно на то время, какое понадобилось, чтобы безо всякого стеснения поцеловать меня на глазах у наших отцов.

Отцы промолчали и, повергнутые зрелищем в шок, кажется, забыли попрощаться.

Всю ночь мне снились кошмары. В них Арсений Михайлович приходил к нам на ужин с детьми, всеми, родными и приёмными, в количестве двадцати пяти человек, и все они разговаривали -- вот только, едва открыв рот, издавали громоподобное рычание, как газующие на месте мотоциклы. Потом они начали превращаться в каких-то гигантских насекомых, наподобие богомолов, а Эдик истошно кричал, вернее, рычал, но его я почему-то понимала -- он просил, чтобы я убила его, пока он не стал тараканом...

Проснувшись, я поняла, что часть этих кошмаров ими вовсе даже не являлась, просто ночью во Фролищи прибыла делегация байкеров.

Четыре мотоцикла, выстроенные пеленгом, стояли возле нашей калитки, перекрывая улицу. Их хозяева, раскинув на обочине покрывала, мирно храпели, распространяя вокруг себя ароматы здорового мужского пота, бензина, машинного масла, тёплой кожи, металла заклёпок и чужеродной для здешних мест дорожной пыли.

Я слетела вниз, как на крыльях.

Тётя Валя уже ушла на работу, а вот папа... он сидел за столом и ждал меня, скрестив руки на груди. Я остановилась в дверях кухни.

-- Так-так, -- поприветствовал он меня. И это вместо "доброго утра"! -- Так-так. Мне кажется, или ты куда-то собралась?

-- Э-э... Доброе утро, папочка... -- пролепетала я. -- Ты прав, я собралась, там приехали Вольные Волки...

-- Я видел. Я, ты не поверишь, даже приглашал их в дом, но они сказали, что хотят подышать свежим воздухом... -- мне показалось, папа оттаял, и сейчас всё вернётся на круги своя, но что-то заставило его голос снова остыть до нулевой температуры:

-- Однако, я отвлёкся. Итак, детище бесовское. Что ты можешь мне сказать о своём безобразном поведении?

-- Э-э... -- похоже было, только это и больше ничего я и могла сказать.

"Детищем бесовским" папа назвал меня впервые. До этого бесовским я была отродьем, а детищем -- любимым.

-- Э-э, -- повторила я, в надежде, что папа придёт на помощь с наводящими вопросами.

-- Понятно, -- кивнул он.

Интересно бы узнать, что это такое он понял? Но спрашивать почему-то не хотелось.

-- Вчера я был уверен, что ты придёшь домой к ужину.

Папа выдержал мхатовскую паузу.

-- Но ты не пришла.

Пауза номер два длилась на несколько секунд меньше.

-- Валя сказала, что, вероятно, ты придёшь, как стемнеет.

Пауза номер три оказалась самой длинной, и только во время неё я догадалась, что Станиславский тут ни при чём, а просто ожидается реакция от меня. И что, он хочет, чтобы я оправдывалась? Или там, прощения просила? Прочитать папины мысли я не могла, поэтому продолжала молчать, ожидая прямого вопроса на который смогу... или, как вариант, не смогу дать прямой ответ.

-- Но ты не пришла и тогда, когда стемнело, -- решил всё-таки продолжить папа и больше таких гигантских пауз не делал, а говорил всё громче и всё быстрее, -- и, если до этого ты ставила меня в известность, куда и зачем идёшь, то на этот раз обошлась молчанием. Уже Вера с Филом по домам разошлись, уже все Ключевы домой вернулись, и только тебя где-то черти носили! И только когда Арсений Михалыч позвонил -- ты хоть можешь себе представить, что я мог подумать, когда он мне позвонил! Ты можешь представить, что я думал, когда понял, что ты пропала не одна, а в компании с Эдуардом! Ты хоть понимаешь, что мы тут думали?! Нет? Очень плохо!

Я пыталась вставить хоть слово, но это было нереально. Все три возможности, которые мне предоставляли, я упустила. Оставалось только ждать, когда иссякнет красноречие папы.

А оно, кстати, уже... того. Он смотрел на меня, и мне от этого взгляда становилось стыдно. Тошно. И хотелось провалиться сквозь землю.

А лучше -- перенестись, как по волшебству, к Эдику, обнять его и пожаловаться на то, как несправедлива к нам жизнь. То он не оправдывает моих ожиданий и игнорирует известие о том, что я вампир, то папа вдруг теряет ко мне всякое доверие, и так и ждёт, что я начну набрасываться на людей среди бела дня. Ну или среди чёрной ночи.

Слёзы навернулись на глаза. Ведь я же никому зла не желала! Ничего плохого не хотела! И не сделала! Я просто... просто влюбилась.

-- Но это же... это же прекрасно... -- обескуражено проговорил папа.

...и не заметила, как последние слова проговорила вслух.

Я покраснела. Или даже побагровела. Не исключено, что аж посинела! И снова, как идиотка, завелась:

-- Пааа, это не то, что я имела в виду... то есть то, но не то... но в общем я...

-- Хватит, -- жёстким возгласом остановил он меня. -- Хватит. Я этого и опасался, с самого начала. С тех самых пор, как ты впервые заговорила о Ключевых. Не Эдуард, так другой, их там много. Я опасался того, что ты вскружишь им головы. Будешь вертеть ими, как марионетками. Ты же достойная дочь своей мамы! Тебе же нужны толпы поклонников, ты не можешь успокоиться, пока не удалишь со своего пути всех конкуренток. А ты ни разу не задумывалась, что чувствуют девочки, которых ты унижаешь? Ты вообще замечала, что унижаешь местных девочек?

-- Что?! Я?! Да я!.. Да я ни разу!.. -- я лихорадочно перебирала в уме свои

разговоры с местными и понимала даже без папиных подсказок, что была слишком резкой и насмешливой. Всегда.

-- Да, да. Ты. И не раз. Они виноваты, что во Фролищах нет магазинов, где можно купить туфли из последней коллекции Прада и сумочку от Вуттон? Они виноваты, что ты родилась с серебряной, нет, с золотой ложечкой во рту, а им в голову не придёт отдавать десять тысяч рублей за кусок шёлка, чтоб повязывать на бёдра? Уж не говоря о том, чтобы просто так, из прихоти, заводить двадцать таких кусков! А ты не замечаешь, ты всё время, каждым словом, каждым жестом даёшь им понять, что они из низшей касты и должны быть счастливы уже потому, что дышат одним воздухом с тобой!

А вот тут папа перегнул.

Если я когда и думала так, то только в первый день во Фролищах! Ну, во второй, когда выбралась на пляж... но теперь же я другая! И уже прошла почти целая неделя! И теперь же я...

Да. Теперь я продолжаю шпынять девчонок, чтобы они как можно дальше держались от Эдуарда.

От моего Эдика.

Я, стоявшая всё это время в дверях кухни, прошла внутрь и села за стол напротив отца.

Он смотрел на меня так, что его взгляд входил в мои глаза и выходил из затылка двумя пытливыми лучами, просвечивающими голову изнутри.

И чего он так взъелся на меня из-за девчонок... неужели они ему нажаливались? Ведь его самого на пляже ни разу не было.

-- Па... а откуда ты узнал про девочек?

Теперь лучи моих глаз просвечивали папину голову.

-- Мы вчера разговаривали с Болотовым...

-- Ясно, -- кивнула я.

-- Что тебе ясно?

-- Что мне не зря так не понравилась эта Катька. Ябеда.

-- Да что ты себе... -- начал, было, папа, но тут же усмехнулся:

-- Да если честно, мне она тоже не очень-то нравится. Ну да бог с ней. Надеюсь, девочек ты оставишь в покое. Ты мне лучше скажи, что ты намерена делать с Эдиком? Он ведь как цыплёнок, впервые курицу увидавший, на тебя смотрит.

Я успела остыть после нечаянного признания, но тут снова ощутила жар в щеках.

-- Но папа! Я же сказала уже -- я люблю его!

Второй раз признание далось куда легче.

-- Надолго ли? -- с непонятной горечью проговорил он.

-- Навсегда! -- с жаром выдохнула я. -- Навсегда, папа! Я буду любить его, пока буду дышать!

Он уставился куда-то в край столешницы, поколупал ногтем невидимую мне точку, усмехнулся:

-- Блажен, кто верует!

А не слишком ли часто мой родной папа бога поминает?

-- Так... -- он опёрся обеими ладонями о стол. -- А теперь третий вопрос с повестки дня. Это ты вызвала сюда Вольных Волков?

-- Д-да... -- переход с одной темы на другую оказался слишком резким и я не уловила логики, и даже не задумалась в тот момент о том, откуда папа знает маминых и моих знакомых -- байкеров из "стаи" Вольных Волков. Да мало ли, в конце-то концов!

-- Зачем они тебе здесь?

-- Ну... мы решили... я, Вера и Фил, решили устроить праздник, вроде как в честь моего приезда, и я решила, что...

-- О, боже... -- простонал папа, резко вскидывая кулак ко лбу. -- Вы решили, и ты решила! Что решила? Пустить пыль в глаза всем Фролищам разом? Ты другого способа не

могла найти? Более тихого? В два часа ночи кавалькада мотоциклистов -- да здешние места такого не знали до приезда Ключевых!

-- Ну вот видишь, -- обрадовалась я, -- Волки уже не первые!

-- Но Ключевы ночью шумели только один раз! В день приезда!

-- Но ведь для праздника...

-- Надя! Ты слышишь меня? Никакого праздника! Я тебе запрещаю! Никаких Вольных Волков, никаких... чего вы там ещё напланировали? Я уверен, что Волками ты не обошлась! Выкладывай немедленно! Всё!

Я съёжилась под ураганом приказов и дрожащим голосом рассказала, как связалась по Интернету со своими и мамиными знакомыми, чтобы вызвать нормальную музыкальную группу, заказать фейерверки, пригласить байкеров, занимающихся фристайлом... если это всё и было тайной, то от основной массы жителей посёлка. А папе я бы, может, и раньше рассказала бы, но он ведь не спрашивал.

Он, казалось, тоже стал меньше размером.

-- Это так ты решила отпраздновать своё появление во Фролищах, дочь?

-- Д-да...

-- О, боже... и что, сегодня приедут ещё и эти твои... "Эмогёлз"?

-- "Эмобойз"...

-- На-а-адя... ты определённо думала не мозгом, а... нижней частью спины, когда надумала свести в одной точке байкеров и эмо!

-- Но а что тут такого?.. -- не поняла я.

-- Что? Хмм... ну, прислушайся, -- с изрядной долей ехидства ответил папа.

И тут я тоже обратила внимание на то, что на улице...

На улице уже изрядно шумели.

Красивые элегантные юноши со стильными причёсками, в красивой модной одежде выгружались из шикарных сверкающих "ниссанов" и "ландкрузеров". За ними следом выходили их представительные папочки.

А у нашей калитки громко и без стеснения переговаривались Вольные Волки -- Вулф, Мэйсон, Борода и Анчоус. И пусть я виделась с ними уже давно, не узнать их было невозможно.

А чуть поодаль, широким кольцом, собирались зрители, фролищенские жители...

-- Оппа! Ты смотри! У него лысина сверкает ярче крыльев его повозки!

-- Ух ты! Он живой? Вот этот глист... пардон, йуноша бледный... слишком бледный, интересно, он пользуется той же пудрой, которой замазывают в белое гейш?

-- А может оно она и есть? Ты смотри, мордашка беленькая, губки аленькие...

-- Ёлы-палы, присмотритесь, ногти, ногти! Все с крашенными ногтями!

Странно даже. Ни единого слова матом! Какой интеллигентный байкер пошёл...

Не сказать, чтоб я так уж сильно обрадовалась окончанию разговора с папой, даже сказала бы, что мы и не поговорили толком и что нам ещё полные сутки сидеть бы и разговаривать, и то до конца беседы не доберёмся, ведь не бывает же, не должно быть так, чтобы папа и взрослая дочка, которую он последний раз видел ребёнком, прожили в одном доме неделю... прожили? Да я домой на ночь только и приходила! Я боялась! Не хотела надолго оставаться наедине с отцом! Не бывает, чтобы родные люди были родными только потому, что они так называются. Они должны знать друг о друге... если не всё, то многое. Должны переживать друг за друга... но как переживать за человека, который в твоей жизни появлялся на три-пять дней раз в год? Хотя... если б не переживала, не летела бы домой, когда поняла, что меня заманили в ловушку... ну, значит, мне будет легче полюбить своего папу.

Вот ведь вопрос... люблю ли я его уже сейчас, не зная, кто он, довольствуясь тем, что когда-то они с мамой любили друг друга? Люблю.

А какой он?

Я оглянулась на папу. Он не стал выходить за мной во двор, стоял в дверях. Мне показалось даже, что он прячется, стараясь не появляться на освещённом пространстве.

Я не знаю -- какой. Мне было четыре, когда они с мамой развелись, и я вообще ничего о нём не знала. А последние лет этак тринадцать мне это было попросту неинтересно.

Вот и сейчас я снова делала выбор между родным отцом и чужими людьми в пользу чужих людей.

Ведь папа же никуда не денется, верно? А Вольные Волки порепетируют и уедут.

И "Эмобойз" тоже.

Я поправила хвостики, одёрнула майку, шортики, мельком пожалела, что не потрудилась сразу сделать дневной макияж, и вышла к Волкам.

-- Здравствуйте!

Они неохотно отвлеклись от созерцания и обсуждения гламурных мальчиков, их родителей, водителей, машин и переключились на меня.

Нестройно поздоровались и заулыбались. Вулф даже ближе подошёл:

-- Надя! Как выросла! Когда я тебя последний раз видел, совсем ещё вооот такой была...

Я подумала, что показанный им рост -- около полуметра -- не мог быть моим полтора года назад, когда мы виделись с ним последний раз. Вот лет семнадцать назад, в первую неделю после рождения -- это да.

Вулф, почти такой же высокий, как мой папа, но вдвое более широкий в плечах, втрое более загорелый и вчетверо более накачанный, под украшенной черепом банданой прятал шикарную лысину, от виска до виска через затылок обрамлённую редующими и седеющими волосами. Его постоянно прищуренные глаза всё время улыбались и были такими добрыми, что слабо верилось в драчливость Вулфа, слухи о которой обычно летели впереди него со скоростью в двести двадцать километров.

-- А папа твой где же? -- спросил Анчоус, сероглазый, невысокий и тщательно бреющий голову, чтобы скрыть намечающуюся лысину, и, конечно же, как обычно жующий сушённую хамсу.

-- А папа... -- я оглянулась и замерла в растерянности.

Папы на пороге уже не было.

-- Он в доме, -- сказала я. -- Позвать?

-- Ну да, -- кивнул Вулф.

Я не побежала бегом, но достаточно быстро и грациозно прошла в дом. Позвала папу. Он не откликнулся. И вообще, судя по запахам, прошёл насквозь, из одних дверей в другие. Выбежав в сад, я растерялась. Здесь "фоновый" запах папы был силён, как нигде больше, ведь он постоянно ухаживал за растениями, поэтому предположить, в какой стороне его искать, я не могла.

-- Пап! Паааап!

Тишина в ответ меня порядком испугала. В голове галопом поскакали мысли о полчищах голодных косичкобородцев, проносящихся по Фролищам и похищающих Лебедевых, чтобы ритуально расчленив, поджарить на кострах и съесть.

Задумав нелепые мысли, я вернулась в дом, снова заглянула на кухню и только теперь заметила записку на холодильнике.

"Буду вечером".

Ага, значит, ушёл на работу. Странно, конечно, обычно он не через сад в свою библиотеку ходит, ну да ладно. Я вернулась к байкерам.

А у калитки тем временем остался только флегматичный Мэйсон, длиной и чистотой волос смахивающий на профессора Снегга из фильмов про Гарри Поттера.

Вулф, Борода и Анчоус, держась большими пальцами рук за ремни рядом со сверкающими пряжками, встали в землю напротив показывающих мужской стриптиз родителей и водителей группы "Эмобойз".

Сами эмоби́зы делали вид, что вся вот эта ситуация их не касается, однако переко́чевали с широкой площадки, где разворачивался автобус и полукругом стояли теперь машины, под защиту авто, поближе к лесу. По выражениям лиц, на которых застыла смесь любопытства и испуга, можно было сделать вывод, что они готовы ускакать в лес в любой момент. И будут потом уцелевшие в бойне папы и дяди собирать их по всему лесу, подманивая звуками аплодисментов...

В том, что бойни не избежать, убеждали лица мужчин, сопровождающих юные дарования. Их можно было показывать быкам, готовящимся к корриде: вот так надо пыхтеть. Вот так рыть копытом. И глаза должны быть налиты кровью именно так.

Сопровождающие один за другим снимали наглаженные костюмы (не иначе как ручной работы, от Гуччи или там Элеганс), отдавали бледному коренастому пареньку, который ловко надевал их на невесту откуда появившуюся вешалку.

Байкеры оскалили зубы и демонстративно сплюнули на дорогу.

Сопровождающие запыхтели, выражая готовность к бою.

Байкеры обидно расхохотались.

Сопровождающие освободились от швейцарских часов.

Байкеры снова хором заржали.

Сопровождающие сдали пареньку на хранение солнцезащитные очки.

Байкеры переглянулись и пригнулись, наконец-то сочтя противников готовыми к потасовке.

-- Стойте! -- закричала я. -- Остановитесь! Что вы делаете! Прекратите сейчас же!!!

Я рванулась, было, к двум шеренгам, одна против другой выстроившимся на дороге, но меня поймал за локоть Мэйсон:

-- Не мешай, Надя. Это -- дело чести. Мы всегда били, бьём и будем бить попятину во всех её проявлениях.

-- Но... но они же совсем ещё дети!

-- Кто дети? Эти бугаи?

-- Нет! Певцы!

-- Они - певцы?

-- Нет, эти -- родители певцов, а певцы вон они, за машинами...

-- Надя, Надя... они не певцы. Они -- позор нации. А вы все их ещё защищаете, вместо того, чтобы умыть, постричь, побрить, переодеть и отправить в спортивный лагерь.

Слова о спортивном лагере меня лично порадовали, но эмо́би тоже их расслышали и особой радости не испытали.

Ещё бы. Им уже, верно, примерещились подъём в шесть утра, водно-оздоровительные процедуры в виде обливания ледяной водой, разминка -- пробежка на десять километров... Так, глядишь, и на пение сил не останется.

-- В общем так, -- громко сказала я, стараясь вложить в голос как можно больше царственной повелительности. -- Вы не-мед-лен-но прекращаете этот балаган! "Эмоби́з" и сопровождающие возвращаются к своим машинам, Вольные Волки -- к своим байкам.

На этот раз смеялись все.

-- Нет, вы не поняли! -- я вырвала свой локоть у Мэйсона и решительно прошагала в эпицентр событий. Одарила каждого Волка и каждого их противника одинаково тяжёлыми взглядами, с удовольствием наблюдая, как они "сдуваются". Некоторые папы и водители даже отступили на шаг или два, кому насколько позволила гордость. -- Вот теперь, похоже, поняли.

Когда Вольные Волки с презрительными усмешками вернулись к своим мотоциклам, а осмелевшие эмо́би вылезли из своих ненадёжных укрытий, я вздохнула с облегчением.

Похоже, драки не будет.

Можно было бы и успокоиться, но электрические искры напряжения

пулемётными очередями прошивали воздух вокруг меня, когда сопровождающие "Эмобойз" и Волки обменивались взглядами.

Ну по меньшей мере, драки не будет прямо сейчас.

Глава тринадцатая. Отпирания.

Эмобойзы и их сопровождающие вежливо отклонили моё приглашение на чай, сказав, что у них всё своё, а вечером они уедут, и им нужно только прикинуть, где будет сцена, откуда можно протянуть провода для подключения аппаратуры. Я объяснила им, чего хотелось бы нам, организаторам праздника, и между сопровождающими завязался оживлённый разговор о том, что надо где-нибудь добыть генератор, потому что это будет проще, чем тянуть провода от посёлка. Потом субтильные мальчики-эмо капризно изъявили желание искупаться, а я, проводив до пляжа, так же капризно отказалась составить им компанию. У реки и так уже в разнообразных красивых позах лежали все фролищенские девчонки "захарченского" состава плюс Валя, Катя, Оля и Света, а мне не доставляло удовольствия созерцание тощих бледных тел певцов и косящих под крутых секьюрити водителей и родителей, разрывающихся между взаимоисключающими желаниями: доиграть роль охраны до конца и -- броситься в чистые воды Луха.

Волки всё-таки прошли в дом. Рыжая борода черноволосого Бороды, заплетённая в две толстые косы, светила на кухне, как солнышко. Я с благоговейным трепетом внимала тому, как заливаются по-детски искренним хохотом четверо здоровенных мужчин (называть Волков "мужиками" как-то язык не поворачивался), вспоминая события утра.

-- А он каааак зыркнет!..

-- Ха-ха-ха!!!

-- А лысый! Тьфу!

-- Ха-ха-ха!!!

-- А в наколке ему в бок с перепугу!..

-- Ха-ха-ха!!!

Я, вообще-то, не понимала, о чём они. Так, догадывалась.

У меня была забота поважнее: ничего не перепутать, разогревая вчерашнюю картошку и отваривая пельмени. Пусть я уже кое-как освоилась с разогревом, самостоятельное приготовление пельменного супа ставило меня в тупик.

Мэйсон, заметив мои тяжкие раздумья над килограммовым пакетиком пельменей и десятилитровой кастрюлей, пришёл мне на помощь. Кастрюлю он спрятал, нашёл тару поменьше, набрал воды.

Точно! Вот что я забыла -- воду.

Потом он отобрал у меня пельмени, объяснив больше знаками, чем словами, что их надо засыпать в кипящую воду. Солёную кипящую воду.

Я пожала плечами и уселась рядом с плитой, сторожить, когда закипит. Мэйсон нырнул в холодильник, напевая незаmysловатый мотив, отдалённо напоминающий "We will rock you".

-- Ну а папа-то твой где? -- я даже не заметила, что за столом остались только Анчоус и Борода, они успевали шуметь за четверых, а Вулф подошёл ко мне.

-- На работе, -- ответила я.

-- А где он работает?

-- В библиотеке.

Смех за столом утих. Там тоже слышали, где работает мой папа.

-- О... -- выдохнул Вулф, стаскивая с головы бандану и пытаясь стереть ею с лица выражение шока. -- О!..

Я удивлённо воззрилась на мужчину. Похоже было, что мои слова лишили его дара речи.

-- Где-где?! -- недоверчиво переспросил Мейсон.

-- В библиотеке!.. -- прошептал Вулф. -- Лебедев -- библиотекарь!

И тут комнату затопила осязаемая тишина. Было бы желание, можно было бы разливать по бутылкам.

А потом Анчоус поперхнулся недожёванной рыбкой, и тишина расплескалась дружным хохотом.

Я по-прежнему не понимала, что происходит, а спрашивать опасалась. Хоть папа и отнёсся к Волкам лояльно, хоть они и были мамиными друзьями, и пусть даже вели себя вполне дружелюбно... казались странными. Ну, во-первых, не ругались матом. Да-да, именно эта странность первой бросалась в глаза. То есть, в уши. Потом, они в своих косухах и банданах выглядели как выпускники института благородных де... то есть, юношей на маскараде. Этакие доктора наук на отдыхе... и я не могла вспомнить, всегда ли они были такими, или что-то всё-таки изменилось за то время, которое мы не виделись.

Вольные Волки ждали, пока сварятся пельмени, а меня распирало изнутри желание выскочить из дома и помчаться... нет, не к папе.

К Эдику.

Я так давно не видела его! Целых четыре часа! Или даже больше...

На какой-то безумно растянувшийся миг мне примерещилось, что в комнате вдруг оказалось очень-очень много народа. Не только Вольные Волки, но и эмобойзы со всеми их родителями-водителями, и Вера, и Фил, и завсегдатаи пляжа -- обе сменные группы и "великолепная четвёрка", и все что-то говорили мне, потому что все чего-то хотели от меня, и голоса сливались в неясный гул...

Я потом удивлялась, как хватило сил выбежать через дверь, а не вымахнуть в окошко, подальше от глюка. Отбежав от дома, остановилась и задумалась. Собственно, чего это я?

Ну, подумаешь, загнуло слегка. Надо выпить пару глотков крови, и всё пройдёт. Вот только я же пила кровь совсем недавно и в таком количестве, что могло бы хватить и на месяц спокойной жизни!

Я старательно затолкала поглубже беспокойные мысли о том, что со мной творится что-то странное, если не сказать страшное, и отправилась в сторону дома Эдика, уверенная, что до дома не дойду, Ключев встретит меня на полпути.

Ноги сами повели меня мимо библиотеки, поэтому я воспользовалась okazjiей, заглянула... вернее, попробовала: на двери висел амбарный замок. Свет, естественно, не горел. Жизнь пахла, но всё больше мышино-кошачьей.

Наверное, папа ушёл куда-нибудь по делам, подумала я намеренно медленно и спокойно. Однако острый коготок беспокойства скрёб изнутри всё сильнее, и первым, что заметил Эдик, когда мы с ним встретились, как я и предполагала, на середине дороги до его дома, была моя тревога.

-- Что-то случилось? -- спросил он, когда мы наконец прекратили целоваться и оторвались друг от друга. Ну, всё-таки совсем первыми привлекли его внимание мои губы, и, когда отвечала, я всё ещё ощущала тепло и мягкость его поцелуя и боролась с желанием выпить своего возлюбленного досуха:

-- Н-ничего... просто никак не могу найти папу...

Коротко рассказав Эдику, что приехали байкеры и поп-группа "Эмобойз" и что папа после их приезда начал себя странно вести, я удивилась его вопросу:

-- Он не сильно тебя ругал?

-- Что ты! Он меня не ругал вообще!

Да, я только что соврала своему любимому, но незачем ему знать таких подробностей о моём папе и наших с ним отношениях.

-- Странно... мне показалось, он был настроен решительно и после нашего ухода

тебя должна была ждать ой какая головомойка.

-- Не-не-не...

Я уже знала, что хочу видеть Эдика своим мужем, и твёрдо решила не рассказывать ему ни-че-го негативного о будущих тесте и теще.

Он мягко улыбнулся, и мне показалось, что ещё одна такая улыбка, и я задохнусь от любви к нему. Мы возвращались ко мне домой, чтобы посмотреть, как это назвал Эдик, на живых эмо и живых байкеров.

Живые эмо встретили нас на подходах к дому. Они вернулись с пляжа, вернее, их оттуда пригнали родители, в окружении девчонок. Что поделать, подавляющее большинство фролищенских жительниц возрастом от восьми до восемнадцати лет страстно мечтали сменить место жительства. Даже если для этого приходилось влюбляться в мяукающих депрессивные, но такие модные песенки мальчиков-эмо. Вился рядом с ними и Гар. Ему тоже обрыдли родные Фролищи. Подходить с вопросами к Волкам он, видимо, побоялся, а вот крепкая мужская дружба с московскими эмо показали ему лучшим вариантом.

Эмобойзы пожирали Эдика взглядами, и, если бы я не знала, что все они вполне себе традиционной ориентации, подумала бы, что мой Клюев очень нравится и мужчинам тоже. Но нет, оказывается, зависть во взглядах певцов вызвала густая и несколько неряшливая шевелюра и чёрные тени под глазами.

-- А чем ты укладываешь волосы?.. А какими тенями ты пользуешься?.. А ты накладываешь пальцами или кисточкой?.. А ты после мытья их расчёсываешь?.. -- обступили эмчики Эдика.

Он только успевал поворачиваться и отрицать. Не был, не видел, непричастен!

Мне снова пришлось переключиться с Эдика и мыслей о папе на решение репетиционных проблем "Эмобойз". Слава богу, они все быстро закончились благодаря энтузиазму Игоря и родителей. Пока мы все носились по Фролищам, собирая удлинители и настраивая технику, певцы принимали разнообразные позы и примеряли томные выражения лиц, вытыкиваясь перед девчонками.

Я понимала, что их родители смотрят сквозь пальцы на обилие вертялых девочек ровно до тех пор, пока они не попросятся в Москву. Но стоит хоть одной из них хотя бы заикнуться на эту тему, и свободный флирт моментально закончится.

Эдик незаметно вытащил меня из гущи событий, когда девочки грамотно отрепетировали фанатский визг, а "Эмобойз" зачирикали свой первый хит. Я успела посочувствовать Гару, которого ржавой пилой по ушам резали звуки эмобойзовых голосов - лицо его искажали такие муки, которые даже с большого-большого расстояния нельзя было принять за восторг. Интересно, что он потом скажет своим новообретённым друзьям...

Мы тихонечко, огородами, вдоль заборов, дружественно обходя встречных коз, пробрались к моему дому.

Со стороны улицы было пусто-пусто и тихо-тихо, а через настёжь открытые двери доносились мужские голоса из двора. Мы с Эдиком прошли дом насквозь, я попутно шёпотом объясняла -- это кухня, это лестница наверх, там моя комната, а это двери в сад... как-то совсем по-другому мне представлялся первый визит любимого.

По ту сторону дома мой папа стоял на пересечении диагоналей квадрата, углами которого были Вольные Волки. Они больше ничего не говорили, обменивались взглядами.

В глазах потемнело. Мне показалось, Волки готовы наброситься на папу со всех четырёх сторон сразу, и он, пусть выше их всех, пусть умнее -- я не уверена, но верю в это! -- не сумеет отбиться. Ведь он же не Брюс Ли и не Джеки Чан, а других людей, способных отмахаться от четверых одновременно, так сразу и не вспомнилось.

-- Эдик!.. -- выдохнула я шёпотом. -- Эдик!..

Он кивнул, шагнул со ступенек. Я следом за ним. Волки нас пока не замечали, и

я хотела в тот момент только одного: чтобы они не замечали нас как можно дольше.

Мы не сговаривались, но действовали так, словно уже пару-тройку раз репетировали. Выбрали стоящих рядом Бороду и Анчоуса. Мне достался Борода. Разом набросились на них. Папе теперь предстояло отбиваться всего от двоих, неужели не справится с Мейсоном и Вулфом? Не видела, что делает Эдик с Анчоусом, но на Бороду я запрыгнула, как на гимнастического коня! Вцепилась в его косы! Рванула в стороны! Резко! Он взвыл, наконец, матерно, и покатился по земле, пытаюсь подмять меня под себя. Земля и небо беспрестанно менялись местами, а сосны крутились перед глазами, как спицы велосипеда.

-- Надя!!! -- услышала я вопль отца. -- Наденька!!! Ты что?! Ты что?! Прекрати немедленно!!!

Я выпустила бороду Бороды из рук, и меня тут же взяли за плечи и поставили... папа и поставил. Он обеспокоено заглядывал мне в лицо:

-- Наденька, что случилось? Что с тобой?

А у меня в глазах всё ещё порывались провернуться сосны. В паре метров от меня шипел и пританцовывал, загнувшись неведомым кренделем, Эдик. Запястье его левой... или правой? Непонятно что-то, которой именно, руки держал двумя пальчиками Мейсон. Тоже в паре метров, но с другой стороны Анчоус сидел на земле, запрокинув голову, кровь из носа бодро лилась на модную кожаную жилетку, а вокруг суетились Вулф и Борода с платками.

-- Э... папа... мы...

-- Успокойся, Надя, всё хорошо!

-- Э... -- ну, раз всё хорошо, то попрошу, была не была:

-- Отпустите Эдика! Пожалуйста!

-- Вов... -- робко позвал папа, и Мэйсон скривился:

-- Пусть сначала слово даст, что больше не будет кидаться!

Эдик что-то просипел.

А я, кажется, начинала понимать.

Папа назвал Мэйсона -- Вовой. Предположить, что они раззнакомились за последние несколько часов, было бы, наверное, несколько нелогично. Выходит, были знакомы и раньше? Дальше понимание не продвигалось, но и этого на первое время мне оказалось достаточно.

Мэйсон разжал пальцы, и Эдик рухнул на землю. Я тут же метнулась к нему, выворачиваясь из-под папиных рук.

-- Эдик, ты цел? Эдик, с тобой всё в порядке? Эдик?..

Он кивал, стонал и медленно возвращал телу человеческую форму. Левую руку ему всё-таки вывихнули, и одобрительное волчье кряканье сопровождало мои манипуляции, после которых Эдик резко вскрикнул и получил назад руку в нормальном положении со вставшими на место суставами.

Всё это время в моей голове испуганными воробьями мельтешили мысли, путались, перекрикивая одна другую. Эдика -- жалко. Что происходит -- не понятно. Почему папа... почему Волки... почему, что, как?!

Уже не первый раз все мысли скопом отразились на моём лице, и Эдик крепко, хоть и одной рукой, обнял меня, шёпотом призывая успокоиться и не волноваться, потому что всё хорошо.

Блин, и этот туда же.

Папа переглянулся с Вольными Волками, которые выстроились за его спиной в шеренгу.

-- Дочь... я хотел рассказать тебе сразу...

Вулф кашлянул, и папа недовольно потряхнул головой:

-- Да, я не хотел тебе этого вообще рассказывать! Но так получилось, о чём я сожалею...

Мэйсон тоже покашлял. Папа хмыкнул:

-- Да, представьте себе, сожалею! Очень жаль, что всё так получилось...

Закашлял Анчоус, который просто подавился очередной рыбкой, но папа подпрыгнул на месте:

-- Да рассказывайте же сами, если я всё не так говорю! Ну! Смелее! Вы, Вольные Волки, я, глава всей вашей шайки, Скорпион, предатель, выбравший семейную жизнь взамен свободы, я, не вернувшийся к вам, даже когда ушёл из семьи... что ещё?!

Я во все глаза смотрела на папу.

Эдик тоже.

Мы переглянулись.

-- Невероятно! -- выдохнул Ключев.

Папа фыркнул, неуловимо меняясь прямо на глазах:

-- Вероятно, вероятно.

Он словно стал ещё выше. Ещё шире в плечах. И поза стала... свободнее, что ли. И в глазах появился задорный блеск, а на лице проступила печать дорожного ветра, другим не заметная, а мне так очень даже.

Папа подошёл ко мне, улыбнулся -- не то, чтобы грустно, а просто с осознанием того, что говорит сейчас о прошлом, которого не вернуть:

-- Карина влюбилась сначала не в меня, а в мой байк и в блеск заклёпок на куртке. А ещё ей нравились мои сапоги. А потом уже за наружной штукатуркой она разглядела и меня.

Эдик сильнее прижал меня к себе. Я стиснула его здоровую руку своими.

-- А потом Карине всё надоело. И она влюбилась в другого. И я уехал сюда, чтобы не мешать её счастью. Вулф и Борода свидетели -- я ушёл всерьёз.

-- Подтверждаю, -- кивнул Вулф.

-- Угу, -- кивнул Борода.

Анчоус кивнул молча, хоть его и не просили, а Мэйсон скривил губы:

-- А что касается меня, так я не понимаю и сейчас. Ну, бросила жена. Ну, сбежала к другому. Что, из-за этого надо предавать друзей, сбегать от них и десять лет -- да что там, больше! -- не подавать признаков жизни?

-- Мы ведь искали тебя, -- поддакнул Борода, и папа тут же окрысился:

-- Плохо искали, значит! Я ушёл и всерьёз, но я не прятался!

Вольные Волки, как один, смутились и сквозь загар на обветренной коже щёк проступил румянец.

-- Так... так значит... папа... ты -- байкер? -- сделала я, наконец-то, вывод.

Все заулыбались.

Я уже говорила, что Капитан Очевидность -- моё второе имя? Нет, конечно, обычно я соображаю быстрее. Но как-то слишком много событий в последнюю неделю происходит на единицу времени.

Я не успеваю. У меня мозг проворачивается и буксует от обилия новостей.

-- Байкер, -- улыбнулся папа.

-- У-у-у, ещё какой! -- провыл Вулф.

Ну, собственно, вот и узнала я что-то о своём папе.

Я поехала с папой -- Вулф доверил ему свой байк, а сам сел с Мэйсоном. Эдик в знак примирения ехал с Анчоусом, и только Борода гордо катил в одиночестве.

Фролищи успели услышать рёв моторов, но заметить метнувшиеся по улице мотоциклы не успели.

Я уже была готова к тому, что байк на грунтовой дороге превратит меня в отбивную, поэтому немало удивилась очень мягкому ходу машины. Даже когда папа, раздухарившись, наподдавал газу, и мы взлетали, как с трамплина, с какого-нибудь бугорка, я не ощущала ничего, кроме восторга полёта. Ну и, когда мотоцикл, к дальним полётам не

приспособленный, приземлялся на заднее колесо, проезжал несколько метров, вставал на оба колеса, я, конечно, всё это чувствовала, но... но с Эдиком по грунтовке ехать было гораздо больше!

Солнце стояло в зените, и казалось таким естественным, что суровые байкеры в косухах облегченного варианта мчатся белым днём среди корабельных сосен, вздымая клубы желтоватой пыли! Я прижималась к папиной спине и каким-то непостижимым образом чувствовала, что только теперь он по-настоящему готов защитить меня от кого и от чего угодно. Даже от Косичкобородца.

И внезапно я поняла, что, вернее, кого мне напоминают Вольные Волки.

Мушкетёров! Борода -- Портос размерами, Мэйсон -- Арамис манерами, Анчоус -- Дартаньян характером... А мой папа, конечно же, Атос. Мне и в фильме Атос больше всех нравился, и в книге, и какая разница, что у папы волосы и глаза светлые? Зато лицо аристократическое, да. Лучше, чем у Смехова. И молчать он умеет, как настоящий Атос. И таким же строгим быть. И вообще!

Заложив большой круг по местностям, в которых я пока ещё плоховато ориентировалась, только того и поняла, что возвращались мы со стороны химбата, мы вернулись к посёлку той самой дорогой, по которой я буквально вчера ещё бегала, полная яростного возбуждения и страха за папу. Теперь у меня прибавилось уверенности в том, что Лебедевых так просто не возьмёшь, даже если они и просто люди.

-- Бегите домой, малыши! -- хохотал Вулф, обращаясь к нам с Эдиком. -- А мы тут ещё чутку вашего библиотекаря погоняем!

Мне так нравилось, что он называет папу -- нашим! Что он не разделяет меня и Эдика, и, говоря "вы", подразумевает нас двоих, как единое целое!

Папа улыбался и шельмовски шутился, и я знала: если кто кого и погоняет, так это он Волков, но никак уж не наоборот.

Мотоциклы умчались, унесли с собой папу и его друзей, а мы с Эдиком отправились ко мне домой.

Теперь уже не спешили, не торопились, и Эдик спокойно разглядывал увитую клематисами арку над скамейкой, белоснежные резные наличники, словно светящиеся на фоне тёмно-зелёных стен, карабкающиеся по ним "всё выше, и выше, и выше" побеги бешенного огурца и душистого горошка, свисающие из кашпо плети настурций. Июнь ещё не кончился, а папина рассада, тщательно оберегаемая аж с февраля месяца, уже всю цвела и благоухала.

Эдик умилялся цветочкам, а я умилялась его умилению. Кто знает, производили ли на него раньше такое сильное впечатление все эти ребристые граммофоны настурций, свечи соцветий горошка, грозди бутонов клематиса? Однако стоя рядом со мной, источая божественный аромат собственной крови, он, казалось, был готов расцеловать каждый листик, каждый лепесток...

Лучше бы меня поцеловал, что ли.

Эдик улыбнулся, когда его взгляд поднялся до окон второго этажа по побегу горошка:

-- Это отсюда ты Гаровы вопли слушала?

-- Ага... э, а откуда ты знаешь, что...

-- А что, думаешь, я стоял по другую сторону дома и не слышал этот очаровательный басок?

Я, сама того не ожидая, смутилась:

-- Вообще-то, у Игоря тенор... кажется...

-- Какая разница! -- беспечно отмахнулся Ключев. Он медлил, не переступая порог:

-- Может, в дом пригласишь?

-- Приглашу, конечно...

Он слишком ехидно улыбался для того, чтобы эти слова значили просто желание

попасть в мой дом.

-- Эдик?

-- Да?

-- Проходи.

-- С удовольствием! -- он шагнул в дом, подхватил меня на руки, на удивление ловко, я даже не задела ногами стен коридорчика, и отнёс прямиком на кухню.

Моё сердце билось в такт с пульсацией синих жилок на шее Эдика. Мне всё труднее было сдерживать себя. Станным образом успокаивали прикосновения -- то, как мой любимый касается моих рук. Он гладил ладонью пальцы, а потом вдруг пальцами нажимал на ладони, и моя бешенная жажда утихала. Я становилась с каждой минутой всё адекватнее, и скоро звук биения сердца Эдика перестал быть единственным, что я могла в тот момент слышать.

Снова зачирикали за окном птицы, донеслось блеянье Упы (я научилась узнавать её голос по особой мелодичности в сравнении с остальными козами). Сквозь радугу пульсирующих пёстрых пятен перед глазами наконец проступили родные стены кухни. Филенчатые шкафчики -- светлые, сосновые, папиной ручной работы, -- холодильник в магнетиках и записках, надраенная до солнечного блеска плита, кремовое кружево занавесок... и Эдик. Да, я знаю, что это прозвучит дико, но он так классно смотрелся в интерьере нашей кухни! Словно всегда был здесь!

Я правильно выбрала себе мужа. Будущего, разумеется, но это вопрос времени.

-- Эдик...

-- Наденька...

Мы сидели друг против друга, держась за руки. Мы смотрели друг другу в глаза. Бездонная копилка "вечных мгновений" жадно глотала каждый взмах ресниц, каждый вздох -- а дышали мы в унисон...

-- Наденька... я вампир.

-- Че... че-го?! -- подпрыгнула я, чуть не разбив вдребезги мысленную копилку. -- Ты это... ты так не шути!

-- Я не шучу, -- скромно потупил глаза любимый.

-- Ты -- вампир, и ты -- не шутишь?

Кажется, он заметил опасное напряжение в моём голосе, но даже перестал прятать глаза, бесстрашно попёр на амбразуру:

-- Да.

Короткое "да" взорвало мой бастион до основания.

Осыпаемая колкими крошками вдребезги разбитого бешенства, я опустилась на стул и даже позволила ему снова сжать свои ладони.

-- Эдик...

-- Наденька...

Мы, как древняя пластинка, у которой иголка перескакивала на одну и ту же бороздку, повторили эти позывные ещё раз пять, только с разными интонациями. И мне даже показалось, что смогли что-то объяснить ими друг другу. Ведь я так чётко расшифровывала каждый его призыв! Столько чувств вкладывала в своё негромкое и проникновенное:

-- Эдик...

"Ты осёл. Какой же ты осёл. Мне ты, значит, не веришь, что я вампир, а я должна поверить в твоё враньё."

-- Наденька...

"Вампиров не бывает. Понимаешь? Не бы-ва-ет. Но, раз ты хочешь в них поиграть..."

-- Эдик...

"Я -- вампир. Я -- вампир! Я -- вампир!!!"

-- Наденька...

"Ну, раз ты вампир, то и я вампир. Не кочевряжься, давай играть вместе..."

-- Эдик...

"Я не играю, ну как мне ещё объяснить тебе, что не играю, что я вампир, настоящий, кровопьющий, жаждущий твоей умопомрачительно пахнущей крови..."

-- Наденька...

"Говорю же тебе. Ты вампир, и я вампир, оба мы вампиры..."

-- Эдик...

"Ты даже представить себе не можешь, как же я тебя люблю!"

-- Наденька...

"Нет, это ты даже представить себе не можешь, как же люблю тебя -- я!"

-- Ладно, Эдик... я тебе верю, но...

Договорить мне не дал обжигаяще страстный поцелуй.

Так он меня не целовал ещё ни разу!

Светлая уютная кухня снова растворилась в радужных переливах, а все звуки улицы превратились в далёкое эхо, и не осталось ничего, кроме требовательных губ Эдика и запаха его сладкой, сладкой крови...

Глава четырнадцатая. Победа духа над дембелем.

Запах Косичкобородца разбудил меня уже почти утром, когда комната стояла серая и слегка дымчатая в преддверии скорого рассвета, и в первый миг показался наваждением. Ну честное слово, не мог же он прийти в мою комнату! Я бы услышала. Или заметила. Или...

Впрочем, спала я крепко, смотрела праздничные сны с участием Эдика, в них исполнялась моя главная мечта последних... дней! Ёлки-палки. Всего лишь дней! Ощущение такое, будто я уже долгие годы люблю Эдуарда Ключева, мечтаю отведать его пряной крови, инициировать его, прожить с ним целые века... а оказывается, всего лишь дни. Шесть не то семь.

Так нечестно! У меня перед глазами, продолжающими видеть сны, бодро, вприпрыжку, бежала по улице вереница Лебедевых-Ключевых, и мы с Эдиком, довольные и счастливые, медленными, такие бывают только в кино и во сне, прыжками следовали за нашими детьми... и тут бац! Косичкобородовой вонью по нервам!

Я грозно зарычала и села на кровати.

Вчера, то есть, уже сегодня мы с Эдиком весь остаток дня и весь вечер провели вместе, не отвечая на звонки, не включая свет... и мой любимый удивлял меня тем, что видит в темноте почти так же хорошо, как и я. Когда пришла тётя Валя, мы с Ключевым выбрались на скамейку под клематисами и сидели там до тех пор, пока не примчались на своих ревущих чудищах Вольные Волки.

Вот и вся семья в сборе.

Анчоус предложил Эдику подвезти до дома, и мы распрощались куда более целомудренно, чем нам обоим хотелось. Потом я набрала еды и смоталась к себе наверх, якобы для того, чтобы освободить место за столом, а на самом деле -- чтобы избежать каких бы то ни было разговоров, ведь Волки, степенно ведя беседы о достоинствах моторов разных производителей и октановых числах бензина, поглядывали на меня с большим интересом, явно выжидая удобной минуты для атаки.

Папин прищур мне вдогон не оставил сомнений: уж кто-кто, а папа понял, что я просто не хочу разговаривать. Я думала об Эдуарде Ключеве, я мечтала увидеть сны о нём, я представляла, что мы мчимся с ним на его "крысе" в компании Вольных Волков...

И никакого Косичкобородца не было рядом и в помине! И не чуялся он даже в отдалении! Да и вообще я о нём благополучно забыла! Ведь мой папа -- байкер! И у меня есть -- Эдик!

А теперь... нет, я, конечно, всё понимала...

Но на самом деле всё равно ничего не понимала.

Во-первых, как и раньше, не понимала, зачем я сдалась какому-то там "сладкоголосому" менестрелю. Во-вторых... не понимала, каким таким образом он проник в мою комнату? И проник ли. Я спала с открытым окном, и...

Метнувшись к окну, конечно же, ожидала увидеть или убегающего Косичкобородца, или его же, лезущего на крышу, но увидела только всё тот же, едва ли не родной и привычный, кусок верёвки, свисающий с крыши. Или это уже другой, а тот был покороче? И от ветра ли он качается -- от ветра, которого нет!

И когда же у меня заработают мозги. Я ведь не то, что не могу -- я не хочу ни о чём думать! Ни о чём, кроме Эдика. И того, что мой папа -- байкер, и я... я очень-очень сильно им горжусь.

И того, что всего неделя, какая-то жалкая неделя осталась до грандиозного праздника, мною же и затеянного! А я, если насильственно не принуждаю себя о нём думать, со скрипом и проворачиванием всех шестерёнок, то вообще думать о нём не могу. Так-то вот. И как только могло случиться, что у меня, столь страстно желавшей одарить этот посёлок феерическим шоу, которого он не видел и не увидел бы, не появившись тут я, вдруг разом пропало желание вообще что-либо праздновать?

Я стояла у распахнутого окна во двор, обхватив себя руками. Какая жалкая подделка эдиковых объятий...

Ночные птицы и летучие мыши уже улеглись спать, дневные ещё не проснулись. Сосны немо и неподвижно, как на фотографии, проводили кронами зубчатую границу между тёмной землёй и светлым небом и казались не цветными, словно весь мир был нарисован акварелью цвета маренго.

Что же делать... что делать... ничего, ни-че-го путного в голову не приходило.

Я подошла к окну на улицу. Оно было закрыто, и с этой стороны дома казалось, что до утра ещё далеко, но в переливах сумеречных красок чётко проступали монструозные байки Вольных Волков. Невольно хихикнув -- так вот откуда у меня такая неудержимая страсть к "крысам" и прочим! -- я подумала, что, наверное, в присутствии Эдика мне стало бы легче. И вот это страшно медленное колесо тяжких раздумий закрутилось бы гораздо быстрее.

Или его затмил бы волшебный фейерверк мыслей об Эдике и нашем совместном будущем?

Ну какая же разница! Ведь стало бы легче и проще!

Третий в жизни прыжок из окна я совершала уже уверенная в собственных силах, поэтому с разбега взлетела на подоконник, прыгнула, перекувыркнулась в воздухе и приземлилась сразу в бег, распахивая руки и душу навстречу утру.

Ещё совсем недавно я бежала этой же дорогой, пребывая в полной уверенности, что во-он у той сосны меня встретит мой возлюбленный. Сейчас же, несясь бесшумной тенью, срезая дорогу через лес, была уверена, что Эдик спит дома, обхватив подушку. Кто знает, может быть, зовёт меня во сне... от этой мысли щёки потеплели. И уши.

Кто знает, может быть, у него так же, как и у меня, распахнуто окно, и Косичкоборodeц...

Косичкоборodeц!

Я рванула с удвоенной скоростью. Быстрее! Ещё быстрее! Встречные кусты и заросли маленьких, мне до пояса, сосёнок перелетала словно на крыльях.

Вот она, моя беспечность, в полный разворот! Значит, папа байкер, у папы Волки, папе ничего не грозит, и тёте Вале с ним вместе тоже, а Эдик? Эдик! Ведь, гарантия же, мои вонючие случайные попутчики приходили ко мне домой, чтобы только убедиться: здесь им ловить нечего, здесь им так по шеям навалиют, что свет немил будет! А Эдик...

Я ни разу не бывала дома у Эдика, зато сам его дом видела не раз.

Клюевы жили на отшибе военгородка, притулившегося под боком у Фролищ. Их

дом, построенный из серого камня, высокий, трёхэтажный, с декоративными башенками, покрытыми красной черепицей, балкончиками, арочками, колоннами походил на средневековый замок. Эдик говорил, что его построили здесь давно, лет как бы не двадцать назад, но я была уверена, что двадцать лет назад здесь поставили бы типовую одноэтажную или, максимум, двухэтажную хатку жильцов этак на пять-шесть, такими были полны все Фролищи, но никак не особняк, способный вместить тридцать человек.

Огороженный высоким, метра в два с половиной точно, забором, дом Клюевых казался неприступным бастионом. Живи здесь побольше мальчишек, и это место стало бы любимым для всяческих игр и ночных поисков кладов.

Светало. "Маренго-фильтр" бледнел и выцветал, но всё вокруг оставалось призрачно-безмолвным и немного нереальным.

Внимательно оглядев забор, построенный из того же серого камня, что и дом, я нашла пару-тройку удобных выступов и быстренько перемахнула в сад.

Сначала он показался мне умеренно заросшим, видимо, за ним ухаживали от случая до случая, но буквально через пару шагов поняла, что попала в настоящие дебри. Хоть небо в прогалах ветвей сделалось уже совсем светлым, под деревьями царил вовсе не утренний сумрак. Мне он не мешал видеть, куда иду. Для кого-то густые заросли вишен, хмеля, девичьего винограда и множества прочих, незнакомых мне растений оказались бы непреодолимой преградой, но я ужом скользила в переплетениях побегов и ветвей и очень скоро оказалась в более ухоженной части... парка? Странно. Забор огораживал явно меньшее пространство. Наверное, это мне показалось. Я же не ученик Леонардо да Винчи, которого натаскивали распознавать длину лежащих на земле палок! Вот и недооценила площади за забором.

Всего через три-четыре минуты проползания сквозь заросли, я выбралась к дому. Солнце всходило по ту сторону здания, и оно нависало надо мной графитно-серой громадой. Парочка вековых дубов перед широкими ступенями и темными дверями явно стояла здесь задолго до того, как дом был построен, но на такие мелочи, как эта очередная странность, я уже не отвлекалась. И ещё странность: у самого крыльца широкая дорога, выложенная плоскими булыжниками, выглядела совсем новой, но уже к тому месту, где замерла я, добиралась еле угадываемая в траве тропка. Дальше она пропадала вовсе, иначе мне не пришлось бы тратить столько сил на дорогу.

Эдик говорил, его комната на третьем этаже, окнами на лес, значит, мне надо в обход -- и не попадаться никому на глаза, желательно.

Я побежала мелкой рысью на другую сторону дома, удивляясь и размерам самого дома, и гущине сада, и его планировке, и нелепым пугалам, понатыканным через каждые три-четыре метра. Они представляли собой крестом сколоченные палки, к которым небрежно примотали старинную мужскую или женскую одежду. Головы изображали обколотые кувшины разных цветов с грубо намалёванными лицами, и тем смешнее смотрелись контрасты между, например, изъеденным молью бордовым кринолином, недожёванной не иначе как Брахмапутрочкой соломенной шляпкой с атласными розочками и керамическим круглым кувшином, на котором флуоресцирующей белой краской ребёнок лет трёх оставил отпечатки ладошек вместо глаз и пририсовал огромный улыбчивый рот.

Всё-таки странный себе вырастили сад Клюевы. На моей памяти ни один человек в здравом уме такого унылого и, чего уж там, пугающего места отдыха себе не устраивал. Конечно, эмобойзы по достоинству оценили бы такое обиталище... кто знает, может, и Волкам бы приглянулось... а мне милее были папины радостные душистые клумбы, чистые и светлые.

Всё-таки снаружи домик выглядел поменьше. Задрал голову, я сосчитала этажи.

Пять.

А как это я три насчитала, интересно? Может, близость Эдика во время подсчёта повлияла на точность? Тряхнув головой, попыталась вспомнить, говорил ли он, на каком этаже его комната?

Н-да. Говорил, что под крышей. Я прикинула навскидку, нет ли поблизости пожарных лестниц, легко ли перебраться с балкона на балкон и со стопроцентной ли гарантией я сверну себе шею, если навернусь этажа этак с четвёртого.

И ещё раз "н-да".

Мысли о том, что можно постучать и попросить, чтобы меня впустили, не появилось. Зато подсознание уже набирало номер Эдика на мобилке.

-- Наденька?! -- недоверчивым шёпотом отозвался мой любимый, и только теперь что-то разжалось внутри. Оказывается, всё это время я тряслась и переживала, как бы чего с ним не случилось.

-- Эдик! Подойди к окошку!

-- Что?!

-- К окошку, говорю, подойди. Покажись, а то я не знаю, куда лезть.

-- Что?!

-- Высунься в окно, блин! -- шёпотом гаркнула я, и Ключев послушался.

Он, действительно, жил на пятом этаже в широкой полукруглой башенке, вскарабкаться на которую даже мне, при всей моей ловкости, было весьма и весьма проблематично.

Увидев меня, Эдик впал в ступор. Выпал он из него только тогда, когда я пантомимой высказала ему всё, что о нём думала, после чего сразу же исчез. Ну сейчас я ему!.. Вот только влезу!

Я подышала особым подготовительным образом, пару раз присела. Разогретое оживлённой пантомимой тело ощущалось на все сто процентов.

Ещё раз смерила взглядом расстояние до окна Эдика и приступила к подъёму.

Серый камень на ощупь был чем-то похож на пемзу -- пористый, шершавый. Тёплый. За него легко было держаться, но поднималась я всё равно медленно. Странный шорох, похожий на тот, с которого начинаются камнепады, настиг меня на уровне второго этажа, заставил посмотреть чуть выше, чем очередная расщелина, за которую можно взяться рукой, и я в ужасе вжалась в стену. Прямо на меня сверху летела... летело... оно смело меня со стены!

Разжав пальцы, я шлёпнулась на газон под окном.

Перед моим носом болталась нижняя ступенька верёвочной лестницы, сброшенной сверху Эдиком.

Подумать только! А если б я влезла повыше? А если бы он мне по голове ею?

Никогда в жизни так быстро не поднималась на пятый этаж!

Впрыгнув с подоконника в комнату Эдика, я вцепилась ему в глотку с одним единственным желанием -- нет, не задушить и даже не выпить до дна, а запинать! Запинать, задолбить, затыкать кулаками, закатать в ковёр и ещё раз запинать, задолбить и затыкать!

Эдик не сопротивлялся. Будь я чуть более зла на него, так бы всё и закончилось -- закатанным в ковёр трупом, прикопанным в лесу под самой корявой сосной. Однако мне хватило сил вовремя остановиться.

-- Наденька... -- жалобно воззвал ко мне мой любимый, и я расплакалась.

Так сходило нервное напряжение.

-- Дурак... осёл! -- всхлипывала я, а он ласково обнимал меня, гладил по голове, чмокал в темечко. -- Остолоп! Дубина! Ты мог бы хоть посмотреть, прежде чем кидать лестницу!

-- Мог...

-- Мог бы хоть предупредить, что собираешься делать!

-- Мог, -- покаянно вздыхал Эдик.

-- Так почему же не сделал, если мог?!

-- Наденька...

-- Ну почему, почему...

Я махнула рукой и крепко притиснула к себе Эдика.

И пусть только попробует какой-то там Косичкобородец косо глянуть в сторону моего любимого!

Эдик ушёл заваривать чай -- ответив согласием на его предложение попить чайку-кофейку и отвергнув последний, я получила, наконец, возможность спокойно и без помех рассмотреть его обиталище. И оно мне определённо нравилось.

Размерами комната Ключева превосходила мою раза в два. Может быть, и в три, но пространство скрадывали тёмное дерево обшивки стен, стеллажи с книгами и всякими разными интересными штуками, ковры -- один висел над кроватью Эдика, другой, такой же точно, был расстелен на полу. Общая атмосфера, удивительно гармоничная смесь готической мрачности и деревенской свежести, казалась в чём-то родной для меня, а в чём-то вызывала отторжение. Может быть, я просто к ней не привыкла?

На одной из полок среди школьных учебников стоял большой прозрачный шар -- хрустальный? Стекланный? Эдик увлекается гаданиями по шарам? На соседней обнаружился скелетик мыши на подставке. Я видела такой раньше в кабинете биологии. Насколько я могла судить, этой мышке не хватало нескольких рёбер и половины хвоста. Подставка со скелетиком стояла на томе собрания сочинений Миклухо-Маклая -- "Статьи и материалы по антропологии и этнографии Юго-Восточной Азии и Австралии. Статьи по естественным наукам". Интересно, он тут для проформы, или Ключев увлекается антропологией и этнографией Юго-Восточной Азии и Австралии? Там, где стеллаж подходил вплотную к компьютерному столу (о, да! Компьютер Эдика -- настоящий динозавр компьютерной техники!), на полках стояли многочисленные книжки по фантастике. Надо же, сколько всего он читал! Рядом с монитором обнаружился маленький, но мощный современный микроскоп. И что это он тут разглядывает в многократном увеличении? На стене рядом с окном висела репродукция картины Рериха "Канченджунга". И как только я не заметила её сразу? Ведь другого доказательства истинного родства наших душ мне не требовалось!

Розовые, оранжево-розовые, лиловатые заснеженные вершины в волнах ультрамаринового, василькового воздуха, тёмно-синие горы на переднем плане... когда-то давным-давно, года три или даже четыре назад я увидела эту картину по телевизору. Тогда я не знала, что это картина, и удивлялась, почему в искусствоведческой передаче говорят о географии. А когда узнала, что эти волшебные горы нарисовал Рерих, немедленно завела себе репродукцию.

Мама попросила оставить её в городе. Ничего, теперь я знаю, где можно посмотреть на любимые горы.

-- Нравится? -- спросил Эдик.

Он вошёл, ещё когда я смотрела на микроскоп, и теперь стоял у меня за спиной.

-- Очень...

-- Мне тоже. Это мама подарила.

Так мой любимый впервые на моей памяти упомянул маму. При этом лицо его странным образом изменилось. Сложная, многосоставная эмоция отразилась в изломе бровей, прищуре, дрожи губ.

-- Э... -- уверенность в том, что у меня получится правильный вопрос о маме, никак не хотела меня посетить, и я совсем уже, было, решила сменить тему, когда Эдик сказал:

-- Моя мама очень любит путешествовать. Ну... она приезжает... иногда. А чаще присылает открытки, фотографии, картины тех мест, где побывала...

Голос Эдика изменился под стать лицу, и я поспешно сменила тему на первую попавшуюся:

-- А ты правда увлекаешься антропологией и этнографией Юго-Восточной Азии и Австралии?

Этого не ожидала даже я сама.

-- Ну...

А ведь на самом деле хотела спросить про этот дом и про сад, и не замечал ли он чего странного в последнее время, и вообще! Я хотела рассказать ему, как скучала без него! А сама про какую-то Австралию завелась.

-- Ну... -- повторил Эдик и лучезарно улыбнулся:

-- Вообще-то, нет! Ты увидела книжку и картину и сделала выводы?

Я кивнула.

-- А мне просто нравится читать про другие страны и нравится Рерих.

-- Мне тоже!

-- Ну вот видишь, как у нас много общего?

А я, спрашивается о чём говорила?

Ну, да, я не говорила, просто думала, но всё-таки.

-- Эдик... скажи, у тебя ничего странного тут не случилось? Тебе никто... -- и как спросить-то? Никто не угрожал? Тебя никто не пугал? К тебе никто не приставал? Не видел ничего странного?

Так и не выбрав, что именно спрашивать, я выпалила все вопросы один за другим.

Странно, но Эдик, не ответив, торжественно вручил мне чашку чая и повёл меня... о! А камина я тоже ещё не заметила! Повёл к камину. Там стоял изящный журнальный столик овальной формы на гнутых ножках и два удобнейших кресла, накрытых мягкими пледами.

Я растворилась в блаженной тишине.

Камин, кстати, не горел, но от него пахло углем и дровами. Видимо, я просто не успела дорассмотреть эту комнату как следует. Ничего... полагаю, времени у меня -- вагон!

-- Наденька. Скажи мне, только честно. Ты задала мне все эти вопросы, потому что тебе что-то известно?

Я обняла фиолетовую с золотой каймой чашку ладонями, вдохнула чайный аромат.

Я знала этот сорт чая. "Мэтр", листовой цейлонский, с типсами. Сама любила такой. И меня уже ни капли не удивляло, что даже в отношении чая наши с Эдиком вкусы схожи.

Сидя в кресле у камина, пусть и не горящего, с тонкой фарфоровой чашкой, я вдруг ощутила себя героиней английского детектива. Этакой мисс Марпл в юности.

-- Эдик... мне многое известно. Но я не уверена, что мне известно то, что ты подразумеваешь своим вопросом.

Во вывернула-то! Я раздулась от гордости, что смогла так изящно одновременно высказать осведомлённость и намекнуть на недостаточность улик.

Эдик откинулся в кресле, ставя руку с чашкой локтем на подлокотник. Ему бы сейчас трубку в другую руку, и получился бы достойный напарник для мисс Марпл -- юный Шерлок.

Глава пятнадцатая. Ключевы.

-- Впервые я обратил внимание на то, что кто-то за мною наблюдает буквально на следующий день после твоего приезда, то есть, неделю назад. Ночью меня разбудил странный звук, словно... первое, что пришло на ум -- словно когти птицы скребут по стеклу. Но ты видишь, у меня всего одно окно в комнате, и оно было распахнуто настежь, а звук, как мне показалось, шёл из центра...

Эдик прихлёбывал чай и рассказывал. Я не стала перебивать и объяснять, что доносящиеся из открытого окна звуки, как правило, кажутся идущими из его центра.

-- ...и я решил подойти, посмотреть, в чём дело. Но никаких птиц не заметил,

только такое ощущение возникло, словно на меня из темноты смотрит кто-то... не смейся только, и не думай, я вообще не очень трусливый, но тут испугался, потому что этот кто-то смотрел на меня так, словно готов был наброситься и убить. Представляешь? Я живу на пятом этаже, и на меня вдруг откуда-то, не пойми, откуда, так смотрят... это страшно. Но потом вдруг это ощущение пропало, я лёг спать, а утром подумал, что мне просто приснился кошмар. Но на следующую ночь всё повторилось почти точно так же, только на этот раз мне показалось, что я видел, как чья-то тень... не смейся, человеческая тень взлетает куда-то вверх.

Что-то это всё мне определённо напоминало.

-- Но я снова решил, что просто... -- он смущённо умолк, но почти сразу же гордо и с вызовом закончил:

-- Просто перенервничал! Ведь в тот день я разговаривал с тобой.

Я сжала чашку так, что она чуть не треснула.

Он только что сознался, что разговор со мной заставил его переживать. Всё-таки, это любовь. Настоящая любовь с первого взгляда.

С первого вдоха.

-- Но потом меня стало преследовать навязчивое ощущение, что за мною следят. Оно пропадало только тогда, когда мы с тобой были вместе. Я боялся, что оно появится, когда мы вдвоём. Мало ли, кто за мною следит? Вдруг он способен причинить тебе вред?

Сладко замирало в груди и снова теплели уши.

Эдик переживает за меня!

-- В ту ночь, когда я пришёл к тебе петь серенаду, но тебя не было дома и я пошёл искать тебя, мне возле твоего дома снова показалось, что за мной следят. И это ощущение пропало, как только мы встретились. Помню, я подумал тогда, что, может быть, всё не так уж и плохо... но как быть с тем чувством ненависти, которое накрывало меня каждую ночь? А сегодня мне приснилось, что я лежу, привязанный к столу, в каком-то странном, нехорошем месте, вроде бы на дне колодца, и противный-противный мужской голос...

-- Блеющий? -- не выдержала я.

-- Д-да... откуда ты знаешь? -- удивлённо склонился ко мне Эдик.

-- Потом. Давай рассказывай дальше...

-- Хорошо... противный мужской голос говорил мне, что я должен раскрыть ему тайну своего бессмертия. А я в ответ говорил, что бессмертия на самом деле не существует, но голос не верил, хохотал и говорил, что найдёт на меня управу, и спрашивал, дорога ли мне... ты. И я говорил, чтоб он не смел даже думать! А он смеялся... и я проснулся, и оказалось, что это, если и сон, то странный такой. Словно я и не спал вовсе...

-- Да скорее всего, ты и не спал, просто Косичкобородец шастал у тебя по крыше и с тобой общался... -- пробормотала я.

Эдик встрепенулся:

-- Коси... кто?!

-- Ко-сич-ко-бо-ро-дец, -- повторила я по слогам и кратко ввела Эдика в курс дела.

Слушая историю моего знакомства с менестрелем и события той ночи, когда мы впервые поцеловались, Ключев сначала нервно жонглировал чашкой, а потом пересел на подлокотник моего кресла, обнял мои плечи.

Он не стал ничего переспрашивать, только сказал тихо:

-- Надь... я думаю, это охотники на вампиров.

Приехали. Одно дело, когда я подозреваю, что за мною охотятся, и делаю соответствующие выводы, а другое -- когда мой любимый человек принимается меня уверять, что вокруг носятся охотники на вампиров.

-- Эдь... ты заигрался.

-- Наденька, говорю тебе, это -- охотники на вампиров! Понимаешь? И я даже

догадываюсь, кто их сюда вызвал.

-- Кто? -- едва ли не по буквам выговорила я.

-- Ребята из Мугреевки, -- помрачнел Клюев.

Я фыркнула, но сама уже вспомнила Верину веселилку. "Вампиры налево, оборотни направо", ага. В Мугреевку.

Между тем уже встало солнце. Выходящее на восток, окно впустило ворох солнечных лучей. Часть их запуталась радужными бликами в растрёпанных волосах Эдика, часть приласкала мышинный скелетик на полке, зажгла искры в глубине хрустального -- стеклянный блестел бы не так -- шара.

Я млела в объятиях Эдика, мне было не просто хорошо, а просто замечательно, и от моего внимания не ускользнуло, что он, только что такой сильный, смелый и защищающий меня, как-то сник и потускнел.

-- Что-то не так? -- спросила я и услышала то, что мечтает услышать каждая девушка, подумывающая выйти замуж:

-- Я хочу познакомить тебя с моими родителями.

Вот только ни одной девушке не понравится, когда её возлюбленный говорит об этом таким похоронным тоном!

Меня как пружиной подбросило:

-- Ну и хоти! Больно надо!

Только прокричав это вслух, я поняла, какую глупость сморозила.

Эдик, похоже, не заметил. Понурил голову, ухватил сам себя за кудри на висках.

-- Придётся, Наденька. Мне придётся познакомить тебя с родителями. Мама в отъезде, но... с папой. Братьями. Сёстрами.

Я вдохнула и выдохнула. Невольно расплылась в улыбке, поймав полную грудь аромата крови Эдика. Вдохнула ещё раз, поглубже, и не торопилась выдыхать. Осторожно предложила:

-- Если это для тебя проблема, то я могу уйти тем же путём, что и пришла, ничего страшного.

Ведь действительно, ничего. Ну, подумаешь, не познакомлюсь с родителями сегодня... мы всё равно ещё только неделю... о боже мой, всего неделю знакомы! А я уже готова на всё, что угодно, лишь бы быть с ним рядом.

-- Да не проблема это!.. -- отчаянно заломил руки Эдик. -- Не проблема! Вернее, не это проблема. Просто ты ещё не знаешь моих родственников!

-- Да ладно, -- примирительно погладила я его по руке. -- Видела я их. Они нормальные. Мне кажется, я быстро найду общий язык... по крайней мере, с сёстрами.

-- Надя.

Он встал передо мной навтыжку, как пионер перед памятником Ленину.

-- Надя, пожалуйста, постарайся понять меня правильно. Я хочу познакомить тебя с родителями. Но... я боюсь тебя с ними знакомить.

-- Почему? -- спросила я как можно мягче, стараясь, чтобы в голосе не сквозило совсем уж явного огорчения.

-- Потому, что ты... э-э...

-- Потому что я вампир, а твои родители хотели бы видеть рядом с тобой девушку-донора? -- подсказала я с усмешкой, считая шутку весьма забавной. Ведь Эдик не верил в мой вампиризм и прикидывался "собратом по крови". Но он даже не улыбнулся:

-- Потому что ты... смелая. И умная. И... в общем, ты готова?

-- Э-э...

-- Готова к знакомству с моими родственниками?

Сладкие губы Эдика сжались в узкую полоску, и я тихо, осипшим вдруг голосом выговорила:

-- Сначала я тебя поцелую, а потом буду готова...

Мы вышли в коридор. Насколько я смогла разобрать, он был похож на букву "п", а комната Ключева примыкала к верхней перекладине.

Эдик повёл меня налево.

Серый пористый камень -- ничем не обитые стены коридора -- в сочетании с бордовой ковровой дорожкой смотрелся очень аристократично... и средневеково. Готические стрельчатые арки украшали коридор каждые два метра, и для полноты картины не хватало только факелов.

Из-за этих арок мне порой казалось, что я иду в брюхе какого-нибудь монстра и вижу изнутри его рёбра.

Ах, да! Я чуть не забыла, что хотела спросить...

-- Эдик!

-- Да, милая?

-- Скажи пожалуйста... а кто ухаживает за садом?

Он прикусил губу и отвернулся:

-- Можно сказать, никто.

-- А кто следит за дорожкой перед домом?

-- Никто, -- он снова повернулся ко мне и посмотрел в глаза.

Ни тени улыбки. Ни капли смущения.

-- За садом и за домом никто не следит, как и за дорогами в саду, -- медленно проговорил он. -- Если ты не против, я тебе расскажу об этом подробно, только не сейчас. Прости, мне... мне сейчас очень тяжело.

Я пожала плечами:

-- Но потом непременно расскажешь!

-- Конечно...

Мне показалось, или он сказал это в надежде, что потом я забуду?

Дальше мы пошли молча.

Оказалось, Ключевы всю пользовались последними достижениями науки и техники, и на любой этаж в их доме мог подвезти лифт! Рядом с изогнутой лестницей с коваными чугунными перилами красовались деревянные в бронзовой оковке двери. Сначала я не поняла, что это, но, когда Эдик нажал на неприметную кнопку и прямо у нас над головами заработал мотор и зажужжали тросы, я поняла, в чём дело.

Двери распахнулись. Внутри лифта было светло и свежо. Эдик пропустил меня вперёд. Я чувствовала себя, как во сне, и даже не верила, что всё это происходит со мной наяву. Ведь помнила же, как выглядит обиталище Ключевых, прекрасно помнила, что там три этажа, а не пять, да и такого сада возле такого дома быть в принципе не могло.

Вот сейчас доедем до первого этажа, и я проснусь.

Однако Эдик выбрал на панели кнопку с цифрой три. Улыбнулся и объяснил:

-- На первом этаже у нас гараж и бассейн, на втором -- спортзал аных чугунных перилах уки и тхники, и ???и бильярдная, а на третьем -- кухня, гостиная, столовая... четвёртый и пятый этажи -- спальни.

И я даже не удивилась, уже решив, что сплю, а так как до первого этажа добраться нам было не суждено, я и не просыпалась.

В большой светлой комнате, где вдоль стен выстроились восемь гигантских холодильников, три морозильные камеры и семь газовых плит, воздух был пропитан ароматами пряностей. Эдик нерешительно помялся на пороге, я чихнула, и мы пошли дальше. Следующая комната была ещё больше, но уже темнее.

Мы снова замерли у порога, не проходя внутрь.

-- Это гостиная... ну или каминная... -- сказал почему-то шёпотом мой любимый и отчаянно покраснел.

Что с ним? Он сам не свой!

-- Ну, там... -- он махнул рукой вглубь коридора, -- там, в общем, столовая...

-- Может, пройдем? -- я тоже махнула рукой, но в сторону шикарных диванов.

Эдик смутился ещё сильнее и, совершая множество лишних суетливых движений, провёл меня в гостиную.

Я не знаю, как это сделали, но изнутри её стены казались стенами деревянного сруба, отчетливо пахло сосновой смолой. Правую стену почти целиком занимал громадный камин, возле которого полукругом располагались кресла, диваны, пуфики. Над камином висела коллекция рогов. Были здесь олени, лосиные, бычьи и даже винторогого козла!

Эдик не торопился проявлять гостеприимство, и пришлось мне самой выбирать диван, усаживаться, устраиваться. Изображая двухнедельного телка, Клюев перебирал длинными ногами рядом со мной. Я похлопала по сиденью, и он неловко сел, словно его разом надломили в двух не то трёх местах.

-- Что с тобой? -- требовательно спросила я, беря его за дрожащую руку.

-- Н-ничего...

-- Не ври. Я же вижу, что-то происходит.

-- С-се... сейчас придут... ну, они сейчас просыпаются, и скоро придут сюда...

-- Твои братья и сёстры?

Он кивнул на выдохе, обдав мои руки жарким влажным ветром.

-- Ты... ты переживаешь из-за того, что меня здесь увидят?

-- Н-нет...

-- Ты переживаешь...

Вот теперь, похоже, я сама начинала переживать. Я, наконец, вспомнила единственную встречу с Арсением Михайловичем Клюевым, его оценивающий взгляд, и...

И, да. Я даже не стала вслух договаривать своё предположение: Эдик переживает из-за того, что у него в комнате ночевала девушка.

Да уж...

Внезапно он вырвал свою руку из моей, вскочил, отпрыгнул от меня -- чуть ли не в камин. Я сразу же поняла в чём дело: кто-то вошёл.

Это была Элеонора, я чаще других видела её на пляже и успела запомнить. Она только что проснулась, это было заметно по особой сонной расслабленности лица, но уже успела привести в порядок причёску и лицо. Длинные, сверкающие, как вороново крыло, волосы чёрной волной обнимали её хрупкие плечи, а на чуть сонных ещё веках лежала лёгкая дымка утреннего макияжа.

-- О! Надя! Привет! -- девушка радостно подбежала к нам, порывисто обняла меня. -- Наконец-то Эдинька сподобился тебя в дом пригласить! Ой, ты выглядишь такой усталой...

-- Тяжёлая ночь выдалась, -- пробормотала я, и только услышав залиvistый смех Элеоноры поняла, что фраза эта выглядела двусмысленно. Особенно из моих уст. Особенно сейчас!

-- О, с утра уже весело! -- впорхнула в гостиную невысокая и фигуристая Жанна. -- Надя! Ты ли это! Какими судьбами!

Под выразительным взглядом Элеоноры Жанна, не делая паузы, продолжила:

-- А мне сегодня сон приснился, будто я птичка!

Кажется, это Жанна была экологом.

-- Доброго всем утречка! -- пробасил, потягиваясь и зевая, Максим. -- О!

Похоже, этот звук сегодня в моде.

-- О! Надя! Привет! Как жизнь, как дела?

-- О! Надя! -- это пришёл ещё один из братьев. Хорошо же им, я у них одна, а их у меня -- десяток!

-- О! Надя! О! Надя! О! Надя!..

Клюевы по одному, по двое, по трое входили в гостиную. Эдик, отёртый от меня чужими спинами, дёргал братьев и сестёр за руки, пытался прорваться ко мне, но его не пускали. Мне было отчаянно жаль его, но в то же время... толпа красивых девушек и

юношей... бесперебойный трёп о погоде-природе-молодёжной моде... я целую неделю была лишена этого! Я так по этому всему соскучилась!

И Эдик продолжал свои безуспешные попытки добраться до меня, а я купалась в водопаде общения и старательно запоминала имена и лица.

Получалось, надо сказать, не ахти как. Но ведь мы и общаемся всего-то пять минут.

Родные Эдику братья и сёстры Клюевы были очень похожи между собой. Меня смущало только то, что все они мне казались одного возраста. Но, извините, пятнадцать деток не могли родиться в один год! Или у мамы Клюевой рождались исключительно четверни и пятерни? Нет, о таком чуде Эдик бы рассказал.

Здраво рассудив, что уж теперь-то столь привычное мне шумное общение ни о чём будет доступно и во Фролищах, я извинилась перед старыми и новыми знакомыми и, не дожидаясь больше, удастся ли Эдику пробить оборону родственников, сама прошла к нему.

Он радостно вцепился в меня, как голодный клещ в подходящую собаку.

-- Пойдём, пойдём, -- продолжая суетиться, мой Клюев старался находиться между мною и своими родственниками.

Едва мы вышли в коридор, он привалился к каменной стене и горестно воззвал:

-- Наденька!

-- Эдик! -- привычно отозвалась я.

-- Наденька! Скажи мне... только одно! Ты... счастлива?

-- Ну и вопросыки у тебя с утра пораньше! Лучше объясни мне, что с тобой происходит?

-- Н-ничего...

-- Вижу я, какое "ничего". Давай, давай, -- я трясла его за плечи, и он оттаивал, улыбка из заискивающе-пугливой превращалась в уверенную и спокойную.

-- Ты просто ещё многого не знаешь, Наденька.

-- Так расскажи!

-- Ладно. Пойдём. Я тебе кое что покажу.

Теперь мне ещё больше нравилось шагать по ковровой дорожке: рядом со мной шёл привычный мне Эдик, тот, в которого я влюбилась, а не перепуганный смущённый мальчишка.

-- А куда мы идём?

-- В папин кабинет, -- ответил Эдик.

Теперь страшновато стало мне.

Глава шестнадцатая. Долбоклюев.

Мне нравился этот дом, чем дальше, тем больше. А в кабинете Арсения Михайловича я бы устроила свой собственный.

Тёмное дерево стен, небольшой уютный камин безо всяких рогов, застеклённые стеллажи с книгами, массивный стол, наикрутейший даже на вид компьютер (а уж какая у него начинка!.. пусть я пока и не знаю, но не может быть, чтоб такая машина оказалась слабее пентагоновских!), удобное кресло перед ним и внушительных размеров кожаный диван под картиной... похоже, не репродукцией, а оригиналом -- и, похоже, как бы не самого Шишкина! Один из сосновых боров!

Эдик, обретя утерянную, было, решительность, усадил меня на диван, а сам принялся расхаживать по расстеленной на полу медвежьей шкуре. От хвоста к носу. От носа к хвосту. И ещё раз. И ещё.

Он что-то собирался рассказать, иначе не устраивал бы этого марафона, и я терпеливо ждала.

Наконец, его мысль облеклась в достаточное количество слов, и он остановился прямо передо мной, спиной к окну. Подумал, качнувшись с пятки на носок, и сел рядом на диван.

Снова встал.

-- Надя...

Я не стала отзываться. В конце-концов, позывной -- "Наденька"!

-- Надя, мне семнадцать лет.

Я медленно выдохнула.

Многообещающее начало.

-- Только не смейся! Мне действительно семнадцать.

Будто бы я когда-то ставила это под сомнение.

-- А вот Саше двадцать восемь.

Я не сказала "че-го?!" только потому, что в горле застрял воздух.

Да ему ж на вид не больше двадцати!

-- Элеоноре сорок два.

Новое "че-го?!" так и не родилось на свет, потому что я зажала рот руками, успев только придушенно пискнуть.

-- Жанне... Жанне пятьдесят семь... Ну, остальные ещё старше.

Пауза затягивалась. Эдик ждал моей реакции, а я не знала, что ему сказать.

-- Вы... вы -- вампиры? -- просипела я наконец то единственное, что могло объяснить эту ситуацию, и он быстро сел рядом со мной, беря меня за руки:

-- Да. Я говорил тебе. Мы вампиры. И... и ты тоже.

Я кивнула.

Что ж. Может, и правда, вампиры. Вампиры-мутанты, почему нет. И вообще, может, я всё-таки сплю.

Да.

-- Мы... другие. Но вот они -- они все! -- они такие же, как ты. А я... я совсем другой!

Он снова вскочил.

-- Ну ты посмотри на меня!

Просьба была лишней, я и так смотрела только на него.

-- Посмотри! Я самый младший! Я... я тупой! Конечно, им по сто лет, а я -- тупой! Я неуклюжий! И меня все зовут...

Он громко выдохнул и шёпотом сказал что-то. Я переспросила -- жестами.

-- Долбоклюев! -- сурово припечатал Эдик. -- Мои родственники считают, что я тряпка, трус, ни на что не годное существо, которое недостойно было родиться в этой семье. И... и они говорят... что ты... что ты не сможешь долго быть со мной...

Я быстро замотала головой:

-- Нет-нет! Не слушай! Врут! Не знают!

-- ...не сможешь быть со мной, потому что я... Долбоклюев. Позор семьи.

-- Эдик...

Всё встало на свои места.

Вот почему он так боялся официально знакомить меня с родителями и прочими родственниками.

Боялся, что они расскажут мне подробенько, что из себя на самом деле представляет мой любимый... и я его разлюблю.

-- Глупый... -- шёпотом сказала я, и Эдик, ещё не верящий в то, что гроза миновала, осторожно присел на диван справа от меня. Я обняла его:

-- Глупый, Эдик... я буду с тобой столько, сколько ты захочешь... я люблю тебя... а они всё врут. Ты смелый и сильный, ты умный и добрый... а если они этого не видят, то сами они Долбоклюевы!

Конечно, осадок на душе остался, потому что мне всё-таки довелось увидеть

совершенно незнакомого ранее Эдика.

Эдиньку, трясущегося перед собственной родней.

Но ничего! Это лечится! Врачи обычно прописывают в таких случаях ограниченное общение с источником неприятностей, а уж это-то я ему обеспечу...

-- Наденька, -- грустно вздохнул мой Ключев (это ж надо же было придумать такую кличку?), -- вот теперь... ты знаешь... почти всё. И я всё ещё тебе нравлюсь?

-- Эдик! -- грозно рыкнула я, дёргая его за ближайшее ухо. -- Запомни! Ты мне -- не нравишься! Я -- тебя -- люблю! Запомни.

Он вздохнул с таким облегчением, что мне захотелось петь от радости.

Но петь я бы всё равно не смогла: его губы взяли мои в мягкий сладкий плен, и волны блаженства закачали нас на реке любви.

Дверь отворилась бесшумно и стремительно, всколыхнув воздух.

-- Надя, Эдик, -- степенными наклонами головы приветствовал нас старший Ключев.

-- Папа...

-- Арсений Михайлович.

Мы как раз успели сесть чинно и благородно, когда я слышала шаги в коридоре. Если бы мои волосы не были стянуты в хвостики, непременно встали бы дыбом на всю длину, когда я попыталась представить, сколько Ключеву лет.

И, наконец, в моём мозгу оформилось понимание, которое я никак не могла за хвост поймать.

От Ключевых не пахло вампирами.

Но, если верить Эдику, они ими всё-таки были. И, если верить нюху, всё-таки их запах несколько отличался от привычного мне человеческого, и это были не духи.

Арсений Михайлович прошёл за стол, сел в кресло, опёрся на стол локтями, переплетая пальцы на уровне подбородка:

-- Это хорошо, что вы пришли сюда, дети мои. Я очень хотел с вами поговорить, и, думаю, чем раньше состоится этот разговор, тем для всех нас будет лучше.

-- Папа... -- Эдик попытался встать, но я поймала его за руку, да и Арсений Михайлович повелительным жестом приказал сыну оставаться на месте.

-- Дети мои! -- внушительно сказал... нет, провозгласил старший Ключев. К этому пафосному тону изумительно подошли бы призывно вскинутые к потолку руки, но они так и остались на столе.

-- Дети... мои. Как я уже сказал только что, я очень хотел с вами поговорить. Мысль о том, что этому разговору суждено состояться, впервые посетила меня ещё тогда, когда на свет появился мой первый ребёнок... что там, этот разговор должен был состояться ещё тогда, когда у моих родителей появился я! Или уж хотя бы тогда, когда я решил жениться на Изабелле...

Наш историк в школе обожал такие вступления к пустяковым речам. Он уходил корнями к Адаму и Еве, рассказывал нам историю изгнания из рая, положившую начало истории человечества, исполненной невероятных коллизий... У историка даже поза была чем-то схожа с той, которую принял Арсений Михайлович. Интонации же повторялись один в один.

Эдик украдкой зевнул, чем, естественно, тут же заразил меня. Я проглотила первый зев.

-- ...но мне не предоставлялось случая, в котором этот разговор был бы уместен. Однако неделю назад я подумал, что время настало... Я так долго ждал этого часа, что даже не удивился, когда он, наконец, настал... но я так долго ждал этой минуты, так боялся, что упущу её, прогляжу, не сумею распознать...

Эдик снова зевнул. Я повторила за ним.

-- ...что меня удивил сам факт того, что я с такой лёгкостью поймал этот момент.

Найти подходящую минуту... не упустить единственно верный момент, когда так нужно сказать единственно верное слово -- это сложная задача. Но бывают случаи, когда счёт идёт не на месяцы и даже не на дни. Счёт идёт на часы...

Мы зевнули ещё по разу. Размеренный, негромкий голос расслаблял и убаюкивал.

-- ...и буквально сейчас уже не часы, но минуты решают исход очень важного для всех нас дела. Казалось бы, почему не заговорить раньше, почему не подстегнуть события? Но всё же мне было важно дождаться подходящей минуты для того, чтобы заговорить на эту тему...

Я зевнула в кулак. На уроках истории я, как правило, читала фантастику, прикрываясь учебником, считала мух и ворон или дремала с открытыми глазами. Эта практика определённо пригодилась!

Эдик старательно прожевал зевок. Увы, он не умел дремать с открытыми, и поэтому глаза закрыл. И даже попытался положить голову мне на плечо.

--...и я не колыбельную вам тут пою, чтоб вы спали у меня на глазах!

Удар молнии! Раскат грома!

Арсений Михайлович пророкотал:

-- Не спать! -- и хлопнул ладонью по столу.

Мы дружно подпрыгнули на месте.

-- Итак, мне всё же было важно дождаться подходящей минуты для того, чтобы заговорить на эту тему.

Этим Арсений Михайлович разительно отличался от нашего историка: тот никогда не обращал внимания, слушаем ли мы его. Соответственно, никогда не продолжал повествование с повтора предыдущей фразы.

-- Я считаю настоящую минуту наиболее подходящей для того, чтобы расставить все точки над ё. Вы, конечно, не настроены на долгий разговор... и я могу вас понять.

Я робко улыбнулась. Если он понимает, что долгий разговор неуместен, может, он всё-таки сократит свою вступительную часть и перейдёт к делу? Но он поставил себя на долгую паузу и замолчал вообще.

Минуты шелестели одна за другой птичьими крыльями -- в саду под окном просыпались пернатые певички и певцы, осторожно пробовали голоса. Утренне-бледное небо за окном набирало гущину. Недовольным блеяньем огласила окрестности Брахмапутрочка, и тут же отозвались её товарки...

А Эдик сидел рядом и держал меня за руку, словно боялся, что я исчезну.

А я боялась, что сейчас проснусь, и окажется это всё очередным дурацким сном. Дурацким только потому, что он -- не явь.

-- Дети мои... -- заговорил, наконец, Арсений Михайлович. -- Вы успели сознаться друг другу в... в собственном... собственной...

Брови Клюева-старшего сошлись на переносице, лицо потемнело, а нужное слово так и не находилось. Эдик робко-робко, даже рука, цеплявшаяся за мои пальцы, задрожала, предположил:

-- Собственных отли...

-- Молчи уже, Долбоклюев! -- сразу же нашёл нужные слова Арсений Михайлович.

Я надула губы. Как можно так гавкать на моего любимого? Ну и что, что это его папочка! И я заговорила ещё прежде, чем успела понять, о чём именно буду говорить.

-- Извините, Арсений Михайлович! Вы не могли бы в моём присутствии не называть так своего сына? Я... знаю его с другой стороны и уверяю вас, на самом деле вы в нём очень и очень ошибаетесь.

Мужчина стремительно вышел из-за стола, подлетел к нам и взял сына жёсткой сухой рукой за подбородок, легонько потряхнул:

-- Видишь? Ты видишь? Цени!

Разжал пальцы и улыбнулся мне:

-- Прости, пожалуйста, Наденька... ты не против, если я буду так к тебе обращаться? -- я кивнула, и он продолжил:

-- Так вот... Наденька, должен тебе сказать... Эдик -- вампир.

Я снова кивнула с лёгкой улыбкой, и Ключев-старший повторил чуть медленнее:

-- Эдик -- вампир. И я тоже.

Я радостно улыбнулась и закивала часто-часто.

Арсений Михайлович сложил брови домиком и попытался как утопающий за соломинку ухватиться за взгляд сына, но тот злопамятно смотрел в окошко.

-- Э-э... Наденька... -- медленно-медленно, осторожно-осторожно заговорил Ключев-старший, -- мы... знаем, что ты... вампир.

Нет, я не поняла. Мне что, предлагалось шлёпнуться в обморок, когда он объявил, что они с Эдиком вампиры? Или возмутиться до глубины души последней фразой?

Я согласно кивнула и тихонько передразнила Эдика:

-- Ты вампир, и я вампир, оба мы вампиры...

Реакция Арсения Михайловича таки повергла меня в шок: он радостно захохотал, сграбастал нас с Эдиком в объятия, и заявил:

-- Ну вот и всё, дети мои! Живите в мире и согласии, пока не разбежитесь!

-- Мы не разбежимся, -- пробубнил ему в плечо Эдик.

-- Тогда сегодня едем в лес! Играть! -- отстранил нас на длину вытянутых рук Ключев-старший.

-- Только не это! -- страдальчески закатил глаза мой любимый.

Я позавтракала вместе с дружной, но очень уж многочисленной семейкой Ключевых. За изогнутым подковой длинным столом свободно уселись человек тридцать, не то тридцать пять -- я не досчитывалась, сколько их всего, я сидела рядом с Эдиком, и мне этого было вполне достаточно.

Ключевы как-то так легко приняли меня в свои ряды, что это даже вызывало некоторые опасения. Ведь на самом же деле не могло всё пройти так ровно и так гладко? Или весь подвох заключался в обещанной игре?

Арсений Михайлович, сидевший "во главе" стола -- на самой выпуклой его части -- дирижировал наколотой на вилку сосиской и громко рассказывал всем историю, которую, судя по тому, что никто и не думал слушать, все знали наизусть. Даже Эдик, которому всего семнадцать.

-- ...в тот день я впервые увидел её и понял, что жизнь моя будет напрасна, если я не получу её согласия быть моей, быть вечно моей! О, моя Изабелла!

Слева от меня сидела сводная сестра Эдика, которую звали Мариной, но она просила всех называть её Энди. Не задумываясь даже о причинах столь странного желания, я согласилась и была вознаграждена очаровательнейшей улыбкой и уверениями в вечной преданности мне, не задающей лишних вопросов и не лезущей в интимные подробности чужой жизни.

Эдик выразительно вращал глазами, явно пытаясь телепатировать мне некую мысль, но я оказалась невосприимчивой.

-- И я читал ей стихи, потому что любовь переполняла меня... переполняет меня и сейчас при виде её изумительных глаз -- они могут быть нежными и кроткими, но могут быть опаляющими и страстными!..

Энди-Марина ворковала в моё левое ухо:

-- ...и терпеть ненавижу, если кто-то вдруг мне начинает объяснять, что я маюсь дурью, и что уж сколько-сколько времени, но почти триста лет -- а ведь мне уже двести восемьдесят девятый год пошёл! -- это вполне достаточный срок, чтобы определиться, какого пола я хочу быть!..

Эдик согревал дыханием ухо правое:

-- Наденька, любовь моя, сейчас будут подавать чай-кофе-молоко, а мы давай сделаем вид, что поможем, а сами сбежим?

-- ...я пропал, я пропал навсегда!

Этот блеск, эта жизнь, этот свет!

И по венам бежит -- не вода,

И защиты от ярости нет!

Я пропал... -- вещал Арсений Михайлович, и я слышала, как его дети, каждый, шёпотом повторяют за ним: "Я пропал..."

Мы с Эдиком под одобрительные взгляды Ключева-старшего и прочих домохозяев присоединились к тем, кто отправился на кухню за напитками. Проверить бы градус одобрительности, когда они поймут, что мы не вернёмся!

Эдик провёл меня тайными коридорами, открывавшимися прямо в бесшовной глади стен, на улицу, и мы оказались на серых плоских порогах, переходящих в булыжную тропу.

Я потрясла головой: дорожка эта метров этак через двадцать упиралась в ворота.

Да, дорожка проходила под арками, образованными стволами лип, до самых ворот! Но ведь каких-то полчаса... ну, хорошо, час назад я была здесь. Я смотрела в сторону забора! И видела только тропически дикое переплетение ветвей!

-- Эдик, -- строго окликнула я устремившегося к выходу возлюбленного.

Он, сияя, как солнышко, вернулся ко мне, подхватил меня на руки и понёс к воротам.

И я тут же растеряла всякое желание что-либо выяснять.

-- Я увидел, увидел тебя.

Этот взгляд, эти брови вразлёт,

Этот смех, что ласкает, губя,

И волос твоих водоворот.

Я пропал...

Я пропал...

Я пропал, я пропал навсегда!

Этот блеск, эта жизнь, этот свет!

И по венам бежит -- не вода,

И защиты от ярости нет!

Я пропал...

Я пропал...

В небе синем летят облака,

И по кругу бежит и бежит

Голова, так безумно легка,

И мне снова так хочется жить!

Я живу!..

Я живу!..

Я прижалась к сильному плечу Эдуарда и затаила дыхание.

Он пел. Тихо, еле слышно, но я знала: пусть эту песню давным-давно посвятил Арсений Михайлович своей Изабелле, пусть поколения семьи Ключевых веками распевали её для возлюбленных, но мой Эдик поёт её сейчас -- для меня, и поэтому она звучит впервые...

И эта песня словно причисляет меня к династии Ключевых.

Глава семнадцатая. Страйкбол.

Мир, огромный, прекрасный, стелился нам под ноги, мы летели, едва касаясь травы ногами, как во сне, как в волшебной сказке... в безумной, волшебной сказке.

Нам было хорошо.

Тянуло свежестью от реки, лирично шумел ветер в соснах.

-- Ну вот, -- выдохнул Эдик. -- А ты ещё не верила!

-- Во что?

-- Что я -- вампир!

-- Да уж...

Мой взгляд зацепился за границу между коричневой водой и синей -- там, где Лух делал поворот. Белые сверкающие блики вслед за ветром прокатывались по волнам. Мысли замедлялись и успокаивались.

-- Попробуй тут, поверь. Я же ориентируюсь на запахи, знаю, как пахнут люди и как пахнут вампиры. Но никто из вас не пахнет так, как нужно! И, кстати, да! Почему же вы никто вампирами не пахнете?

Эдик смущённо порозовел:

-- Это долгая история...

-- Так мы никуда не торопимся! -- заявила я, усаживаясь на пригорке над речкой.

Эдик с сожалением погладил растопыренными пальцами свои белые шорты, нерешительно переступил с ноги на ногу, отмахнулся от кого-то рукой, наверно, от совести, и плюхнулся рядом со мной.

И тут же взвыл! Я-то, когда садилась, смотрела, что подо мной, а он -- нет, потому и приземлился не на что-нибудь, а на шишки.

Я герой. Вернее, героиня. Даже не засмеялась, наблюдая за бешенством Эдика, пытающегося одновременно отскрести прилипшие к шортам смолянистые шишки и сохранить приветливое выражение на лице. И даже помогла ему -- с шишками.

Наконец, мы уселись рядышком, прижались друг к другу, и я напонила вопрос:

-- Эдик... почему вы не пахнете вампирами?

Он расплылся в блаженной улыбке:

-- А я не знаю!

-- Но ты же сказал, что это долгая история!

-- Ну... я побоялся признаться тебе в том, что на самом деле я, действительно, Долбоклюев...

-- Эдик, не говори так! Это слово режет мне слух!

-- Но что поделаешь, если это так и есть? Мне слишком уж неинтересно, кто я, какой и почему... -- кого-то это всё мне определённо напоминало. Уж не меня ли? -- Главное, что -- сильный, устаю медленно, проживу о-о-очень много лет... если, конечно, никто не помешает... но мне это всё неинтересно. И поэтому я До... хорошо-хорошо! -- он вскинул руки.

-- Вот та-а-а-ак я и буду выдавливать из тебя каждого "Долбоклюева"! -- грозно зашипела я, вцепившись в горло возлюбленного, и мы покатались с пригорочка к воде, коричневой, белой и синей.

Это было просто чудесно -- лежать рука к руке на тёплой утренней земле, вдыхать ароматы растревоженной нашей шутиливой баталией травы, смотреть друг на друга...

Мы ещё толком не успели насладиться тишиной и покоем, как у Эдика зазвенел телефон:

-- Ну и где вас носит? Мы все готовы! -- капризно ныла в трубку Марина-Энди.

Мой Клюев усмехнулся не без сожаления:

-- Собственно, вот и игра подросла. Мерило моей ловкости и мужества!

-- Что за игра-то? -- перевернулась я на живот, подпирая кулачками подбородок и болтая ножками. Да, я завлекала Эдика и не скрывала этого.

Он поднял руку -- коснуться моего лица -- но на полпути передумал, спрятал за спину.

-- Вот сейчас и увидишь. Догоняй!

Клюев метнулся вверх по склону, только белые шорты замелькали по кустам косульим хвостом.

-- Э-э! -- бросилась я за ним следом. -- Так нечестно! Сюда, значит, на руках нёс...

Вдоль высокого каменного забора вокруг дома Клюевых выстроились длинной вереницей машины. О, какие то были машины! Любую из них, не глядя, себе взяла бы! Если б ещё кто дал... Новёхонький джип -- бордовый "металлик"... Сверкающий "опель" -- небесно-синий... умопомрачительный "ландкрузер" -- цвета юной вишнёвой листвы... м-м-м... Я стояла и ласкала взглядом их, все вместе и каждую по отдельности, а душа моя, повизгивая от восторга, металась от одной до другой, чмокая в глянцевые бока. Одно дело, дорогие красивые машины. А вот красивые ухоженные машины -- это, знаете ли, совсем другое дело!

Автомобили Клюевых "держали марку": как их хозяева не пахли вампирами, так они пахли чем угодно, кроме бензина и машинного масла. Они источали ароматы специальных автошампуней и экзотических освежителей, а из открытых салонов доносились ароматы натуральной кожи...

Эдик стоял рядом со мной и делал вид, что его всё это богатство не интересует.

Рассмотрев его слева, зайдя к нему справа, тщательно оценив каждую складочку на высоком лбу, я пришла к выводу, что ему... ему действительно всё равно на все эти машины!

Ну и ну...

Так и подмывало спросить ещё и вслух: тебе что, безразличны все эти сокровища? Исключительно ради того, чтобы получить в ответ удивлённый взмах ресницами: неужто не видишь, что -- да, безразличны?

Я вздохнула и пошла угадывать, на какой машине предстоит ехать мне и Эдику. Долго гадать не пришлось: к нам подбежала Энди и со сдержанной радостью усмехнулась:

-- Похоже, я первый! Идите со мной, у меня бэ-эм-вэ-икс пять.

Помнится, кто-то из моих знакомых охарактеризовал это чудо техники как "чисто пацанскую тачиллу". Ну, от Энди другого ожидать было сложно.

Серебристое чудо, вылизанное до лунного сияния, обдало нас жасминовыми запахами, обняло мягкими кожаными сиденьями, и с места в карьер понесло навстречу приключениям. Тонированные стёкла пропускали солнечный свет, чуть подкрашенный синим, кондиционер старательно охлаждал воздух, гоняя его свежим сквозняком по салону, и оттого казалось, что в машине царят зимние сумерки.

Мы с Эдиком на заднем сиденье держали друг друга за руки.

Дорога кончилась как-то слишком внезапно, я даже толком не поняла, что мне нравится больше -- трястись на "крысе", обнимая своего любимого, или таять в комфортном авто, растворяясь в его ласковом взгляде?

Энди, старательно копируя мужские жесты, вышла из машины и направилась к Клюеву-старшему.

Арсений Михайлович подъехал на место первым... кстати, само место! Я такого в окрестностях Фролищ ещё не видывала. По левую руку от нас частой рябью убегали в горизонт мелкие холмы, по правую неровным частоколом тянулись к пятнистому от облаков небу сосны. Дорога ровной лентой разделяла холмы и лес. Машины в количестве чёртовой дюжины цепочкой вытянулись вдоль обочины.

Клюев, выбравшись на центральную по отношению к веренице авто позицию, исполнил мою давнюю мечту, воздел руки к небу.

В исполненные выпренности словеса, возвещающие начало великого события, я не вслушивалась. Я наблюдала за лицами "детिशек" и думала, что это, вообще-то, странно -- вся семья в сборе, только мамы и нет, и о её существовании (или, в конце концов, о

существовании и количестве мам!) никто не говорит, словно это запретная тема.

Клюевы-младшие слушали своего папочку с той же степенью внимательности, что и я. Возможно, причина была в том, что они слышали эту речь уже не раз: насколько я успела заметить, Арсений Михалыч обожал повторять особенно удачные "обращения к народу". На лицах Клюевых-младших отображалось явное нетерпение, и мне оставалось только гадать, какой же всё-таки игры они так ждут... жаждут!

-- ...и я счастлив объявить нашу первую летнюю игру этого года открытой! -- наконец-то закончил Арсений Михайлович, и дружное "урррааааа, страйкбоооол!!!" всколыхнуло тучки в небе, траву на холмах и сосны в бору и положило конец моей "угадайке".

Я не успела опомниться, а на меня уже напяливали какой-то комбинезон, поверх него жилет, на голову шлем как у мотоциклиста... Вокруг мельтешили разодетые во все оттенки камуфляжа парни и девушки, в руках у них то и дело появлялись и исчезали ружья и пистолеты. Эдик, тоже полностью закамуфлированный и узнанный мною только по запаху, небрежно опирался на жуткого вида винтовку. Перехватив мой растерянный и жалобный взгляд, он пожал плечами:

-- Сейчас на команды поделимся, и... -- Эдик помрачнел, протяжно вздохнул:

-- Да, сейчас на команды поделимся, игра начнётся, меня подстрелят, и до конца игры большую часть времени я проведу в роли мертвеца.

-- Почему?

-- Потому что Эдик -- Долбоклюев! -- с радостным ржанием объявил Максим, прибивая меня к земле нехилым, по замыслу явно дружеским хлопком по плечу. Я змейкой вывернулась из-под руки парня и добросовестно попыталась испепелить его взглядом, но он оказался огнеупорным юношей.

Да, ста восьмидесяти лет от роду, если мне не изменяла память.

Лицо Эдика потемнело от прилившей к щекам крови. Конечно, ведь мало приятного, когда тебя при твоей девушке так называют. Но что-то... природная робость? Неуверенность в себе? Сила привычки? Не знала я, что! Это что-то мешало Эдику возмутиться и потребовать раз и навсегда, чтоб его милые родственнички забыли эту милую кличку и думать не смели к нему так мило обращаться!

...а если ещё и я прямо сейчас не возмущусь, всё так и будет продолжаться! Максим уже отвернулся от нас, даже шагнул в сторону, сейчас он с сочным ржанием пойдёт проверять обмундирование игроков своей команды, Эдик перекипит бессильной злобой, и каждый из его братишек и сестрёнок сможет так же просто-запросто окликнуть его -- эй, Долбоклюев!

И он будет краснеть, бледнеть и отзываться.

-- Эй!

Странно, но Максим понял, что я обращаюсь к нему, и обернулся:

-- Да-да? Есть вопросы?

-- Всего один. Когда ты перестанешь называть Эдика -- Долбоклюевым?

Какая-то странная, многосоставная эмоция отразилась на красивом лице парня. Он, кажется, даже удивился, по меньшей мере, несколько раз проехался взглядом на Эдика, на меня и обратно.

-- Наверное тогда, когда он станет просто Клюевым -- умным и смелым, сильным и ловким! -- неожиданно добродушно усмехнулся Максим, наконец, составив ответ на мой вопрос.

Но меня такой ответ не устраивал. Тем более, уже человек десять Клюевых прислушивались к нашей беседе.

-- Нет, Максим, "тогда -- когда" не пойдёт. Скажи, пожалуйста, конкретно! Когда, по каким признакам ты поймёшь, что Эдик стал просто Клюевым?

Максим радостно улыбнулся во все тридцать два зуба плюс клыки:

-- Так говорю же, когда поумнеет, посмелеет, посильнееет и половчееет!

Среди зрителей раздались одобрительные смешки.

Эдик пошёл фиолетовыми пятнами.

Я загадочно потупила глаза:

-- Но как ты поймёшь, что это случилось?

-- Я это увижу!

-- Нет, не увидишь! Потому что не желаешь видеть того, что не соответствует уже имеющимся представлениям об Эдике!

-- Да ладно! -- отмахнулся Макс. -- Надь, ты пойми, это ж невозможно не заметить -- если вдруг наш Эдинька так переменится!

Загадочное выражение на моём лице сменилось определённо плутовским:

-- Да я тебе хоть сегодня покажу все перемены! Вопрос в следующем, готов ли ты прямо сейчас их увидеть и признать!

-- Готов!

Эдик застыл в полной прострации.

Он ещё не понимал, к чему я клоню, да я и сама толком не знала, получится ли...

-- Тогда давайте сыграем, мы с Эдиком против вас всех!

На какой-то невыразимо долгий миг мне показалось, что Эдик уже начал падать в обморок.

Нет, всего лишь показалось!

Слушали уже все. Все замерли в прострации сродни той, что недавно объяла моего любимого. Он же справился с первым шоком и улыбался, правда, пока ещё несмело, неуверенно. Но я видела, он испытывает ни с чем не сравнимое удовольствие при виде отпавших челюстей своих родственничков!

А прямо напротив меня крутил головой и одобрительно усмехался Арсений Михайлович. Надо же, помощь -- хотя бы моральная поддержка! -- пришла, откуда не ждали.

Пятна зелени. Пятна солнечного света. Звон в ушах от напряжения. Гибкий, хищный Эдик прозрачной тенью стелется, почти неразличимый в густом подлеске. Прямо перед ним -- Энди. Я чувствую её запах.

Энди крутит головой, пытаюсь угадать, в какой стороне мы с Эдиком.

Мы отправили в мертвятник уже пятнадцать человек, а нас ещё толком никто и не видел!

Никто просто не ожидал, что я буду перепрыгивать с дерева на дерево -- бесшумно, прямо со ствола на ствол, если деревья близко, или с ветки на ветку, если далеко. А я вспомнила свои сны, где бегала по деревьям в стиле "Матрицы", договорилась с Эдиком, что буду работать "отвлекающим манёвром", и мы пошли охотиться на его родственников.

Сейчас в нашу засаду угодила Энди, и нам осталась самая малость...

Я пробежала по нижней ветке сосны до того места, где она начала ощутимо прогибаться под весом моего тела, и "страшным" шёпотом, подражая голосам призраков из ужастиков, позвала:

-- Эээндиинии!

Девушка задрала голову -- и поймала затылком пластиковую пульку из винтовки Эдика. Лёгонькую Энди впечатало ударом в сосну, с которой я с ней общалась. Еле удалось удержаться!

-- Ой! -- пискляво отреагировала Энди, отклеивая нос от смолянистой коры, и тут же расхохоталась:

-- Ну вы, блин, даёте! Охотники, мать вашу!

Интересно, что стало бы с нею, не будь она, действительно, вампиром...

Эдик шутовски раскланялся, я же спрыгнула вниз:

-- Давай руку, Энди...

Мой любимый радовался, как ребёнок, повязывая своим сёстрам и братьям белые ленты "мертвецов".

-- На! -- протянул он сестрёнке телефон.

Энди вздохнула, набрала номер Арсения Михайловича:

-- Па! Меня убили.

Трубка разразилась многоголосым хохотом.

-- Ну, беги к нам, -- перекрыл хохот голос Арсения Михайловича. -- Ждём с нетерпением!

Энди развела руками:

-- Жаль вас покидать, но вы сами напросились одни против всех!

-- Да ладно, -- снисходительно пожал плечами Эдик, ему каждый новый выстрел в цель придавал всё больше уверенности в собственных силах. -- Вас уже не так много и осталось...

-- А скоро не останется вовсе! -- поддержала я.

И снова -- пятна солнечного света, пятна зелени, переплетение запахов... мне нужен был, по совести, только один, Максимов. Очень уж хотелось прибить его как можно скорее!

Прыгая с дерева на дерево, ловя малейшие оттенки ароматов, я чуть не свалилась в полупрыжке, когда вдруг учуяла отвратительно знакомый запах Косичкобородца.

Эдик, заметив, что я едва не сорвалась, жестом подозвал меня.

-- Что? -- коротко и тихо спросил он.

-- Косичкобородец, -- так же тихо, пусть и не так уж коротко ответила я.

Он нахмурился:

-- Его только и не хватало!

Глубокая складка между бровями моего любимого притягивала взгляд и вызывала непреодолимое желание прижать её пальцами, разгладить...

-- Что делать? Ведь он сейчас следит за нами!

Я пожала плечами:

-- А если нам самим проследить за ним?

Эдик почти улыбнулся:

-- И как же ты это себе представляешь?

-- Да очень просто! Я уверена, что сейчас он меньше всего ожидает, что мы с тобой отвлечёмся от своей охоты и займёмся им!

-- Ой, Надя, тебя послушать, так всё так просто! И не-долбоклюевость мою доказать, и Косичкобородца отловить...

-- Ой, Эдик, а тебя послушать, так всё так сложно! Однако это не я, заметь, не я, а ты шестнадцать раз подряд не промахнулся!

-- Чшш!

Мы не заметили, что увлеклись и стали разговаривать громче.

Взглядом Эдик указал на дерево, и я без разбега прыгнула как можно выше и ящерицей вскарабкалась по стволу до первых ветвей, затаилась, стараясь слиться с ними. Эдик уже растворился в подлеске.

Да, наши голоса были замечены: к тому месту, где мы завели свою высокоэмоциональную беседу, с двух сторон подходили... я втянула воздух носом, ага! Всего лишь Клюевы! Оттенок менестрелевой вони еле-еле различался на фоне прочих запахов.

Две фигуры, мужская-широкоплечая-коротконогая и женская-девяносто-шестьдесят-девяносто, замерли там, где минуту назад стояли мы с Эдиком.

-- Странно, -- тихонько прошептал Максим, -- я их слышал.

-- Ну да, -- вздохнула одна из сестрёнок Эдика, по голосу -- Галина, блондинка-фотомодель, она ещё спрашивала, где я брала такие шикарные купальники, только тогда я не знала, как её зовут.

-- Тише. Они не могли далеко уйти!

Гоняясь за Клюевыми я успела понять, что ни у кого из них нюх не развит так,

как у меня. Я бы вот себя уже учуяла, с такого-то расстояния! А они переговаривались, не замечая, что мы оба тут, и я, и Эдик.

-- Туда пойдём? -- махнула рукой Галя, как раз в ту сторону, где стоял Эдик.

-- Туда пойдём! -- ткнул пальцем Макс назад, откуда они пришли.

-- Но мы ж там были!

-- Но мы их слышали там! Могли просто проскочить то место, где они прячутся.

-- А если они уже ушли?

-- Да ладно тебе! Ушли они... стоят, небось, как миленькие...

-- А е...

-- Хватит препираться, Галя! Двигай давай, -- он пропустил её вперёд. -- Давай, давай, мы должны найти их первыми. Я так хочу его пристре...

Звук выстрела оборвал речь Максима. Пулька угодила ему чуть ниже кевларового жилета и, похоже, на его бедре скоро появится шикарный синячище.

Галя суматошно задёрнула свою винтовку, одновременно пытаясь нашить спусковой крючок и понять, куда надо целиться. Я душераздирающе каркнула. Она в страхе присела, и ударом в плечо её опрокинуло в кусты: Эдик не промахнулся и восемнадцатый раз!

Я спрыгнула.

Максим успел расстегнуть и снять защитный шлем. Эдик помогал Гале выбраться из молодых сосёнок.

-- Ну, Эдик! -- приговаривала девушка. -- Ну, Эдик!

Максим молча сопел, и мне не нравилось его молчание.

Галя покорно подставила руку под белую повязку "мертвеца" и потянулась за телефоном, когда Макс вдруг выхватил серебристую "раскладушку" и яростно стиснул её, размалывая пальцами.

Галя пискнула, зажимая рот руками, Эдик отшатнулся. Я смотрела, как на землю сыплются осколки телефона и понимала, что была права, когда говорила: Максим не готов признать в Эдике нормального человека.

-- Ну, Долбоклюев! -- наконец, заговорил Макс. -- Готовься к смерти!

-- Почему это? -- спокойно ответил Эдик. -- Это я тебя убил честным выстрелом в... кхм... в спину, и настаиваю на том, чтобы ты отзвонился папе, признав свою смерть.

-- А вот это мы сейчас проверим, кто кому отзвонится! -- раскинул Максим руки, словно собираясь обнять Эдуарда, и я поняла, что эдикову братцу очень хочется подраться.

Вот только Эдик не собирался поддерживать его в этом желании.

Никто этого не ожидал, но он быстрым, элегантным движением обрушил пластиковый приклад винтовки на голову брата -- осколки брызнули во все стороны, -- и тот, издав сочный шмяк, неэстетично рухнул в куст, из которого только что вылезла Галя.

-- Ого... -- протянула она недоумевающим тоном, и мой возлюбленный извинился:

-- Прости, но мы спешим. У нас... кое-какие дела появились. Передай нашим, что игра на сегодня окончена.

Галина восхищённо покрутила головой:

-- Ну и ну! Ладно, так и быть...

Вообще, конечно, вампиры сильнее людей, и я знаю это по себе, но всё-таки зрелище худенькой маленькой девушки, легко забрасывающей себе на плечо увесистого большого юношу, всегда впечатляет.

Мы с Эдиком проводили взглядами радостно напевающую Галю, несущую в "мертвятник" оглушённого Максима, и я пошла по кругу в надежде напасть снова на след Косичкобородца.

А он был везде. Такое ощущение, будто кругами бегал вокруг нас, пока мы проясняли ситуацию с Максимом! Я тихонько зарычала.

-- Что такое? -- спросил Эдик, и я вкратце обрисовала ему ситуацию.

Каждое моё слово заставляло лицо любимого вытягиваться всё сильнее.

-- Да... -- вздохнул он. -- Выходит, мы его не найдём.

-- Или потратим на поиски непозволительно много времени... и не исключено, что, пока мы будем его искать, он будет следить за нами.

И мы отказались от идеи выследить Косичкобородого монстра. В конце концов, он пока мешает жить только тем, что бегает вокруг и воняет.

По заранее оговорённому плану игры, собравшись по её окончании все должны были в "мертвятнике", который устроили на базе машин семейства. Там были и переносные холодильники с напитками, и еда для тех, кто проголодается, и ноутбуки с выходом в Интернет, и телевизоры, работающие от аккумуляторов, и многое другое. В общем, нашим "мёртвым" скучать не приходилось, и Эдик немало обрадовался, когда мы окончательно решили идти в "мертвятник".

И тут нелёгкая меня дёрнула, иначе и не скажешь, дать моему любимому шанс окончательно поверить в свои силы и доказать, что в ориентировании на местности ему тоже нет равных, как и в меткости.

-- Ой! -- изобразила я, как сумела, растерянность. -- А куда нам идти теперь?

Эдик улыбнулся:

-- Ты шутишь?

-- Нет... я не помню, мы оттуда шли? Или оттуда?

Возлюбленный сосредоточенно проследил за движениями моей руки.

Нахмурился.

-- Э-э... ты не помнишь? Ты точно не помнишь, Наденька?

Я кивнула. Подумала, и кивнула ещё несколько раз, часто-часто.

Он побледнел:

-- Это... это не шутка?!

Я энергично покрутила головой, подтверждая: нет, не шутка!

Эдик пошатнулся и привалился спиной к ближайшей сосне.

-- Нет... Наденька, это не может, это не должно быть правдой! Ведь я же... я же совершенно не умею ориентироваться в лесу!

Пришла моя очередь хмуриться:

-- Как это так? Ты -- и не умеешь? Ты же живёшь рядом с лесом!

-- Ага, последние пару месяцев...

-- А до этого?

-- А до этого в городе жил! В большом городе! И я даже в чужом городе могу куда угодно и откуда угодно пройти, но не в лесу!

Я чувствовала, что приближается истерика.

Итак, моя попытка помочь Эдику обрести веру в собственные силы с треском проваливалась прямо у меня на глазах. Я смотрела на любимого, понимая, что не понимаю, за что я люблю это истеричное создание? За то, что оно вкусно пахнет? За то, что мне без него трудно дышать? За то, что он ещё слишком молод, но вырастет настоящим мужчиной, за которым я до конца дней своих -- предположительно, очень и очень долгих, как и его! -- буду как за каменной стеной... надо просто немного подождать. Всё-таки девочки-вампиры взрослеют быстрее мальчиков-вампиров, и в этом мы тоже очень похожи на людей! Только вампиры взрослеют ещё медленнее.

Мальчики-вампиры, имела я в виду.

О боже... сколько лет -- или столетий?! -- мне ждать, пока моя любовь повзрослеет?

Не знаю, что прочитал Эдик в моём внимательном, любящем взгляде, но лицо его изобразила гримаса отчаяния и боли, и он, резко вскрикнув и спугнув криком дятла, примеривавшегося к сосне, стремглав кинулся в чащу леса.

Я вздохнула и пошла к дороге, где меня ждал горячий чай и дружеская

компания.

Да, и разборка с Максимом, который, гарантия, уже пришёл в себя.

Глава восемнадцатая. Охота на кролика.

Ветерок мягко подталкивал меня в спину, словно направляя в сторону дороги. А Эдику он сейчас бил в лицо, я просто чувствовала, как он летит, не чуя ног, среди сосен, перепрыгивая кусты, молодые сосенки, папоротники... похоже, он сам испугался собственной смелости, и теперь переживал время отходняка. Помнится, я как-то раз тоже решила съездить к маме на работу. Я училась тогда в первом классе и мужественно выдержала одинокое путешествие в метро, используя в качестве путеводителя поговорку о языке, доводящем до Киева. А когда моя мама, лучась радостью, что вырастила такую самостоятельную девочку, бросилась обнимать меня, я позорно разрыдалась и не могла успокоиться ещё часа полтора. Слезами изливались все те жуткие дядьки и тётки, встретившиеся на пути, кошмарные поезда метро, ужасы улиц в час пик...

Так и Эдик сейчас. Он был умен и смел, силен и ловок, охотясь на своих родичей, тем более, рядом была я, и, как могла, помогала ему находить очередные жертвы. Теперь же вдруг оказалось, что мы заблудились, и выводить нас из леса придётся ему одному. А охота уже закончилась! И метко стрелять больше не нужно, да и ружьё-то он сам же и разбил о голову братца, и вообще... вокруг -- чужой, враждебный лес, полный всяких там Косичкобородцев...

И зачем он только появился в моей жизни, этот "сладкоголосый певун"! Чего от меня хочет?

Приближалась опушка леса, ветер становился крепче, конечно, всё меньше и меньше преград на его пути. Беззаботно перекликались птицы, вдали стали слышны голоса Клюевых, и я прибавила шаг.

Эдик... что Эдик? Если что, я найду его за полчаса.

А вот Максим... интересно, остыл ли он?

Клюевы собрались уже почти все, Галя передала известие о том, что мы больше не играем, но никто не спешил пользоваться сумками-холодильниками. Все стояли тесной кучкой.

Наверное, в центре был Максим, живописующий, как его огрели ружьём и он, крепкий парень, вырубился с одного удара. Не всякий же день такое случается!

Но, когда я подошла ближе, увидела Макса во внешнем круге "могучей кучки".

А кто же тогда в центре внимания?

Ветерок ласково подпихнул меня ещё ближе к Клюевым... и только теперь проявился запах.

Вонь!

Это всё ветер виноват! Это он сдувал вонь Косичкобородца!

Я замедлила шаг.

Во мне схлестнулись два равнозначных желания: немедленно ринуться вперёд и придушить менестреля -- или, пока никто не заметил, слинять потихонечку в лес, разыскать Эдика и утащить куда-нибудь, куда угодно, только чтоб при мне был. Пока я раздумывала, что мне делать, как мне быть, меня заметила Энди:

-- Наденька! -- принялась она размахивать руками и прыгать. -- Наденька, иди к нам! Смотри, кто пришёл!

И я, как под гипнозом, медленно переставляя заостеневшие ноги, побрела вперёд.

С каждым шагом запах Косичкобородца крепчал, а стоило мне подойти чуть

ближе, стена Клюевых радушно расступилась, и менестрель предстал передо мной во всей красе. Со времени первой встречи он ничуть не изменился. Всё те же водянистые глаза на коричневом от загара лице, яркие, рыжие, нестерпимо рыжие волосы с волной... и длинная-длинная, кошмарная борода, всё так же заплетённая в косичку. Чтобы не расплеталась, он закреплял её на конце резинкой с божьими коровками. И широкие шорты камуфляжной расцветки, и замызганная майка неопределённого цвета -- всё осталось таким же, как в том поезде.

Только аромат стал ещё гуще, ещё сочнее. И от него не просто хотелось чихать, от него уже тошнило! А Клюевы словно и не замечали. Может, потому, что они не так чувствительны к запахам...

-- Надя, знакомься, это друг нашей семьи, Акакий Мерзлихин!

-- А? -- я обернулась на голос Арсения Михайловича и только тогда поняла, что это он мне представляет Косичкобородца.

Я всё-таки чихнула и энергично помотала головой, отступая на шаг. От позорного бегства, равно как и от агрессивного удушения менестреля, удержало недоумение во взгляде Клюева-старшего. Пока он не успел во всеуслышанье уточнить у меня, не случилось ли чего, я натянула на лицо что-то вроде милой улыбки и кивнула Косичкобородцу:

-- Очень приятно! А меня зовут Надя. Надя Лебедева.

-- Спасибо, я уже догадался, -- неожиданно добродушно прищурился Акакий.

А имя-то какое подходящее, да?

Так мы стояли друг против друга и улыбались, как два идиота, пока меня не спасла Энди:

-- А Эдика чего нет? Где заблудился?

Я улыbnулась чуть более естественно, чем Акакию, и бодро оттарабанила:

-- Нет, мы с ним договорились немного погулять!

Энди свела к переносице тонкие бровки:

-- Но мы же сейчас домой поедem!

-- Ну а мы погуляем... совсем немного, -- уже менее бодро ответила я и задумалась о том, как скоро смогу привести Эдика к машинам. Ведь его ещё надо найти... Я-то рассчитывала, что, пока орава Клюевых будет заводить шашлыки-барбекю, я разыщу и притащу своего любимого. А теперь вот оно как вышло...

Взгляд Акакия, добродушно-насмешливый, всё больше напоминал тот самый, что прожигал дырочки мне в лопатках там, в вагоне.

-- Хочешь, я помогу тебе найти Эдика?

Молодец, господин Мерзлихин, Станиславский поверил бы.

А я -- не верю!

-- Спасибо, вы так добры, но не стоит беспокоиться, честное слово... вы пока пообщайтесь с Арсением Михайловичем...

Мне бы Константин Сергеевич тоже поверил.

-- Да, Ака, пусть молодёжь разбирается сама, пойдём, я покажу...

Клюев-старший обнял за плечи оторопевшего от такой неожиданной нежности Косичкобородца, и я осознала, что это -- победа. Во взгляде Акакия читалось ничем не замаскированное желание наброситься на меня с кулаками, но он, похоже, действительно был давним знакомым Арсения Михайловича и при нём не мог себе позволить никаких радикальных действий.

Постаравшись особо ничем не выдать ликования и не слишком долго объяснять Энди, в какой стороне намереваюсь искать Эдика и как скоро вернусь, я побежала в лес.

Внутри разжималась пружина, и становилось с каждым шагом всё яснее, что теперь у меня не получится защитить любимого.

Косичкоборodeц -- друг семьи Клюевых!

Косичкоборodeц будет жить в доме у Эдика!

Косичкобородец...

А с чего это я взяла, что он опасен и что Эдика, сына друга Косичкобородца, надо от него защищать? Ладно... об этом мы подумаем завтра, как говаривала Скарлетт О'Харра. Я вдохнула воздух, найдя запах Эдика. Ага, правильно иду...

Оттуда, куда я шла, доносился странный звук. С таким хомяки грызут прутики.

Я замедлила шаг: похоже что-то или кто-то впереди грыз вовсе не прутик, а, скажем, деревце. И был он при этом куда больше хомячка!

На всякий случай пригнувшись, я крадась ближе к источнику звука и вскоре стала различать, что "хомячок" ещё постанывает, плюётся и вроде бы что-то сосёт. Запах Эдика перебивал все прочие, и я бесстрашно выпрямилась в полный рост.

Эдик обеими руками держался за ствол молодой сосны и... грыз его! Грыз, отплёвывался, постанывал от удовольствия и сосал сосновый сок! Смолу, или что там у сосны... и при этом совершенно не обращал на меня никакого внимания!

Это было... странно. И даже чуть-чуть жутковато. Я смотрела, как Эдик трудится над сосной, и понимала, что ещё несколько секунд, и его постигнет та же участь! Только грызть и урчать от удовольствия буду я. И плевать -- ни-ни! Такую драгоценную влагу, как кровь, нельзя выплёвывать... и мне всё равно, что и кто там скажет! Я хочу его крови!

Громкий шелест за спиной, словно сквозь кусты шла по меньшей мере корова, заставил меня обернуться.

-- Фух-фух-фух, -- сказал прямо мне в лицо громадный треугольный... нос? Чей нос?!

Подняв глаза выше, я увидела, кажется, кроличий покатый лоб, грустные, несомненно, кроличьи глаза и длинные кроличьи уши... я что, Алиса в стране чудес и наелась волшебного гриба, или от чего там становятся меньше ростом?!

Скосив глаза, убедилась в том, что сосны и кусты остались нормального размера. А громада кролика, в котором только в холке, наверное, метра два, если не больше, возвышалась прямо передо мной!

Мотая головой и пытаясь издать хоть какой-нибудь, пусть нечленораздельный, звук, я отступала. Медленно и в надежде на как можно скорейшее пробуждение, спиной вперёд шла к Эдику.

А он сосал смолу и не видел, что за его спиной кролик-переросток пристаёт к его девушке!

-- Эдик... -- кое-как прохрипела я.

-- М-м-мыгу? -- откликнулся он и, наконец, взглянул на меня.

И увидел, как между сосен, сминая подлесок, идут кролики.

Гигантские кролики!

Рыжий, пушистый, со светлыми "очками" вокруг раскосых глаз. Бело-чёрный, мелкопятнистый, один глаз чёрный на чёрном, другой -- чёрный на белом... время послушно растянулось, уважая моё желание разглядеть небывалое чудо.

Кролики!

Кролики!.. белоснежный, наверное, ангорский... с шерстинками метровой длины. серо-голубой с фиолетовым отливом... был бы плюшевым, если бы где-то существовал плюш с ворсом в полметра! И с каждой секундой их становилось всё больше и больше, у меня голова закружилась, а они вдруг начали верещать... вы слышали, как кричат зайцы? Попробуйте представить, что кто-то пытается этот звук наиграть на контрабасе!

Эдик сгрёб меня в охапку и попытался прикрыть от сбежавших из кошмарного сна зверей собственным телом. Я даже почти пришла в себя от горячего чувства благодарности и радости за наконец осмелевшего Эдика, но тут откуда-то сбоку стремительным полупрыжковым бегом высыпали Клюевы во главе с Косичкобородцем и Арсением Михайловичем, и кролик, тот, первый, рыжий, прыгнул... его гигантская туша взвилась вверх с лёгкостью воздушного шарика, и зависла на невероятно долгое мгновение, и Клюевы бросились врассыпную, поняв, что, приземлившись, это чудовище их просто

расплющит. Энди, успевшая намалевать на личике с десяток камуфляжных полосок, припала на одно колено и, залихватски крутанув сразу два пистолета (один вывалился из руки, вывернув девушке пальцы), выстрелила кролику в брюхо.

Я остолбенела, не в состоянии поверить, что всё происходящее перед моими глазами, -- не сон и не бред.

Ещё два или три кролика распластались в прыжках, басовито вереща и дёргая лапищами, и только теперь до меня дошло, что происходит: сосны растут очень близко, а кусты и молодые деревца -- густо, и тела кроликов слишком уж велики для того, чтобы скакать по лесу, не застревая между стволами, а шкуры их чересчур густые для того, чтобы выстрелы в упор из пневматических ружей причиняли ощутимый вред.

Последнее, что я запомнила -- свой собственный, тихий, но очень истерический смех.

Потолок моей комнаты, оклеенный бледно-бежевыми обоями, успел стать родным и привычным для меня за... сколько я здесь живу? Неужели всего-то чуть больше недели?! Всего неделя во Фролищах! А как будто целая жизнь прошла! Я застонала от жгучих мыслей, но те, кто сидели рядом со мной, не поняли, что стон из моей груди исторгнут не физической болью, а душевной, и бросились скорее прикладывать мне мокрую тряпочку на лоб, поправлять подушки, одеяло...

Вяло отмахиваясь плохо слушающимися руками от сердобольных доброжелателей, я наконец сфокусировала взгляд на них и поняла, что вся компания в сборе: Вера, Фил, Гар, а за их спинами -- папа и тётя Валя.

Ещё Вольных Волков сюда, и будет полный комплект.

-- Со мной всё в порядке, -- я постаралась говорить уверенно, но голос был слабым, и это съедало две трети уверенности.

У меня самой, кстати, и съедало...

Решительно стряхнув оцепенение, села на кровати. Мокрая тряпочка сползла по лицу и шмякнулась на ногу. Страхнув её на пол, встала: никому не пришло в голову переодевать меня, поэтому я была готова к бою.

-- Так, -- сказала я, и орда сердобольных дружно отшатнулась. -- Кто-нибудь может рассказать мне, что за мутанты бродят по фролищенским лесам?

Папа с тётей Валею переглянулись и усмехнулись, Гар вскинул бровь и вытянул шею, Вера с Филом моментально залились густой пунцовой краской.

-- Я пойду чайку скипаю, -- сказала тётя Валя и вышла, перепрыгнув чисто символический порог.

-- Угу, -- сказал папа и вышел за нею следом.

-- Э-э... -- беспомощно оглянулся на них Игорь.

-- Ну... -- сказал Фил.

-- Ну... -- повторила Вера.

-- Понятно, -- вздохнула я, и в тот момент мне действительно было понятно, что кролики-гиганты мне не привиделись и некое мутированное зверьё по Фролищенским борам всё же разгуливает.

И тут что-то щёлкнуло и встало на своё место в моей голове.

-- Вера. Фил... вы пахнете в точности как те кролики.

Мои друзья побледнели, а Игорь басовито заржал и получил под дых сразу от меня и от Веры. Чей удар был сильнее, судить не берусь.

Глава девятнадцатая. Встреча.

Игорь стонал и кашлял, пытаясь продышаться, Фил делал вид, что помогает ему

прийти в себя, а на самом деле прятался от нас с Верой.

-- Выйдем? -- спросила Вера.

Я отрицательно покачала головой:

-- Нет. Если у тебя есть какие-то секреты от Гара, тебе придётся с ними расстаться. Я не намерена ничего от него скрывать. И от вас тоже.

-- Ничего? -- как-то слишком уж понимающе усмехнулась Вера.

-- Да, -- кивнула я. -- Ничего, представь себе. Вера.

Она снова усмехнулась. Я тоже.

-- Фил.

Он заискивающе улыбнулся и попытался понадежнее прикрыться Игорем.

-- Гар!

-- Да? -- единственная адекватная реакция меня порадовала.

-- Я -- вампир.

Наученный горьким опытом, Игорь не засмеялся, но выражение лица парня текло и плавилось, словно он собирался сменить разрез глаз и высоту скул путём искривления губ.

А вот братцы-кролики приняли мои слова как должное.

Вера тяжело вздохнула:

-- Вот видишь... никто тебе не поверит.

-- А ты? -- сам собой вырвался у меня вопрос.

-- А я подумаю, -- загадочно усмехнулась культуристка. -- Но давай лучше сейчас оставим этот разговор. С тобой всё в порядке, с... с этим твоим Ключевым тоже. Пойдём лучше пить чай.

Она улыбалась так, что было ясно: больше от неё сейчас ничего не добьёшься. Станный кроличий запах останавливал меня от выбивания или выдавливания признаний путём причинения Захарченко тяжких телесных. Если бы не эта звонко-тревожная нотка сомнений в том, что Вера всего лишь человек, она бы уже лежала на полу, скрученная в крендель.

И мы пошли пить чай.

Почему-то папа и тётя Валя, которые мирно чаёвничали на кухне, испарились, стоило там появиться мне, Гару и сладкой парочке. Может, конечно, совпадение, но кто знает? У меня уже развилась хорошая такая паранойя.

Пока Вера хозяйничала, заваривая и разливая по чашкам чай, пока Фил и Гар пытались то ли помочь ей, то ли переколотить все наши чашки, я сидела, обхватив голову руками.

У меня никогда не возникало потребности думать о чём-либо кроме развлечений и внимания поклонников. Ну разве что ещё о школьных уроках -- изредка. А теперь мне нужно было думать сразу о стольких разных вещах, что мозг закипал от натуги. Как же это всё так складывалось раньше-то, что мама, вроде, и не мешала моей жизни, и не вмешивалась в мои дела, но... ведь как-то же всегда оказывалась рядом, помогала и поддерживала! А я-то думала, что это я сама такая умная и сильная, справлялась со всем самостоятельно. Но, вот, пожалуйста, жизнь закрутилась тугим узелком особо изысканной конфигурации, и только теперь мне стало понятно, как много раньше в моей жизни решалось стараниями мамы!

Но мама в Москве.

А я -- здесь, во Фролищах. Мысли вертелись в голове всё быстрее и быстрее.

А ещё не давал покоя странный-странный запах, словно я принесла ароматы кроликов-гигантов на своих руках -- да, так пахли именно кролики, которые довели меня до истерики в бору.

Так пахла Вера.

И так пах Фил.

Я зарычала, упираясь локтями в стол и пытаюсь выдернуть пряди волос на висках.

-- Что с тобой? -- тревожно завис надо мною Игорь, и огромного труда стоило не отшвырнуть его куда-нибудь далеко-далеко. Например, в сад -- напрямик через распахнутое окошко.

-- Ничего, -- кое-как выдавила я не очень вежливый ответ.

Впрочем, и вопрос был не слишком вежливым.

-- Ничего! -- повторила я уже громче и решила: истерике -- быть!

-- Ничего, совершенно и абсолютно! -- публичные истерики -- моя стихия. Давненько не истерила я при благодарных зрителях! -- Вы все что, меня за идиотку держите? Вам всем что, совсем надоело со мной нормально общаться? Почему никто не может мне спокойно и внятно сказать, кто меня принёс домой? Где меня нашли?! Кто меня нашёл!?

Тишина, послужившая ответом, заставила меня перейти на угрожающее шипение. Я ухватила Игоря за грудки, встряхнула и демонстративно медленно выпустила клыки:

-- Ты видишь, кто я? Ты понимаешь, кто я? Ты понимаешь, что я убью тебя, не задумываясь, если ты будешь скрывать от меня то, что я хочу знать?

Глаза Гара закатились и он, обмякнув, повис безвольной тряпчочкой в моей руке.

Я улыбнулась и небрежно повесила его на спинку стула.

Вера и Фил попробовали передвинуться к двери, но там уже стояла я и злобно скалилась:

-- Что, голубчики? Что, братцы... кролики! Что? Думали, я никогда не пойму, никогда не вспомню? У меня отличная память на запахи!

Фил задрожал, покусывая нижнюю губу, и у Веры вдруг перекошилось лицо:

-- Нет! -- взвизгнула она и, ухватив жениха за шкирку, вышвырнула на улицу через окно.

В саду под окнами на землю упал громадный кролик.

Белоснежный ангорский кролик.

Блин, за что мне всё это?! Не хочу! Хочу любить Эдика. И чтобы он меня любил. А всё остальное по боку...

Взвалив на плечо всё ещё бессознательного Игоря, я на ватных ногах выползла в сад. Меня придерживала под локоток Вера.

Вот и попили чайку.

Вера командовала:

-- Вдох! Вдох! Вдох! Давай!!!

Белый кролик фыркал и прыгал, нелепо кувыркаясь через голову.

Вера командовала снова:

-- Бегом! Бегом! Вдох, вдох, вдох -- давай!

И кролик снова с разбегу кувыркался через голову. Он успел вытоптать приличную "взлётную полосу" вдоль нашего забора, благо, ума хватило покинуть сад, прежде чем начать физкультурные опыты, и почти все папины фрезии, арабисы, львиные зевы, ипомеи, сальвии, клещевины, петунии, агератумы и прочее пахучее и непахучее великолепие осталось в целости и сохранности -- кроме того, на которое приземлился выброшенный из окошка Фил.

Кролик Фил.

Гигантский кролик Фил...

Я меняла моментально нагревающиеся компрессы на лбу Игоря, уложенного на скамеечку. Он стонал, ловил мои руки, пытался их целовать и уговаривал, чтобы его разбудили, но я была непреклонна.

Саму бы кто разбудил.

События последних часов худо-бедно выстроились в ряд, и я удивлялась тому,

что всё случилось не за месяц и даже не за неделю. Ночь и утро! Ой-ёй...

-- Отойди дальше! -- командовала Вера. -- Ещё дальше! Паааабежал! Вдох! Вдох! Вдох! Давай! Дурак! Никогда не научишься... Назад! Ещё дальше! Паааа...

Ба-бах!!!

Звук был такой, словно рухнула крыша дома позади нас. Оглядываться, проверять, всё ли на месте, было страшно. Вера присела на корточки, Игорь, прижимая к груди компресс, ошарашено вертел головой...

Рёв мотоцикла расставил всё на свои места.

Огромное сверкающее чудо, выдержанное строго в чёрно-серебрянных тонах, оглашая окрестности горделивым рёвом, вырулило из-за нашего дома. И вёл его... это мой папа?!

Этот мужчина в чёрном хайратнике с серебристо-белыми скорпионами, кожаной безрукавке, шипастых напульсниках, кожаных брюках и ботинках, зашнурованных чуть ли не до колена...

Мой папа!

Белый кролик громко икнул, нелепо запутался в лапах и рухнул на землю - уже тощеньким юношей Филиппом.

-- Всем привет! -- папа поставил мотоцикл на подножку и подошёл к нам. -- Вижу, вы решили прекратить игру в шпионов и рассказать всё друг другу?

-- Ага... -- выдохнула Вера.

-- Не-а! -- возмутились Фил и я.

-- Ч-ч...че-го? -- прозаикался Игорь.

Папа сел рядом с ним, вовремя ухватив за плечо, иначе бедный Гар задал бы стрекача.

-- Я уж думал, это никогда не случится, и вы так и будете то друг за другом следить, то друг от друга скрываться... ребят, живите дружно. Места в этом мире хватит всем, и оборотням, и вампирам. И людям тоже. Мы же цивилизованные... существа, верно? А теперь... -- он встал, потягиваясь и щурясь от попадающих в глаза лучей. -- А теперь, я думаю, у вас действительно есть, о чём поговорить. Буду к вечеру, -- последнее говорилось уже специально для меня. -- Библиотека закрыта на ремонт, и у меня есть время вспомнить былое. Волки ждут!

Если бы он не был моим отцом, я б в него влюбилась, честное слово! Теперь я понимала, что он имел в виду, говоря: "Карина влюбилась сначала не в меня, а в мой байк и в блеск заклёпок на куртке. А ещё ей нравились мои сапоги." Сама попала под их очарование, этих заклёпок, а эта аура уверенности и мужества, которую папа излучал, как маяк в ночи! Вера томно изогнулась, когда он улыбнулся ей. Подтверждено! Аура действует не только на девочек-вампиров! Я устало плюхнулась на освободившееся рядом с Игорем место.

-- Ну, что? Будем разговаривать, нет?

-- Да чего тут разговаривать? -- Верины руки сыграли мускулатурный аккорд. -- Вы и так всё видели. Мы -- оборотни.

Гар экспрессивно заткнул уши и потряс головой.

Я развела руками:

-- Та сказка была не совсем сказкой?

-- Какая сказка? -- тут же среагировал Игорь.

Это как же надо уши затыкать, чтобы всё слышать?

Вера наихуднейшим образом ухмыльнулась и завела уже знакомым мне "сказительным" голосом:

-- Давным-давно, в те времена, когда посёлка Фролищи ещё не существовало, а на месте Флорищевой пустыни стояла одинокая хатка отшельника, пришли в места эти оборотни. Целая стая! Где проходили они, там оставались мёртвые поселения. Не щадили звери ни малых, ни старых, ни женщин, ни мужчин...

Похоже, она намеревалась пересказать слово в слово всю ту историю, что я уже

однажды слышала у костра.

Ну, ничего... Игорю полезно.

Я обхватила руками колени, подтягивая их к груди. Стало вдруг как-то грустно-грустно, просто нестерпимо.

Ну, оборотни Фил и Вера, и что с того? Я же тоже, в конце-то концов, вампир.

Ну, человек Гар, и хорошо.

А вот Эдик... ну, вампир... но я же тоже...

Люблю я его.

-- А в те дальние времена леса здешние уже были так же густы и высоки, как и теперь! Но только ещё гуще! Ещё выше! И простирались они на много-много дней... -- Вера между тем добралась до своего любимого момента, и голос её зазвенел особым чувством:

-- Дней! Недель! Месяцев пути! Белка! Белка могла, не слезая с дерева! Не слезая с дерева, проскакать! От самого Белого моря! И до Индийского океана!..

Игорь и Филипп слушали, затаив дыхание.

Решив, что моего отсутствия особо никто не заметит, я тихонько двинула назад к дому. Прошла через коридорчик на другую сторону, к улице.

На стоянке для автобусов раскинулся палаточный городок, там в уюте и комфорте суперсовременных палаток отдыхали "эмоби́зы". Они только просыпались, хоть день уже катился к вечеру, потягивались и позёвывали, пошатывались между машинами и палатками, постреливали масляными взглядами в мою сторону. Ага, сейчас, увижу, заценю, растаю. Я поздоровалась с ними всеми разом и проскользнула в сторону Луха.

Всё-таки надо было сосредоточиться. Всё как следует обдумать. Полюбоваться текущей водой и додуматься, как жить дальше.

Фролищи, кролики, сосущий дерево Эдик, Косичкоборонец Акакий, напрягающий уже одним фактом своего существования, всё кружилось внутри головы, ускоряя темп, когда я приняла решение идти к Эдику, а мне навстречу из тени последних перед рекой деревьев шагнул...

Не думала, что господин Акакий столь лёгок на помине.

Он стоял, заложив большие пальцы за ремень шортов, улыбался, и ветер играл божьей коровкой на конце бороды. Какой-то миг мне мерещилась та жуткая вонь, что обычно сопровождала его появления, но пах Акакий классическим вампиром.

Вот оно как.

-- Я убью тебя, -- спокойно и жутко сказал он.

Я прикусила язык и не спросила "за что" или там "зачем", ведь у меня ни на миг не возникало сомнений в намерениях преследующего меня Косичкобородца, но, видно, Мерзлихин прочёл вопрос в моих глазах.

-- Просто так, -- объяснил он, пожимая плечами. -- Хочется. И убью. И тебя, и Эдика. И папу твоего. И маму. Поняла?

Я шагнула назад, он за мной. Я улыбнулась и, наверное, целую минуту мы смотрели друг на друга и улыбались так, что сводило челюсти. Потом он хохотнул, оскалился и набросился на меня.

Ожидая чего-то подобного, я отпрянула с дорожки в кусты, споткнулась о ветки, упала на бок, перевернулась на спину. Акакий прыгнул на меня сверху. Я перекатилась в сторону. Он зарычал, и гулкое эхо потащило утробный рык голодного зверя над рекой.

-- А ну стой! -- ревел Косичкоборонец. -- Всё равно достану! Стой!

Мельком подумав, что можно было бы и ответить что-нибудь вроде "так достань же меня, подлый кто-нибудь там", я не стала тратить дыхание на слова, побежала к реке и вдоль неё, в ту сторону, которую Вера обозначала, как охотничьи уголья оборотней. В ушах шумел ветер, от стремительных прыжков Акакия содрогалась земля у меня под ногами, и липкий, холодный ужас расплетал щупальца внизу живота.

-- Всё равно поймаю! Всё равно убью! И тебя убью! -- Косичкоборонец кричал мне вслед, и было заметно, что он всё-таки отстаёт. -- И тебя! И этого Клюева! Убью!

Даже не знала, что умею бегать настолько быстро! Песок и хвоя летели во все стороны, когда без разбегу перескакивала через сосновый молодняк и выгоревшие на солнце кустики.

-- Убью-у-ааау-ай-йииии...

Оглянувшись, я даже на миг остановилась: Акакий Мерзлихин, видимо, не рассчитал высоту очередного прыжка, и уж не знаю, приложился он чем-то о макушку молодой сосенки или запутался ногами в кустах, уже потом с размаху ляпнулся, но сидел теперь на земле, согнувшись в три погибели, и подвывал не своим голосом.

Он дрогнул, и я помчалась дальше. С него станется прикинуться! А вдруг это всё напускное, и он меня заманивает в ловушку? По широкой дуге я летела к себе домой.

Возле моего дома Вера с Филом больше не сидели. Я взлетела наверх, схватила свой сотовый, тут же набрала маму, но её телефон не отвечал. Папин тоже подозрительно молчал. Тогда я побежала дальше, искать братьев-кроликов.

У дома Игоря их тоже не было. В саду у Захарченко тётя Валя весело напевала какую-то песенку без слов и скакала с лейками вокруг сохнувших на грядках помидоров.

-- А где моих потеряла? -- спросила она меня, но тут же заметила, что я никак не могу отдышаться.

-- Что случилось?

Она поставила лейку, вытерла руки одну о другую и подошла ко мне ближе.

-- Что случилось, Надя? На тебе лица просто нет!

Ну да, а куда ж оно делось, если его нет на мне...

-- Меня... меня сейчас...

Дыхание никак не восстанавливалось. Тётя Валя провела рукой по моей спине, и, странное дело, следующий вдох принёс успокоение.

-- Меня только что чуть не убили! -- выпалила я, и то, что тётя Валя тут же приняла боевую стойку, не удивило и не вызвало ни тени улыбки.

Она пригнулась, плавно перетекая на полусогнутых ногах вдоль грядки, и скалила зубы. Интересно, каким она будет кроликом?

-- Вампиры! -- вынесла Захарченко свой вердикт.

-- Ага, -- выдохнула я, упираясь ладонями в колени. -- Акакий Мерзлихин.

-- Понятно. Я предчувствовала, что наша спокойная жизнь подходит к концу, -- непривычная суровость в голосе мягкой и ласковой тёти Вали пробирала до слёз.

-- Всё из-за меня...

-- Нет. Из-за Карины, матери твоей.

-- Не поняла, -- выпрямилась я в полный рост.

-- А и понимать тут нечего, -- отрезала Захарченко. -- Вот увидишь, этот Акакий наведёт тут шороху. Он действительно может тебя убить, Надя, и поэтому я даю тебе слово: наша община сделает всё, чтобы защитить тебя. Не останется без защиты твой папа. Хмм... да, и Карину мы тоже... оградим. Если сможем. Но я же по лицу вижу, о чём ты хочешь просить!

И чего это сегодня все взялись читать мои вопросы и просьбы по лицу? Кстати, только что тётя Вале вообще показалось, что его у меня нет!

-- Ты же хочешь попросить меня, чтоб мы защитили и спасли твоего Эдуарда.

Она не спрашивала, но я всё-таки отозвалась:

-- Да. И, если это только можно...

-- Нельзя, -- перебила тётя Валя. -- Ни его, ни кого либо из... Ключевых. В общем, иди в дом, подожди, я полью...

-- Давайте я вам помогу, -- не удержалась я, хоть и не испытывала особого желания таскать лейки.

-- Нет уж. Иди в дом.

Глава двадцатая. Ждать почти не приходится.

Похоже, во Фролищах большинство домов строились по одному плану. По крайней мере, у Захарченко был такой же, как у нас, коридор -- сквозной, прямо с улицы и в сад, такая же кухонька, зал на первом этаже, лестница на второй этаж. Аккуратно прикрыв за собой дверь, я даже не стала задумываться о том, что и как делать дальше, а просто прошла на улицу и направилась в сторону дома Эдика.

Вот ещё! Ждать тётю Валю и её защиту! Тем более, она же ясно дала понять: Эдику придётся как-то отбиваться самому.

А разве я могу позволить, чтобы мой любимый... я же даже не знаю, что с ним сейчас! Вот мама -- она в Москве. Папа -- он с Вольными Волками. А Эдик -- один на один с "другом семьи".

Ноги жалобно заныли, когда я снова перешла на бег.

Теперь я не ловила в воздухе дикую вонь, знала, что её может и не быть.

Едва замаячили вдалеке изящные башенки дома Клюевых, ноги перестали жаловаться и сами понесли в два раза быстрее. С разбегу перемахнув забор, успела только удивиться тому, что сад, кажется, снова стал другим. А сама уже швыряла камешек в окошко пятого этажа...

Когда меня со спины кто-то страстно обхватил поперёк тела, я сначала огрела насильника по шее, а потом уже попросила прощения у своего любимого. Так настроилась на то, что он у себя в комнате, что даже не признала по запаху.

-- Да ничего, ничего! -- уверял меня Эдик, потирая шею и плечо. -- Ничего страшного, не, не сильно, что ты! Я очень рад тебя видеть, я уже хотел к тебе идти!

Я вцепилась в него, как клещ. Повисла на нём.

Он был живым.

Живым, тёплым, ароматным, умопомрачительно влекущим и таким настоящим, что просто дух захватывало. В его тёмных глазах светилась такая нежность, такая страсть таилась в чувственном изгибе губ, что я чуть не забыла, зачем пришла к нему.

-- Эдик, он хочет нас убить!

-- Знаю, -- мой возлюбленный обнял меня ещё крепче, чем я его. -- Знаю. Но я ему не позволю.

Прерывисто вздохнув, я уткнулась в его плечо. Ещё одно мгновение в копилку тех, в которых хотелось бы пребывать вечно.

-- Эдик!..

Так хотелось сказать ему о том, как сильно я его люблю, как меня перехлёстывает через край это мощное чувство, как каждый мой вдох, каждый выдох наполняют меня ещё большей любовью, хотя казалось бы, что это уже просто невозможно...

-- Эдик, давай найдём моего папу... -- прошептала я.

Кажется, он ждал несколько иных слов.

-- Надо... доз... вонить... ся... маме!

Не менее десятка попыток позвонить маме наткнулись на безразличное сообщение о том, что телефон абонента вне зоны доступа либо отключен.

Мы решили не брать Эдиков мотоцикл и наперегонки мчались по лесу, стараясь шуметь как можно меньше и вслушиваясь в природу. Где-то должны были послышаться звуки моторов -- или звуки отдыхающей компании байкеров.

-- Сна... чала... па... пу! -- выдохнул Эдик, и мы продолжили свой стремительный бег.

Сперва мы пытались найти следы папиного байка, но потеряли их на грунтовой дороге, едва-едва отойдя от дома. Потом пытались выслушать, откуда зазвучат моторы... но

кто их знает, этих байкеров, куда понесёт вольный ветер? Потом снова учуяли ароматы мотоциклов -- папиного и прочих -- на дороге, ведущей к Еловому, ещё одному здешнему озеру, до которого мы с Эдиком так и не успели добраться. Мой любимый сказал, что знает, как срезать путь, и вот мы бежали, прыгая через кусты и корни.

Что за день сегодня? Сплошная беготня да прыжки!

Временами мы поглядывали друг на друга. У кого хватит сил и смелости остановиться и, наконец, наплевав на возможность скорой гибели -- откуда мы знаем, что там задумал косичкобородый монстр со своими друзьями, не идут ли они за нами попятам -- дать волю чувствам?

Первым сдался Эдик. Помня о том, что нападения со спины чреваты последствиями, он обогнал меня, остановился. Я подошла к нему ближе.

Ещё ближе.

Мы целовались, забыв обо всём на свете, и, если бы вдруг этот момент стал последним в нашей жизни, боюсь, мы бы и не заметили, настолько глубоко погрузились в собственные чувства и ощущения. Мои руки блуждали по его телу, его руки ласково и бережно исследовали моё, мы привалились к сосне, капли смолы, чешуйки коры, пружинящее покачивание... оказалось, что оторваться друг от друга не менее сложно, чем признать за собой право на поцелуй.

-- Еловое там, -- махнул Эдик рукой.

-- Знаю, -- кивнула я. -- Принюхайся, пахнет водой.

Мой любимый старательно втягивал воздух, то носом, то ртом, и, похоже, ничего не чувствовал, только не сознавался.

Да, похоже, нюх у растительных вампиров, или, по крайней мере, персонально у Эдика, слабее, чем у меня.

Я так хотела, и стало так.

Вольные Волки разбили лагерь на берегах Елового. Ну, это, конечно, сильно сказано -- лагерь. Сосны и ели вращались едва ли не в самую воду. Мотоциклы стояли среди них вертикально, опираясь на крутые склоны берега. У кромки воды на большом бревне сидели в ряд мой папа, Анчоус, Борода, Вулф и Мэйсон.

В руках у папы и Мэйсона были удочки.

Эдик неожиданно громко захохотал, и сразу четыре страстных "чшш!" заставили его резко умолкнуть, зажав рот руками. Я-то успела зажать раньше, чем засмеялась, поэтому моё приглушённое мычание Волки проигнорировали.

-- Как улов? -- вежливо поинтересовались мы.

-- Плохо, -- хором ответили байкеры.

Не то, чтоб не поверила, просто любопытство выиграло, и я сунула нос в обрезанную пластиковую пятилитровку, служившую контейнером для улова.

На дне лежала маленькая, если не сказать, крохотная рыбка. Анчоус и то крупнее грызёт.

-- В прошлый раз, когда я тут днём рыбачил, -- чуть виноватым тоном пояснил папа, -- у меня был ого-го какой улов, мы потом с Валею дома взвесили, так четыре килограмма получилось, и это за один час рыбалки! А сегодня что-то не идёт...

Сосны справа, ели слева, лёгкая рябь по воде, отражения прозрачных облаков в прозрачной воде и четыре сосредоточенных затылка над двумя неподвижными поплавками настраивали на умиротворённый лад, и предупреждение об опасности прозвучало из моих уст очень спокойно и совсем нестрашно.

-- Па, тут на тебя будет охотиться один вампир...

Байкеры захохотали, и хоровое "бу-га-га" пошло гулять от ёлок до сосен. Конечно, этот смех рыбу распугать не мог.

Папа ещё более виноватым тоном объяснил:

-- Надь, ну ты понимаешь, это же не... не для всех понятно, да?

Я поджала губы:

-- Понимаю, но я серьёзно. Он действительно будет охотиться.

-- Кто? -- спросил, морща лоб, Вулф.

-- Вампир, -- внятно, с чёткой артикуляцией выговорила я это слово и медленно выдвинула клыки.

Эдик рядышком тяжело вздохнул и тоже улыбнулся по-особенному. У него было четыре пары клыков, две как у меня, поближе к резцам, длинные, чуть выступающие вперёд, и две по бокам, покороче.

Он был божественно красив.

И тут случилось то, чего я ждала давно и уже почти безнадежно: байкеры дружно помянули чьих-то матерей и виртуозно развили тему! Эдик невольно заслушался, да и я тоже.

-- Хватит! -- сопроводив слова властным мановением руки, папа оборвал словоизвержение.

Вольным Волкам словно выключили звук: они продолжали шевелить губами, но мы больше ничего не слышали.

-- Так-то лучше.

Папа скрестил руки на груди, гордо откинув голову:

-- Примите как данность! Вампиры -- существуют, оборотни -- существуют, и те парень с девушкой на "Крыльях" не были вашим пьяным бредом или глюками от дыма соседского костра!

Судя по тому, как запереглядывались байкеры, им уже доводилось видеть то ли вампиров, то ли оборотней. Кто его знает, кого и на что разобрало там, на фестивале...

-- Э... ты, выходит, и тогда знал? -- осторожно поинтересовался Мейсон.

Папа молча отвернулся.

-- Это что ж тогда получается? -- Борода в две пятерни принялся наводить причёску в бороде.

-- Получается, что вам надо быть осторожнее, -- спрятала я клыки.

-- Ну... осина... святая вода, серебро... -- забормотал Мейсон.

-- Нет, нет, -- одновременно среагировали я и Эдик.

-- Это всё предрассудки, -- развёл руками папа. -- Увы. Так, конечно, было бы проще, но увы. Вампиры -- очень быстрые, очень сильные и очень умные, поэтому и навывдумывали о себе небылиц, для успокоения общественности. Должны же люди не чувствовать себя совсем беспомощными перед лицом опасности. И... Надя, ты уверена, что он будет охотиться именно на меня?

-- Э... -- моей короткой запинки хватило для того, чтобы он просто взорвался:

-- И ты! Ты идёшь по лесу, одна, чтобы предупредить меня?! Когда тебе самой грозит опасность!

-- Она не одна...-- попытался робко вставить Эдик, но папа его словно и не услышал вовсе.

-- Вместо того, чтобы позвонить мне или маме!

-- Так у мамы не отвечает! И у тебя не берёт!

-- А Захарченко? А Широковы? Вы же вместе были все! Надеюсь, тебе известно, что они... способны помочь тебе?

-- Да известно, -- отмахнулась я. -- Но пойми ж ты! Тётя Валя сказала, что тебе и маме поможет, а Эдику -- нет!

В ответ папа глухо зарычал.

Да, из него получился бы просто шикарный вампир. Или, на худой конец, оборотень.

-- Пап... ну ты пойми... я... я же не могла, ну...

-- Понимаю, -- обнял он меня за плечи. -- Рыбалка окончена. Рыбу купим в военторге. Сматываем удочки и... ты поедешь со мной, а Эдик...

Вольные Волки дружно шагнули назад, приклеившись взглядами к плотно сомкнутым губам Эдика. Очевидно, живенько так припомнили божественную улыбку моего возлюбленного.

-- Да ладно, пап, мы пешком прогуляемся рядом с вами, всё равно вы тут большую скорость не разовьёте...

-- Ну ладно, -- согласился он после некоторого раздумья. -- Только чтобы в поле моего зрения, ясно?

-- Ага!

-- Хорошо!

Мы с Эдиком взяли за руки и терпеливо ждали, пока байкеры соберут свои вещи и приторчат к сёдлам удочки и сумки. Обрезанную пластиковую бутылку они совсем уже, было, вознамерились оставить на память о рыбалке возле бревна, но под моим тяжёлым взглядом Борода уложил её в одну из сумок.

Папа управился одним из первых, и теперь мы тихо переговаривались:

-- Ты звонила маме?

-- Да, говорю же, у неё не отвечает.

-- Странно... я тоже уже позвонил, телефон отключен.

-- Вот и я о том же... пап...

-- Да?

-- Скажи. Как ты думаешь. С ней... ничего...

-- С ней всё в порядке, вот увидишь, дочь. Твоя мама не из тех, кого... кому можно легко навредить.

-- Но я всё равно...

-- Успокойся, всё будет хорошо.

Успокаивая меня, сам он слишком уж нервно оглядывался.

-- А что за вампир? Я его знаю?

Мой папа, действительно, был знаком с несколькими московскими вампирами.

-- Не... Я сама его не знала, увидела первый раз в поезде, когда сюда ехала. Он такой противный! Такой вонючий!

-- Это у него такой дезодорант, -- вклинился в беседу Эдик. -- Он мне уже похвалился, что долго подбирал аромат, заглушающий его вампирский запах, и теперь всегда, когда хочет сбить с толку своих собратьев, пользуется им сам и друзьям тоже даёт.

-- Другам? -- мгновенно среагировал папа.

-- Н-ну... да. Он тут с товарищами, -- преувеличенно бодро ответила я, и папа понятливо так усмехнулся.

-- Ясно, и ты отправилась одна... хорошо, не одна, но с травоядным юнцом по лесу на поиски меня?

-- Так ведь твой телефон молчал!

-- Но ты же знала, что я не один!

-- Но они же всего лишь люди! А я и Эдик...

-- Ты -- может быть, но не Эдик!

Это прозвучало слишком уж резко, на мой взгляд.

-- Извините, пожалуйста, но что вы имеете против меня? -- мой любимый хоть и покраснел до корней волос, а в голосе звучала похвальная твёрдость.

-- Против тебя, лично и персонально, ничего совершенно, -- покаянно вздохнул папа. -- Но, пойми, травоядные вампиры слабее обычных. И, если я ещё верю в то, что Надя может справиться... а лучше удрать от одного или нескольких своих диких сородичей, или не диких, а просто сумасшедших, то твои возможности для меня под большим знаком вопроса.

-- Вы так хорошо разбираетесь в вампирах, -- осторожно польстил Эдик будущему тестю.

Я покрепче сжала его пальцы своими.

Папа кивнул:

-- Что поделать! Приходится. Ну что, все готовы? Тогда по коням! И домой...

Дорога до дома, как всегда, показалась стократ короче, но возле самого порога нервы ощутило тряхнуло: в окнах кухни горел свет.

Ни я, ни, похоже, папа не подумали о самом очевидном -- о том, что в доме может быть тётя Валя.

Зато всем, разом, примерещились враги и оккупанты. Я и Эдик крадучись пошли по ступенькам в дом, папа и Мейсон скользнули к окну...

-- Мама! -- радостно взвыла я, едва учуяв родной аромат и ураганом влетела на кухню. -- Mamочka! Ты жива!!!

От неожиданности мама уронила чашку с кипятком почти на тётю Валью -- та еле успела вовремя отпрыгнуть. Я перехватила чашку (уже без кипятка) за миллиметр от пола и тут же кинулась на шею к маме, мысленно восхваляя всех богов, в которых не верила, за то, что с моей единственной, любимой, горячо обожаемой мамочкой всё в порядке... по меньшей мере, визуально!

Сказать, что такое бурное проявление чувств удивило её -- значит, ничего не сказать. Она пыталась справиться с шоком, осторожно глядя меня по голове. Медленно, по одному, на кухню проходили Вольные Волки, папа, Эдик, все здоровались с мамой, рассаживались, стульев на всех, разумеется, не хватало, и тётя Валя поскакала за недостающими в зал, прихватив с собой моего любимого.

Когда все, наконец, расселись, мама тряхнула тёмными кудрями:

-- Что ж, думаю, пришла пора объяснить причину моего появления здесь. Вы ведь все хотите знать, каким ветром сюда занесло ещё одну столичную штучку? Ах, да, ведь не все со мной знакомы... Карина Леонидовна Лебедева, к вашим услугам.

Из всех присутствующих не был знаком с мамой только Эдик.

-- Так вот. Вчера мне приснился очень интересный сон. Я такие называю вещими. Мне приснилось, что один из моих бывших, пару раз уже пытавшийся мне угрожать, если я не сойду с ним, решил взять в заложницы моих бывшего мужа и дочку.

Похоже, день чтения по лицам продолжался. К тому же, я, видя присутствующих, поняла, что тоже умею так читать.

-- А-га, ага, значит, я вовремя успела, -- удовлетворённо замурлыкала мама. -- Ну, Акакий, держись!

Глава двадцать первая. СМС-ка.

Мама мурлыкала и облизывалась, скребла идеально-ровными ногтями столешницу, оставляя глубокие борозды и производя, на изумление Волкам, длинные завитые стружки.

Я могла бы показать в точности такой же фокус, но мои ногти были не такими ухоженными и красивыми, как мамины.

Папа с прищуром смотрел, как наблюдает за появлением стружек тётя Валя.

-- Сейчас я настроюсь, -- гнетущим тоном пообещала мама, -- и пойду искать Акакия.

-- Да что его искать! -- вскинулась я. -- Он живёт у Клюевых, потому что друг семьи.

-- Ага, ага... -- томно протянула мама, гипнотизируя Эдика, которому, похоже, очень захотелось спрятаться под стол. -- Значит, мы пойдём в лес... выберем местечко поинтереснее... кажется, где-то здесь неподалёку у них были руины какого-то завода, м-м-м... очаровательнейшее место, да!.. Мы пойдём туда, а Эдик сбегает и позовёт друга своей семьи, правда же, Эдик, ты позовёшь? Мрр?

-- Мама, Косич... э... Акакий, он сказал, что и Эдика убьёт тоже.

-- Ах, какая незадача! -- пропела мама. -- Значит, я сама пойду к другу Акашеньке и вызову на беседу... а вы, если хотите, можете быть зрителями! Я устрою ему мастер-класс по разделыванию о-у-вэ!

-- Разделыванию кого? -- переспросил папа.

-- Особо умных вампиров! -- горячо воскликнула мама и вскочила, вздевая руки к потолку. -- Теоретическую часть я прочитаю прямо сейчас! Особо умных вампиров сначала ловят, потом связывают, а потом распиливают тупой ножовкой на ломти толщиной по полсантиметра!

-- И зачем так тонко? -- усмехнулся папа.

-- Для моего пущего удовольствия!

Кроме папы и меня никто больше не засмеялся и даже не улыбнулся.

-- Ладно, -- папа, отсмеявшись, тоже встал. -- А теперь давайте чай пить, по случаю приезда Карины. Я как раз вчера прикупил торт, как знал, хоть мне никаких снов провидческих не снилось...

Все дружно одобрили идею торта с чаем. Очевидно, не у меня одной всё происходящее не желало укладываться в голове.

Особенный энтузиазм исходил от Эдика. Конечно, будущий тесть его, вроде, уже принял, осталось заслужить одобрение будущей тётки. Эдика сразу стало много, он мыл чашки, ставил на стол, мыл-протира-подавал тарелки, открывал-разрезал-раздавал торт... а у меня в кармане вибрировал смс-кой телефон.

Я аккуратно вытянула его и посмотрела на номер. Незнакомый. Так, а теперь текст... да тут целая поэма!

"Наденька! Мы с тобой пока ещё не знакомы, но знай, я люблю твою маму больше своей жизни, и то, что она не берёт трубку, доводит меня до иступления! Мне не мила жизнь, в которой её нет рядом со мной! Если только она рядом с тобой, передай, что один короткий звонок вынет меня из петли. Я не могу больше так жить и скоро повешусь. Я не шучу. Дядя Серёжа."

Ого!

Я молча передала телефон маме.

Она быстро пробежала текст послания взглядом и демонически расхохоталась. Эдик постарался скрыться за холодильником, тётя Валя тепло улыбнулась, а Волки, похоже, получали чисто эстетическое наслаждение, наблюдая за моей мамой. Она была прекрасна в гневе! Одёрнув рукавички белой блузки, вышитой голубыми анютиными глазками, мама уложила перед собой мой телефон, потом свой. Произвела некоторые действия с обоими, потом мой отодвинула ко мне (я тут же спрятала его назад, в карман) и изящно нажала пару кнопок на своём.

Рыдающий мужской голос заполнил собой всю кухню:

-- Кариночка! Девочка моя любимая! Ты здесь, ты со мной! Я уже снимаю петлю, я уже слезаю с табуретки, я уже... -- кряхтенье и грохот, приглушённая ругань, -- я уже... практически... слез, уфф...

-- Серёжа, что за истерики? -- с непередаваемой обволакивающей лентой в голосе ласково поинтересовалась мама. -- Что ты там себе напридумывал?

-- Что ты меня больше не любишь, дорогая моя, свет очей моих, прохлада моего сердца! Скажи же мне, скажи же, что ты любишь! Что вернёшься ко мне и будешь всегда со мной, до конца дней наших!..

-- Он знает, что ты вампир? -- одними губами спросил папа, и мама скривилась, качая головой.

Теперь смеялись все, стараясь не попадать в эфир "громкой связи".

-- Серёжа, что ты такое говоришь? -- продолжала мама сеанс бесконтактного гипноза. -- Конечно, я вернусь к тебе! Но сейчас -- не могу, ты понимаешь?

-- Кариночка! Я понимаю! Я готов ждать тебя целую вечность, лишь бы ты хотя

бы раз в день принимала мои звонки! А лучше чаще! А лучше всегда, когда я хочу позвонить тебе, обещаю, я не надоем тебе звонками! Но скажи же мне, скажи же мне честно, ты больше ничего от меня не скрываешь? Я могу быть уверен в том, что там, в этих Фру... Фре... Фра...

-- Фролищах, -- подсказала мама.

-- В этих твоих Фролищах тебя ждёт только дочка? Что ты не поехала, чтобы вернуться к своему бывшему мужу? Кариночка! -- в голосе прорезалась такая дикая на фоне общих слёз требовательность, что мама вздохнула:

-- Ну конечно, ты можешь быть в этом уверен.

-- Кариночка, дай мне слово!

-- Слово.

-- Кариночка, поклянись!

-- Клянусь.

-- Кариночка, поклянись вечным покоем твоей мамочки!

-- Серёжа!

-- Да?

-- Если ты немедленно не заткнёшься, я к тебе никогда не вернусь.

Долгая пауза прерывалась только нервной икотой слушателей.

-- Да, Кариночка, хорошо, Кариночка, я всё понял, Кариночка, спасибо тебе, душа моя, спасибо большое, за то, что ты у меня есть! Всё, я уже исчезаю, скажи только, когда я смогу тебя снова услышать?

Мама окинула нас страдальческим взглядом и устало проговорила:

-- Я скоро позвоню тебе.

-- О, любовь моя! Я буду ждать твоего звонка! Я дождусь твоего звонка! Я...

-- До свидания, Серёжа.

-- До свидания, любовь моя! Дево...

Мама отключила телефон и небрежно сгребла его со стола в сумку.

-- Мой нынешний, -- пояснила она, и мне показалось, что я даже понимаю, откуда эта печаль в голосе.

Все дружно посмеялись над истерикой "нынешнего" моей мамы, приступили к чаепитию. Очень скоро беседа, посвящённая воспоминаниям о прошлом и планам на будущее объединила всех... и только мне что-то становилось всё грустнее с каждой минутой.

Чувство было такое, словно надвигалось нечто неотвратимое, очень плохое, избежать которого мне -- да, лично мне! -- не удастся, и из-за меня всё пойдёт наперекосяк...

Мама уже отошла после разговора с дядей Серёжей -- интересно, узнала бы я хотя бы как его зовут, если б он не отыскал где-то мой номер телефона? Она ведь привыкла скрывать от меня подробности своей личной жизни! Даже просила пару раз называть Кариной, а не мамой, когда к нам приходили гости.

Снова завибрировал мой телефон. Ещё одна смс-ка? Неужели дядя Серёжа ещё не всё сказал?

Номер снова был незнакомым. Я усмехнулась. А что, с мамы стало бы завести пару-тройку "нынешних" одновременно!

Открыв послание, я наскоро прицепила на лицо улыбку, чтобы не выбиваться из общей массы сидящих за столом, а потом бочком, осторожненько выбралась к дверям.

-- Надя? -- спросили разом мама, папа и Эдик, и я ответила неопределённым жестом, означавшим, что у меня появилось экстренное дело в уборной.

Родители и любовь всей моей жизни вернулись к рассказу Вулфа и Анчоуса о том, как они вспоминали, получив моё приглашение, те ли это самые Фролищи, куда удалился от жизни мирской их друг и вожак Скорпион.

В темноте коридора белые на чёрном буквы смс-ки смотрелись особенно зловеще: "Надя! Это я. Я жду тебя у руин ЛПК, уверен, знаешь где это. Поверь, если ты придёшь сама, всем будет лучше и тол под вашим домом так и не взорвётся. А если мы заметим, что вы покидаете уютное гнёздышко, выпорхнете все разом на тот свет."

Естественно, подписи не было, зато телефон смердел жутко. Именно эта вонь маскировала запахи вампира Акакия, превращая его в монстра Косичкобородца.

Весёлые голоса Эдика, мамы, папы, тёти Вали, Волков были слышны так, словно я и не выходила из-за стола. Чего мне стоило вернуться, объяснить им, что к чему...

"А если мы заметим, что вы покидаете уютное гнёздышко..."

Нет.

Я зло стукнула ладонью о ладонь.

Ну почему всё должно было случиться так? Где я допустила ошибку? Слёзы подкатили, сжали горло тугой удавкой.

Я выскользнула из дома. Солнце уже спряталось за горизонт... и когда это успел закончиться этот бесконечный день суматохи и беготни?

Итак...последняя "пробежка" на сегодня.

А может быть, и вообще, на всегда.

Я решительно пошла в ту сторону, где были развалины комбината, не оглядываясь на дом.

Глава двадцать вторая. Игра в кошки-кролики.

Чем дальше я отходила от дома, тем сильнее было желание оглянуться, а потом и вовсе, развернуться и побежать домой...

...и взлететь на воздух вместе с мамой, папой, Эдиком и ни в чём не повинными Волками и тётей Валеями. У меня ни на минуту не возникло сомнений в том, что угрозы Акакия были реальными. Слишком уж лопоухо я себя вела в последние дни.

Ноги словно сами забирали по дуге, чтоб я вернулась, развернулась, побежала, ворвалась домой, обняла их всех...

Какой эгоизм!

Я ругала саму себя вполголоса, подгоняя, заставляя идти быстрее, но ноги, поняв, что отнести меня домой им не позволено, еле-еле переставлялись маленькими шажочками.

Ни мои ноги, ни я не сомневались в том, что Косичкобородый монстр решил устроить для меня что-то вроде обещанной мамой "показательной разделки".

Сумерки растекались по лесу. Сосны гудели над головой, словно пытались мне что-то сказать напоследок.

Так глупо... так бездарно заканчивалась моя коротенькая жизнь. Что хорошего я успела сделать? Недолго порадовать своим присутствием в этом мире родителей? Ага, и подкинуть им столько огорчений, да ещё и ранний уход из жизни. Круто! Ну-ка, кто ещё может похвастать, что в семнадцать лет был убит маньяком? Да ещё и как раз тогда, когда только-только, какие-то жалкие дней пять назад влюбился?!

Да никто! Только я с моим диким неменяемым счастьем.

Маме и папе будет больно, когда меня не станет.

А Эдик...

Уж лучше бы я его укусила. Хоть узнала бы, каков он на вкус.

Мысли путались. Подумать только, ведь это вовсе не случайно Косичкобородец ехал сюда в одном со мной поезде! Оказывается, Захарченко угадала, что виновата во всём моя мама -- и её отказ! Рыженькая жиденькая бородёнка и водянистый взгляд Акакия... да я ни на миг не осудила маму!

Становилось всё темнее. Шуршала жёсткая трава под ногами, так спокойно, так сладко стрекотали кузнечики... или это цикады, что ли...

И Эдик, Эдик!

Я всё-таки не удержалась, расплакалась. Что там, разрыдалась, как дошколёнок,

которому сказали, что на самом деле Дедушки Мороза не существует, и подарка он на Новый год не получит.

Как же хотелось, чтоб меня кто-нибудь остановил! Чтобы встретился кто-то знакомый, ну хоть из местных девчонок, что ли, а лучше из здешних кроликов! Чтоб всё решилось как-нибудь... без моей смерти. И чтобы все были живы, здоровы, счастливы...

И Эдик! Эдик...

Мысли вились, как комарьё над головой. Если от насекомых можно было отмахнуться... и то они тут же возвращались на те места, с которых их согнали, то что уж говорить о мыслях. Кое-как успокоившись, я медленно поплелась дальше, поминутно вовсе останавливаясь. Подгоняла только мысль о том, что Косичкоборodeц не станет ждать меня до утра.

А таким темпом я и к следующему вечеру до руин не доползу.

А быстрее идти не получается.

Я поняла, что всё ещё всхлипываю, и попыталась успокоиться попрочнее. Вместо этого начала хлюпать громче.

Ну же!

Я же решила, что сделаю это. И где она, моя решимость?

Перестав плакать, поняла, что теперь меня трясёт, как при высокой температуре. Аж зубы стучат.

Зато мысли перестали вихриться, и в голове воцарилась тишина. Не успела обрадоваться, как рядом со мной раздался смех.

Мужской и довольно-таки приятный, хоть и до костей пробирающий тихий хохот.

Ну вот и всё.

-- И ещё раз здравствуй, -- сказал Косичкоборodeц. -- Вот видите, а вы не верили. Манипулировать легко и просто, причём не только людьми. Вот перед вами классический образец вампира. Умной и даже местами сообразительной маленькой вампирески. Видите, она свято верит в то, что пришла спасать свою любимую мамулечку. Хнык! Так трогательно!

Он хотел взять меня за подбородок. Я отшатнулась, чтобы не дать ему коснуться себя.

-- Ну-ну, -- кивнул он задумчиво. -- Ну-ну.

Вздохом ветра принесло запахи других вампиров, да и сами они не заставили себя долго ждать.

Две высокие тени отделились от сосновых стволов и в неверном сумрачном свете превратились в двух мужчин. В одном из них я узнала того белобрысого, что появлялся в моём окне. Он выглядел чем-то сильно озабоченным, зато второй улыбался, как и Мерзлихин, и подошёл близко-близко.

Во мне проснулось что-то вроде гордости. Я с вызовом встретила насмешливый взгляд высокого вампира, и тот предпочёл отступить на одну линию с Акакием.

Скорее бы уже начинал убивать, что ли.

Тем временем из сгущающихся теней вышли ещё четверо мужчин. В слабом сумеречном свете их зрачки отсвечивали алым. Я шагнула назад, упёрлась спиной в сосновый ствол.

Вот те на. Мерзлихин что, решил устраивать большой цирк? Или...

Н-да. Никаких путных мыслей на ум не приходило.

А к уже присутствующим вампирам присоединились ещё восемь.

Ничего себе прогрессия! Арифметическая...

-- Вижу, ты боишься, Надя, боишься... а ведь мы оставим тебя в живых! Есть только одно маленькое такое условие: ты сейчас позвонишь своей мамулечке и скажешь ей, что дядя Ака ещё не передумал тебя убивать... и их взрывать он тоже не передумал. Но в её силах всё изменить. Если она немедленно, слышишь, немедленно придёт сюда... одна и

останется со мной навсегда -- отпущу и тебя, и этих дебилов на мотоциклах.

Да, что-то в этом роде я и предполагала.

-- Ну? Кого ждём?

Медленно, как в замедленной съёмке, я потянулась за телефоном.

Кольцо горящих глаз смыкалось вокруг меня.

-- Ну?

Это было наитие чистейшей воды. Я зажмурилась и почти не дрожащим голосом проговорила:

-- Сначала позвонишь ты и прикажешь тем, кто следит за домом, чтобы они ушли.

-- Что?!

Похоже, он действительно не понял.

-- По-моему, наша жертва ставит нам встречное условие! -- прошипела одна из красноглазых теней.

-- Дайте-ка я с ней поговорю, вот увидите, запоёт по-другому! -- подхватил кто-то ещё, и вампиры заволновались. Один за другим они шипели и выкрикивали угрозы.

Акакий царственно взмахнул рукой, и все умолкли.

Я, успев набраться смелости и выровнять дыхание, опередила его, и голос мой прозвучал требовательно и звонко:

-- Позвони тем, кто сторожит дом! Прикажи им... зайти в дом! И сказать, кто они! И потом я позвоню маме и скажу ей то, о чём просишь ты!

Конечно, я понимала, что при таком количестве дружков и приспешников Акакий может и не посчитаться с жизнями пары-тройки из них. Но очень сильно понадеялась на то, что в присутствии пятнадцати дрожащих от возбуждения вампиров Косичкобородец не рискнёт объяснять им, что они гибнут во благо воссоединения своего предводителя с любимой женщиной.

Стрекотали цикады, шумели сосны, вторили им вампиры, а раздумья Мерзлихина затягивались непозволительно долго.

-- Ну? -- настала моя пора подгонять. -- Я могу даже одолжить телефон, звони!

-- Да убей её!

-- Дай я покажу ей, что такое настоящая боль!

-- Нет, я! Нет, я! Дайте я ей покажу!

-- Куда лезешь, я вообще первым пришёл!

-- А я с ней ещё в поезде ехал!

-- Ну вы ещё лотерею устройте!

-- Меня, меня пустите!

-- Да пустите же!

Алый огонь в глазах Акакия угасал.

Я видела, что ему очень хочется убить и меня, и своих друзей, но он, далеко не глупый дядька, понимал, что я ему всё ещё полезна, а друзья... одно дело, две-три потери, но сразу пятнадцать -- это уже чересчур.

Я улыбнулась и протянула ему телефон.

Он выхватил его, даже слегка оцарапав мои пальцы.

С ожесточением выстукал номер. Надо же, наизусть помнит!

-- Гена... Гена, бери Вову и... идите в дом. Нет, ты не ослышался! Да, отменяется! Нет, ты ещё будешь переспрашивать?! А ну быстро в дом! Скажете, что вы - от Акакия Мерзлихина!

А что? Кажется, случайный план начал срабатывать.

-- Ну! -- швырнул он телефон мне. -- Звони давай!

-- Так твои Гена с Вовой ещё не успели объяснить, что к чему, -- резонно возразила я. -- Вот через пару минут -- пожалуйста.

-- Да кого ты слушаешь! Да что ты делаешь! Да врежь ты ей! Нет, дай я сам

врежу! -- заволновались снова дружки.

-- Пока мы ждём, чтоб твои люди дошли до дома, Расскажи, откуда вообще ты взялся в маминой жизни? -- в конец обнаглела я, и Акакий опешил:

-- Чего?

-- Я понимаю, в две минуты ты не уложишься, но...

-- Да что ты о себе возомнила?!

-- Ну, не хочешь, как хочешь, -- пожала я плечами и вздрогнула: мимо меня проскочил сливающийся с сумраком подлеска серый... кролик?

Вампиры отшатнулись, а мелкий ушастый зверёк поскакал себе дальше, к руинам. Что-то не слышала раньше, чтобы кролики были ночными зверями.

-- Звони! -- приказал Мерзлихин, и я подняла трубку, выбрать мамин номер в списке...

И тут земля под нашими ногами пошатнулась. Потом ещё раз. И ещё.

-- Что это?

-- Это что?

-- Кто это?

Акакий чуть присел, чтобы удержаться на ногах, и только мне было хорошо, я уже опиралась на сосну.

И -- да, я, кажется, догадалась, что сейчас будет.

С ужасающим рёвом мимо меня пронёсся огромный чёрный... или фиолетово-серый кролик. За ним -- белоснежный Фил, я запомнила его по выдерганному на плече клоку шерсти. Вместо того, чтобы, как я ожидала, броситься врассыпную, вампиры принялись с рычанием кидаться на оборотней.

Вот только кроликов было -- больше. Кажется. И сами они были... ну очень большими.

Что это, если не мой шанс?..

Глава двадцать третья. Чертёнок.

Вот теперь я не просто бежала -- летела! И даже почти не спотыкалась!

-- Мама! Мама!!! -- орала я в трубку, не сбавляя скорости, и мне в ответ неслось многоголосое "всё в порядке, Надя".

Ура!

Позади меня ревели и рычали оборотни и вампиры, и я прекрасно понимала, что, на чьей бы стороне ни был численный перевес, пострадают в драке и те, и другие.

И мне вдруг стало жалко всех. Да, теперь, когда прямая угроза родителям миновала, можно было пожалеть и врагов! К тому же, кролики, вроде бы, тоже друзья.

А мне навстречу мчался Эдик. Он вытянул руки -- я прыгнула -- он подхватил и закружил меня...

...не рассчитал близости сосен и от души приложил об одну из них ногами, споткнулся и упал! Хорошо хоть, что я падала на него сверху.

Бедные мои ноги, они были до глубины души возмущены таким отношением и взывали ко мне о мести, но бить Эдика не хотелось совершенно. А вот придушить!..

Мы одновременно потянулись друг к другу. Да, я буду душить его, я не дам ему дышать своими поцелуями, объятьями, всей хлещущей через край страстью!

Голова кружилась, кружилась земля, постоянно меняясь местами с небом, и в это сладостное кружение вовлекались даже плывущие перед глазами пёстрые пятна.

-- Кролики в ярости, -- выдохнул мне в ухо Эдик.

И тут я всё-таки стукнула его по лбу!

Нет, и надо было выбрать такой момент для такого сообщения! Я бы предпочла,

чтоб он сказал, например, "выходи за меня"! Или уж, на худой конец, "будь моей"... но "Кролики в ярости" -- извините, разве об этом говорят горячо любимым девушкам, которые только что чудом избежали смерти?!

Эдик виновато тёр лоб, а я злорадно улыбалась. Вот бы там вскочила шишка, да побольше!

-- Ну и в ярости, ну и что? Я их видела! -- решила я поддержать беседу на предложенном уровне. -- Лучше скажи, где сейчас Клюевы?

-- На границе.

-- На какой ещё границе? -- я принялась отряхивать майку, шорты и на себе, и на Эдике. Всё-таки нехило мы иголок нацепляли.

-- Ну как на какой, -- стоял он истуканчиком, расставив руки, чтоб мне было удобнее. -- Ведь граница у нас с оборотнями. Сегодня приходила делегация. Сказали, мол, давайте установим комендантский час, чтобы после захода солнца никаких вампиров на нашей территории, кроме тебя, Надь, конечно... и твоей мамы.

-- Повернись.

-- Ага... и сейчас папа звонит, говорит, ты где? Я отвечаю, что у Нади, а он и спрашивает, Ака с тобой? -- я ощутила, как по телу Эдика прокатилась волна дрожи. -- И, узнав, что он не со мной, папа сказал, что едет на границу к эл-пэ-ка... значит, их можно найти именно там.

-- Тогда побежали!

-- Но комендантский...

-- Ты же со мной!

И, не оглядываясь, я рванула туда, откуда только что убегала, сломя голову.

Драка продолжалась. Судя по рёву и вою, крикам ярости и боли, скрипу и треску ломаемых деревьев, ни одна сторона не просила пощады и сдаваться не думала.

Эдик жалобно что-то причитал, но отстал от меня ненамного.

Я больше не волновалась за него.

Он жив! Он сильный! Он умный!

Он -- мой любимый, и уже только поэтому не может быть ни дураком, ни слабаком...

Исполненный особой жалобности вопль за спиной заставил меня остановиться. Когда я оглянулась, увидела...

То, чего мне так не хватало сегодня.

Эдик лежал на земле, на боку, прижимая к себе коленку и подвывая от боли.

Можно было зарычать от бессилия, лечь рядом с Эдиком и покататься по земле, выдёргивая волосы на себе или на нём, но я, вообще-то, спешила.

Подхватив любимого на руки, я побежала с удвоенной скоростью, не вслушиваясь в потоки благодарностей, которыми он принялся осыпать меня вперемешку с поцелуями... лучше бы побольше поцелуев, честно!

Вскоре откуда-то справа потянуло запахами машин. Я забрала правее.

Кавалькада клюевских ухоженных автомобилей растянулась цепочкой на едва заметной, тем более в сумерках, грунтовой дороге, что охватывала площадку с руинами со стороны соснового бора.

Мне наперерез вылетели почти все Клюевы, но дальше всех рискнул зайти за невидимую черту границы с оборотнями один Арсений Михайлович. Ужас и обречённость, проступившие на клюевских лицах подсказали мне, что вид Эдика на руках у меня навёл их на мысли о самом плохом, что только могло случиться.

Арсений Михайлович шагнул ещё раз. Другой. Пошатнулся, прирос к месту, не решаясь шагнуть вновь, не смея протянуть руки и забрать у меня собственного сына... тело собственного сына -- смесь неверия и горя уже почти целиком завладела его лицом.

Передав возлюбленного старшему Клеуеву, я сочла нужным остаться как можно

ближе к нему. Мало ли, что стукнет в голову папаше, когда он поймёт, что его младшенький в который уже раз отличился особой "уклюжестью" в самый "подходящий" момент!

Арсений Михайлович нетвёрдой походкой возвращался к автомобилям. Перед ним расступались. Переполненные всё тем же горем и неверием взгляды приклеивались к нему, тянулись за ним невидимой, но осязаемой паутиной.

Эдик сжался испуганным мышонком и даже, казалось, стал вдвое меньше, когда папа преклонил колени, чтобы уложить бездыханного сына рядом с "ландкрузером".

-- Так ты жив! -- грозно пророкотал Арсений Михайлович. -- Так ты -- жив!

Ещё б добавил "да как ты посмел выжить".

Прочие Клюевы возмущённо зароптали, и только Энди запрыгала:

-- Ну вы чо?! Вы чо! Это ж круто! Он жи-вой, жи-вой, жи-вой!

-- Он вывихнул ногу, -- постаралась я вложить в голос всю доступную мне жизнерадостность. -- Кто-нибудь может вправить?

-- А ну-ка, пропустите, -- раздвинул Клюевых медвежьими плечами Максим.

Эдик сделался ещё меньше.

Видимо, вспомнил давние счёты с Максом, как и я.

Мышцы на плечах Максима взбугрились, и я закрыла глаза, чтоб не видеть, как он, сосредоточившись, вложив титаническое усилие в одно-единственное движение, напрочь отрывает ногу моему возлюбленному.

Истошный вопль шарахнул по барабанным перепонкам. Живое воображение мгновенно дорисовало фонтан крови...

Бездыханное тело возлюбленного притянуло меня, как магнит.

-- Эдик, Эдик! Любимый мой, пожалуйста, не покидай меня! -- трясла я его за плечи, а вокруг живым частоколом стояли Клюевы.

Он никак не приходил в себя, хотя, вроде бы, обе ноги остались на месте.

-- Эдик, Эдик...

Чуть дрогнули ресницы, и я, сама того не ожидая, расплакалась.

Сходило нервное напряжение, и, баюкая на руках самого лучшего в мире Клюева, я тихонько проговорила:

-- Там друга вашей семьи убивают.

Немой частокол чуть дрогнул, но никто не проронил ни слова. Не шевельнулся даже!

На всякий случай я повторила, чуть громче:

-- Акакия Мерзлихина сейчас рвут оборотни. И его, и тех вампиров, которые с ним приехали!

Эдик обнял меня дрожащими руками, и я сказала в третий раз, громко и с вызовом:

-- Почему вы стоите? Чего вы ждёте? Слышите? Там - убивают Акакия Мерзлихина!

Мне наконец ответил Арсений Михайлович, холодно и очень спокойно:

-- Там территория оборотней, солнце уже село, и из вампиров там могут находиться сейчас только ты и твоя мама.

-- Ну и что?! Мерзлихин сотоварищи - ваши гости! Разве не вы должны объяснить им, что там нельзя находиться?!

-- Я уже говорил им, и, если они не послушали -- то был их выбор.

Я аккуратно уложила Эдика на землю и выпрямилась перед старшим Клеуевым в полный рост, всё равно не поднявшись намного выше его плеча:

-- Но из-за них могут погибнуть кролики!

Несколько приглушённых смешков подсказали мне, что "кроликами" здесь оборотней называют только в шутку.

Арсений Михайлович прожевал улыбку, чтоб я, не дай бог, не заметила, и всё так же спокойно и рассудительно ответил:

-- Мы не несём ответственности за действия наших гостей. Также нам нечего делить с оборотнями, и мы не станем нарушать границ их охотничьих угодий, раз мы договорились о комендантском часе.

Я подпрыгнула:

-- И после этого вы говорите, что он -- Долбоклюев?! -- ткнула я пальцем в неловко поднимающегося Эдика. -- Да сами вы тут все... долбоклюевы! Ваша хата с краю, да?! И то, что сейчас, в эту минуту, гибнут ваши друзья, вас не касается?! Да кто вы после этого, кто?!

Похоже, таких яростных эмоций Долбоклюевы... пардон, Клюевы от меня не ожидали. Обращённые ко мне лица заметно вытянулись, а во взглядах светилось зеленоватым, таким кошачьим огоньком -- полное недоумение.

-- Ну и сидите! Ну и стойте на своей границе! А я... я -- пойду туда, к ним!

Оттолкнувшись рукой от гладкого глянцевого бока "ландкрузера", я перемахнула через авто и помчалась снова на место бойни.

Блин, что за день такой?!

Подозрительная, гнетущая тишина пришла на смену треску, грохоту и рёву.

Я замедлила шаг.

Разодранные -- когтями? Зубами? -- поваленные, вывернутые с корнем, обломленные у основания сосны, размётанный во все стороны подлесок -- так встречало меня место недавнего боя.

Всё внутри похолодело. Неужели никто не выжил?!

Но нет!

Живые остались, просто бой, перед тем, как утихнуть, чуть сместился. Я смело шагнула на звуки жизни и впала в ступор, увидев, что произошло.

Вернее, произошла.

Моя мама!

Растрёпанные кудри, разорванная на одном плече и съехавшая на бок белая блуза, измазанные, помятые и разорванные слева от пояса до колена шорты. Ноги шире плеч, левая рука в бок, правая -- ногтями к собственным глазам. Ага, именно так мы и стоим, когда решаем самые важные вопросы в жизни: держа под неусыпным контролем ногти.

Ей бы ещё пилочку...

Кролики, основательно потрёпанные, некоторые даже не успели перекинуться людьми, вольготно развалились в остатках подлеска по правую руку от мамы. Армия Косичкобородца угрюмо сидела-стояла, кому как больше нравилось, напротив них.

Вроде бы, все были живы.

Я подросла как раз к началу речи.

-- Да что ты о себе возомнил?! -- обратилась мама всего к одному человеку, и я знала, кто он. -- Где была твоя голова, когда ты вообще решил сюда поехать? Кто тебе позволил вмешиваться в жизнь моей дочери? Моего мужа? Хорошо, бывшего мужа! Но ты всё равно ответь: кто?

Что там бурчал Мерзлихин, не расслышала.

-- Ах, ты сам, получается... тогда почему ты сам же не подумал о том, что, если ты хотя бы пальцем коснёшься моей дочери... если ты хотя бы словом повредишь жизни моего мужа... да, бывшего! Но мужа! Ты подумал, что потом будет -- с тобой? Ты не думал о том, что -- я -- с тобой -- сделаю?

Он снова что-то пробурчал, и мамин яростный смех рассыпался осколками витража:

-- А вот я подумала! И уверена, что тебе не понравится то, до чего додумалась я! Не понравилось же мне, что придумал ты... так что терпи теперь!

Новое "бу-бу-бу" привело маму просто в бешенство. Я-то знала, что это именно оно -- когда она упирается в бока обеими руками.

-- Ах, значит, так? Ну хорошо же! Хорошо! Я ни на секунду больше здесь не останусь! Надя, иди ко мне. Поможешь чемодан собрать. Чтоб я ещё хоть раз осталась в том же населённом пункте, что и это бородатое недоразумение, считающее себя мужчиной!..

Я шагнула к маме, ко мне шагнул Акакий, я услышала шорох за спиной, оглянулась и успела увидеть вспышку, дым, ствол ружья и перекошенное лицо Эдика.

А потом всё заслонили кроны сосен, дрожащие и растворяющиеся, покрывающиеся пёстрыми пятнами, заплывающие багровой чернотой...

И я умерла.

Часть II. Блог вампира.

Глава 1.

"25.04.XX.

Мой милый дневник!

Я рад, что снова добрался до компьютера, до Большой Сети и восстановил пароли блога. Да, по-видимому, мне уже не вернуться к моим прежним показателям популярности, не набрать прежнее число читателей, но я рад уже и тому, что просто здесь, сейчас, сию минуту могу рассказать всем -- представить, что говорю со всеми своими прежними собеседниками -- рассказать всем, что я, в принципе, решил забить на сетевой жизни. Меня не было здесь почти полгода. За это время я сменил место жительства, сменил работу, круг общения, можно сказать, сменил себя -- привычки, повадки, да и вообще. А здесь ничего не изменилось. Всё те же темы, те же люди.

Люди! Кто читает, отпишитесь, скажите: вы верите в то, что я вампир? Вам страшно, что я могу подойти к вам на улице и выпить вашу кровь? Впрочем, запущу опрос и узнаю."

Акакий поправил ядовито-красные клубнички заколки, что не давала расплетаться его длинной рыжей бороде, и глубоко задумался.

Аватарку в блоге он уже поменял, поставил свою реальную фотку, где изображал Дракулу на Хэллоуин. Длинные всклокоченные волосы на фоне жёстко накрахмаленного высокого воротника, сморщенный нос и радушно распахнутые челюсти... Тогда никто не понял, что клыки у него настоящие, и все только бегали спрашивали, где он добыл такие клёвые "вампирки". От нечего делать, Акакий зевнул, выдвигая клыки, облизнулся. Подошёл к большому, в его рост, зеркалу.

Сказать, что Акакий любил своё отражение -- значит, ничего не сказать. Ему очень нравилось смотреть на себя, нравилось подолгу не пить кровь, чтобы амальгама воспринимала его как бледную призрачную тень. Вампира радовал контраст между чётко отражающимися предметами одежды и обувью -- и полупрозрачными контурами живого тела.

Скосив глаза на монитор, Акакий грустно вздохнул: перебор, однако, с "прежними", но ведь справедливо же. Уже сколько висит опрос, минут пять, наверно, и ни одного ответа. А вот каких-то полгода назад уже были бы ответы, штук по двадцать на минуту.

-- Ну не хотите, как хотите, -- пробормотал молодой мужчина, приглаживая волосы пятернёй. Можно было бы, конечно, и расчёской, но она в коридоре на тумбочке, а ведь туда ещё надо идти. А ведь там ещё бабушка Селестина на портативном транспортном средстве -- почему-то она всегда оказывалась вместе с креслом-каталкой в коридоре, когда Акакий выбирался из своей комнаты.

В зеркале чётко отражались синие шорты, белая майка, белые носки и поверх них сандалии, а также "правильные", призрачные тени головы, рук, ног -- и бороды,

заплетённой в косу и скреплённой на конце заколкой с клубничками... нет, пожалуй, клубнички не в тему! Акакий аккуратно снял заколку и примерил другую, со штурвалом, ведь, вроде бы, сине-белые тона отсылают к морской тематике.

Нет, штурвал был великоват для такого лёгкого наряда. А вот ласточка... хм... надо же! Чёрная ласточка, а как мило смотрится! Акакий ещё раз посмотрел на компьютер. Выключать его перед уходом он не собирался, мало ли, пусть все думают, что он на сайте.

За дверью раздался тихий скрип, и лицо Акакия исказила мука: сей звук был прямым свидетельством, что выйти из дома незамеченным у него не получится. Да, к этому пора уже было и привыкнуть, за последние лет этак тридцать, но...

Решительно распахнув дверь, он смело шагнул в коридор, точно зная, что не споткнётся об инвалидное кресло, стилизованное под кресло-качалку Шерлока Холмса, в котором по дому перемещалась бабушка Селестина.

Бабушка знала, на каком расстоянии от двери надо останавливаться.

Бледно-сиреневые волосы, тщательно уложенные в затейливый пучок с буклями, казалось, светились в полумраке коридора. Фианиты, которыми по заказу бабушки инкрустировали костяные гребни, скрепляющие причёски, таинственно мерцали, ловя свет из комнаты Акакия.

Селестина, как всегда, оделась как на парад: блузка из натурального шёлка с рюшами и жабо цвета слоновой кости, изысканная подвеска, тоже по спецзаказу, костяная и с фианитами (бабушка из всех натуральных камней уважала изумруды и янтарь, а натуральным алмазам предпочитала искусственные), а на коленях мягкий клетчатый плед приглушённых тонов с пышными кистями. В левой руке -- пульт управления креслом, в правой -- просто громадная для такой хрупкой женщины курительная трубка. Тоже, что примечательно, костяная. Искусный резчик придал ей сходство с затейливым фантастическим цветком.

-- Мой мальчик! -- пропела Селестина сухим, чуть надтреснутым голосом и втянула в рот изрядную порцию дыма.

Акакий вздохнул.

-- Да, мой мальчик, -- бабушка в совершенстве владела искусством одновременно говорить и пускать дым колечками. -- Да, я не вижу твоего лица, но полагаю, что знаю, каково его выражение. Да, я не могу быть уверенной, но полагаю, что верно догадываюсь, что мою заботу о тебе ты считаешь ничем иным, как тотальным контролем за каждым твоим шагом, хе-хе-хе... но у меня предчувствие, мой мальчик.

В доме было тепло, но по спине Акакия пробежал крепкий морозец.

Ещё ни разу, когда бабушку Селестину посещали предчувствия, избежать того, чем они грозили, не удавалось. Как правило, они предвещали облавы на вампиров, и Акакию, избравшему определённый стиль внешности, ещё ни разу не поверили на слово, что он не дикий, и это означало от суток до пяти в приёмнике-распределителе. Заканчивались такие случайные поимки обычно звонком Селестины или её появлением в участке, но, несмотря на удовольствие, которое Акакий получал от того, как лихо бабушка умирала служителей правопорядка, приятного в этих ситуациях всё равно было мало.

Да что там, не было вовсе.

Пронзительный взгляд васильковых глаз бабушки Селестины смягчился.

-- Возьми документы, мой мальчик. Я знаю, ты из принципа не носишь с собой документы, но, уважь старушку, возьми их сегодня с собой.

Акакий молча шагнул назад, в комнату.

Документы -- паспорт и удостоверение -- лежали в рюкзаке, замечательно вписывавшемся в странный облик мужчины. Джинсовый, украшенный невообразимым количеством брелоков, заплаток, кусков бахромы и просто верёвок, верёвочек и шнурков, в сочетании с джинсовым жилетом, выполненном в том же стиле, рюкзак, закинутый за спину, превращал вампира в горбуна.

Акакий легко и изящно опустился на одно колено перед бабушкой Селестиной и

галантно поцеловал пергаментно-сухую кожу на тыльной стороне её ладони с трубкой.

Да, иногда из него прорывались некоторые несвойственные ему моменты, и почему-то это очень радовало Селестину.

Бабушка отложила трубку и ласково взъерошила волосы вампира:

-- Мой мальчик, когда же ты приучишься мыть голову по мере загрязнения!

Робкие лучи рассветного солнца задумчиво блуждали между домами, то загораясь бликами на стёклах верхних этажей, то высвечивая подмёрзшие за ночь ручьи на обочинах дорог. Голые скелетики деревьев и кустов зябко жались к домам. Те из них, до которых успела добраться пила лесорубов-градоустроителей, больше походили на обгорелые кукиши, высунутые из-под земли тамошними обитателями.

Акакий поёжился. Похоже, рано он решил перейти на летнюю форму одежды. Оно, конечно, замёрзнуть или даже просто простудиться ему не грозило, но всё-таки у мужчины в белой летней майке, джинсовых жилетке и шортах, белоснежных носках и лёгких сандалиях больше шансов привлечь к себе внимание апрельским утром, чем у того же мужчины в тёплой одежде по сезону. Пусть даже и с длинной бородой, заплетённой в косу.

До работы Акакий ходил пешком.

Путь его лежал дворами и подворотнями, мимо чистых подъездов и замызганных, мимо цветников, которые только-только сбрасывали ледяные панцири, и мусорных баков. Кое-где они стояли стройными рядами, кое-где толпились нестройными кучками, в некоторых дворах были ухоженными, в других -- обшарпанными. За некоторыми следили дворники, возле других на метр-два-три вольготно раскидывались мусорные поляны, и ото всех исходил специфический, сложный, мусорный душок.

Солнце поднималось всё выше, смелело. По небу в прогалах между силуэтами домов плыли лёгкие, пушистые облака. Акакию нравилось следить за тем, как они меняют формы, сходятся, расходятся... вот и в этот раз, зачарованный движением в небе, он перестал смотреть под ноги.

Естественно, этого следовало ожидать! Зацепившись за прилипшую к асфальту обрезанную бутылку с клеем, Акакий растянулся во весь рост, с ужасом понимая, что инерция падения внесла его напрямик в "полянку" мусора. Проглотив ругательства -- да, он считал вредным для ауры материться и даже просто ругаться! -- Акакий быстро поднялся, осмотрел себя.

Больше всего пострадали, как ни странно, сандалии: на правой, той, которой он и зацепился, начисто оторвалась подошва, с левой стесались декоративные пряжки. А вот майка сохранила изначальную белоснежность. И даже к жилетке всего-то банановая кожа прилипла! Кстати, а она там неплохо смотрелась.

Продолжая отряхиваться, Акакий против воли возвращался взглядом к облаку.

Пушистое, белое, низкое, оно так походило на кролика!

Внезапное движение за мусорными баками привлекло внимание Акакия к земле. На миг даже показалось, что там проскакал... кролик? Нет, это только обман зрения -- на самом деле, там просто пробежал какой-то лохматый блондин в спортивном костюме.

А кролик, верно, примерещился из-за облака.

Пока Акакий следил за утренними спортсменами на земле, небесный кролик успел трансформироваться в крокодила. Акакий не любил рептилий, поэтому любоваться облаками перестал, решил смотреть под ноги и прибавил шаг.

Карина с удовольствием наблюдала за сборами дочери в школу. Девочка была похожа и на неё, и на отца, но на неё всё-таки гораздо больше. Особенно -- манерами, повадками, любовью к дорогой одежде, умением превращать себя в произведение искусства, точно соответствующее ожидаемой ситуации. Например, сейчас ожидалась ситуация "контрольная по математике", и дочка сосредоточенно перебирала гардероб: какие юбка и жилет подойдут к бледно-голубому батничку с перламутровыми пуговками?

Карина распечатала одноразовую пластиковую пилку для ногтей и не глядя подровняла края на большом и указательном пальцах, бесшумно отошла от дверей Надиной комнаты. Позвала уже от входных дверей:

-- Скоро ты там? Я на работу опоздаю!

-- Ну ща! -- недовольно протянула дочка. -- Ща-а-а!

Карина Лебедева усмехнулась, прошла на кухню и выкинула пилку в мусорное ведро. Задумалась о чём-то.

Тонкие брови сдвинулись к переносице, тщательно уложенные кудри дрогнули, но не нарушили заданную композицию. Элегантный и модный, одновременно деловой и непринуждённый наряд Карины сидел на ней, как вторая кожа, оттеняя и лёгкий загар, и глубину карих глаз.

Аккуратно, приняв позу буквы Г -- чтоб не закапать одежду! -- женщина вытянула из холодильника пакет донорской крови, вздёрнула губу. Холодная кровь из прокушенного пакета наполнила рот. Пряная, такая... сладкая, она была всем хороша на вкус. Особенно в жару. Но почему тогда каждый раз Карина вспоминала вкус горячей, свежей, ещё живой крови?

Она подошла к окну.

В небе висело белое облако, очертаниями похожее не то на кошечку, не то на белочку, а то и вовсе на зайчика.

Что-то белое шарахнулось по земле -- Карина не успела испугаться, а зрение уже сфокусировалось и стало понятно, что это просто бегаёт и прыгает какой-то спортсмен-блондин в белом костюме.

Нашёл, называется, где бегать! Среди мусорных бачков!

-- Надя! -- Карина добавила грозных нот в голос, и дочка появилась перед ней, как телепортировалась:

-- Ну вот! Ну всё! Ну и зачем кричать!

-- Быстро в школу, -- скомандовала строгая мамаша. -- Давай вниз, и я подвезу.

Глава 2.

Акакий шёл упругим шагом, в одной левой сандали. Правую оставил там же, у мусорных бачков, где и оборвал подошву. Вот уже показался угол здания, занимаемого с недавних пор независимой телестудией "Шарм", а вот и друзья, обоим Акакий знал только по псевдонимам. Рауль ле Руж и Степан Степанищев -- ну не могли, по его мнению, это быть реальные имена.

Впрочем, друзья тоже не верили в то, что "Акакий Мерзлихин" -- настоящее имя.

Устроиться в "Шарм" Акакию помог Рауль, утончённый, изнеженный метросексуал, которого умилял стиль одежды случайного знакомого, а впоследствии друга. Рауль несколько раз встречался с бабушкой Селестиной, и вдвоём они иногда разворачивали крупномасштабные компании по изменению имиджа Акакия.

Не на того напали!

Вампир был верен бомжеват-хиппозному стилю.

Степан Степанищев, высокий, плечистый, мощный такой, во всём Акакия слушался. Он безоговорочно признавал интеллектуальное превосходство друга, во всём с ним соглашался и поддерживал в любых начинаниях. Временами это начинало раздражать, но Акакий понимал: то, что раздражает сейчас, может ой как пригодиться через полчаса.

Да, кстати, что немаловажно, и Рауль, и Степан были вампирами.

-- У меня две новости, -- сказал ле Руж, как только закончились дружеские объятия и приличествующий полугодовой разлуке обмен автоматическими вопросами о жизни.

-- Хорошая и плохая? -- прищурился Акакий.

-- Обе плохие! -- захохотал Степан. -- Можно, я скажу ту, что похуже?

-- Ну давай, -- милостиво разрешил Рауль.

-- В общем, так, -- рубанул ладонью воздух Степанищев. -- Так! Ты помнишь Вольдемара?

Акакий скривился, словно ему под нос сунули что-то, что умерло не своей смертью неделю назад в жарко прогретом помещении.

-- Вольдемар Заболонский...

Медленно выцеженное сквозь зубы имя превратило друзей в китайских болванчиков, ритмично кивающих головами.

-- Вольдемар Заболонский!

Ещё бы Акакию не помнить эту личность.

Впервые Мерзлихин и Заболонский пересеклись на телестудии, где снималась программа "Вечерние прогулки с..." Оба были операторами, только почему-то Акакию камера служила продолжением тела -- любая камера! -- и он понимал с полуслова, что от него требовалось. А Заболонский выбрал другую тактику прорыва в "верхние эшелоны" и любимчики. Он, стоит признать, действительно был вполне хорош собой и считал, что красивым людям всегда и везде должны уступать все те, кто особой красотой не отличается. Вольдемар стал мешать Мерзлихину, чем только мог. Дело доходило даже до перетирания проводов в камере, именно перетирания, а не перерезания, чтоб причастность Заболонского обретала полную недоказуемость.

Примерно в то время Акакий познакомился и с Раулем. Тот пытался всем объяснить, что на самом деле Мерзлихин ни на йоту не уступит во внешней красоте Заболонскому, а во внутренней даст ещё и приличную фору, но ведь Акакий не давал сбрить бороду и сделать нормальную стрижку...

Вольдемар был всего лишь человеком и многого просто не понимал -- а связанные по рукам и ногам декретами о цивилизации вампиры ничего не могли с ним сделать.

Ну, или просто не хотели. Больно надо, нервы портить из-за какого-то там жалкого человечки! Он мигнёт и погаснет, а им ещё жить, и жить, и жить...

-- Ну так и в чём же новости, плохая и ещё одна плохая? -- поторопил друзей Акакий, усилием воли задвинув подальше неприятные воспоминания.

-- Первая: Вольдемар Заболонский перевёлся работать в "Шарм".

Акакий почувствовал, как сводит нёбные мышцы, как против его воли выдвигаются клыки:

-- Что ж! В этот раз я буду действовать его методами! А вторая новость?

-- Вторая новость: он наш начальник, -- тихо-тихо прошептал Степан.

Рауль стоял, упершись взглядом в кирпичную стену. Наверное, рыжие жилки складывались в очень интересный узор.

-- Я буду просить, чтоб меня куда-нибудь перевели, -- так же тихо, как Степан, сообщил он.

-- Вот уж нет! -- взорвался Акакий. -- С какой стати мы будем бегать от этого придурочного человечка?! Я -- остаюсь! И вы, если вы всё ещё мои друзья, тоже остаётесь! Со мной! Кто он, в конце концов?! Букашка! Мы дадим ему бой, который он запомнит до конца своих букашких дней!..

Рауль погладил Акакия по руке, успокаивая.

Поддействовало: Мерзлихин даже смутился, правда, несильно.

-- Извините! -- радостно объявил он, и друзья не уловили в его голосе ни капельки раскаяния.

-- А я тут научился гадать по радужке! -- поспешил сменить тему Рауль.

Акакий нахмурился:

-- То есть как?

-- Вот смотри... -- ле Руж взял Мерзлихина тёплой ухоженной рукой за бороду и чуть повернул его лицо к свету. -- Смотри на меня.

Акакий вздохнул и заглянул в тёмно-голубые глаза друга.

Рауль был похож на итальянца. Каштановые волнистые волосы, яркие светлые глаза, смуглая кожа... кому оно надо знать, что это краска, линзы и солярий!

И тут глаза его подёрнулись ледком, меняя цвет с голубого на серый. Выходит, всё-таки не линзы. Акакий дёрнулся, пытаясь отстраниться, но пятерня ле Ружа держала его за бороду очень и очень крепко.

-- Стёп... -- тихонько позвал Мерзлихин второго друга, но тот деликатно отошёл слишком уж далеко.

Рауль закатил глаза и заговорил не своим, слишком низким и грубым голосом:

-- Она... она идёт... идёт к тебе... она... она проходит... проходит мимо... а ты, ты смотришь на неё, ты думаешь о ней... но она идёт мимо!

Шорох тормозов вывел Рауля из транса и заставил разжать пальцы на бороде Акакия.

Тёмно-вишнёвый, гладенький Maserati 3200 GT с разгону затормозил у дверей телестудии. Дверь водителя открылась, и мир провалился в замедленный рапид.

Полутьма салона неохотно выпускала изящную ножку в ажурном чулке -- чулке! Длина юбки позволяла увидеть широкую кружевную резинку! -- и лакированной туфельке на шпильке, потом другую ножку, потом две тонкие, одновременно хрупкие и гибкие руки, похожие на двух экзотических змей... детали впечатывались в мозг Акакия одна за другой, но в общую картину сложились только тогда, когда обладательница длинных ножек и гибких рук подошла вплотную к Мерзлихину.

Обдала пряным, сладким, густым ароматом...

...ароматом свежей, только что пролитой крови...

Акакий, как под гипнозом, шёл на запах, впитывая каждой колбочкой и палочкой сетчатки магический образ красавицы, припарковавшей авто у дверей телестудии.

Если б только она работала здесь... если б только она хоть кому-нибудь оставила свои координаты... если б только получить возможность хоть раз ещё увидеть её снова...

Мерзлихин шёл за прекрасной незнакомкой до самых дверей гендиректора. Даже помог ей войти к нему! Торопливо скомкал и выкинул из головы крамольные пошлые мысли. Прислонился к стене и закрыл глаза, пытаясь восстановить дыхание.

Да, он не был одинок. Друзья и бабушка Селестина не в счёт, ведь всегда рядом с ним оказывалась какая-нибудь Крыска, Людочка, Монстера или там Хлоя-Федерика -- человеческая или вампирская женщина. На данный момент всегда была готова составить компанию вампиресса Светочка. Такая мягкая, послушная, недалёкая и обыкновенная, могла ли она сравниться с шикарной незнакомкой?

Самодовольный, напыщенный и одновременно язвительный смех выдернул Акакия из мира грёз, где он составлял планы, как наберётся смелости и сначала спросит у прекрасной незнакомки, как её зовут, а потом попросит телефончик.

Вольдемар Заболонский, собственной персоной, стоял, скрестив руки, прямо перед Акакием, издевательски хохотал и качал головой.

-- Подбери слюни, Акашенька! Эта ягодка не для тебя росла!

От неожиданности Мерзлихин не сумел сразу же придумать достойный ответ, а к тому моменту, когда он родился, мысль о том, что Заболонский формально начальник, убила всякое желание озвучивать искромётный, уничтожающий, ломающий достоинство и так далее...

А Вольдемар продолжал хихикать, изящно вскидывая красивую белую руку, чтоб поправить короткую модельную стрижку:

-- Ты же видел, или ты не видел! Карина на тебя ни разу даже не взглянула -- так чего ж ты хочешь, друг Акашенька? Вали отсюда, чем быстрее, тем лучше!

Акакий блаженно улыбнулся:

-- Вам как ответить, "слушаюсь и повинуюсь" -- или "так точно, будет исполнено"?

Заболонский оценил шутку, поэтому смеяться перестал:

-- Просто сгинь с глаз моих, пока не позову.

Мерзлихин шутовски раскланялся и "сгинул", но в его голове поселилась новая, доселе неизведанная мысль: никогда раньше Акакию не приходилось добиваться женщин. Тем более, таких, которые проходили мимо него, как мимо пустого места.

Карина ещё не успела привыкнуть к своему новому авто. Maserati 3200 GT -- это вам не игрушки! Не просто машина для города, а настоящая философия жизни.

А ещё, между прочим, достойное продолжение для "змеинового" костюма от Версаче и туфелек от Луи Вуттона.

У дверей "Шарма" о чём-то возбуждённо переговаривалась колоритная тройка мужчин. Двоих Карина уже видела раньше, Стёпу и Рауля, а вот третий... составив ногу в изящной туфельке на асфальт, молодая женщина замерла, поражённая до глубины души взглядом этого третьего, совершенно незнакомого, бородатого, рыжего горбуна, одетого, как житель подкопов к теплотрассе...

Нет.

Этого просто не может быть. Она обозналась.

Стиснув зубы, Карина легко, не останавливаясь, не задерживаясь, прошагала в студию. В конце-концов, её ждали на совещании у гендира.

О чём, собственно, шла там речь, Лебедева потом так и не вспомнила, выясняла окольными путями у тех, кто присутствовал.

У неё перед глазами стоял пронзительный синий взгляд... не может быть. Этот придурочный парень просто не может быть Александром! Её Александром.

Глава 3.

От Нади пришла смс-ка: "пошла с Дэнном и Кэт в Табуретку буду утром".

Карина не волновалась за свою дочку. Уж чего-чего, а постоять за себя её ребёнок умел. Не прошли даром уроки самообороны и мимики. К тому же, Дэн уже бывал у Лебедевых дома, да и Катя -- Кэт -- как-то пару раз забегала, вроде бы, вменяемые человечьи детки. Ну и пусть пока у Нади не складываются отношения с одноплеменниками. Разве её вина, что, постоянно перебираясь с места на место, они так и не могут найти себе такое жильё, где рядом с ними оказались бы семьи с вампирами Надиного возраста?

-- Лучше б ты вещи в комнате разбираала, -- пробормотала Карина напутствие отсутствующей дочери. -- Лучше бы обустроивалась на новом месте, чем по "Табуреткам" всяким шастать.

Ситуация с Дэнном и Кэт почему-то вдруг вызвала у Карины смутное беспокойство.

Разве не так же было в её далёкой юности? Разве не было у неё двух лучших друзей, Изабеллы и Александра?

Карина не включала свет в комнате, и теперь медленно бродила по кругу в густом сумраке, любуясь то бликами света на полированных полочках, то светящимися глазами окон соседних домов, скрывающимися за густой вуалью штор.

Перед мысленным взором вновь и вновь проходили события давних лет, давно ушедших дней, ни разу за столь долгое время не напомнившие о себе -- ничем, кроме тупой боли в сердце.

Карина помнила своих родителей очень и очень смутно. Она была совсем ещё крошкой, когда маму и отца схватили приспешники инквизиторов и сожгли на костре. Что самое интересное, их обвинили вовсе даже не в том, что они вампиры, а в том, что колдуны.

Саму Карину спас от расправы друг отца, Себастьян. Он растил её, как свою собственную дочь -- и вместе со своей собственной дочерью, Изабеллой.

Девочки были даже похожи внешне: обе не по годам рослые, с огромными глазами (у Карины карими, у Изабеллы чёрными), кудрявыми каштановыми волосами (у Карины длиной до пояса и чуть более тёмными, у Изабеллы -- значительно короче и едва ли не рыжими). Они вскоре стали дружны и неразлучны, как родные сёстры.

Девочки превратились в девушек, и сами не заметили, как в их жизни появился один прекрасный молодой человек. Звали его Александр. Был он высок и красив. Голос его отдавался волшебной музыкой в сердцах, он жил по соседству и появлялся, как правило, тогда, когда был больше всего нужен. Карина очень скоро стала замечать, что не просто испытывает симпатию к нему, но любит его, сильно-сильно. И тем сильнее было её чувство, чем явственнее проступала взаимность со стороны Александра.

Отец Изабеллы души в нём не чаял. Иногда, правда, Карине казалось, что сама Изабелла тоже слишком уж особенно относилась к Александру.

В тот день Карина остро чувствовала себя живой декорацией к яростной ссоре Себастьяна и Изабеллы. Они втроём находились в каминной, Карина сидела на оттоманке и делала вид, что читает книжку, не замечая, что держит её вверх ногами. Два противника стояли по обе стороны пылающего за решёткой огня.

-- Я уже сказала, что не желаю ехать в Сорбонну! -- кричала Изабелла, топая ногами и стискивая кулачки. -- Я не желаю дышать пылью фолиантов, составленных одними маразматиками для других маразматиков! Если я так надоела тебе в доме, отец, отправь меня на север! В Россию! В Сибирь! К медведям и волкам!

-- Я тоже уже сказал тебе! Я считаю недопустимым дальнейшее дикое развитие своих дочерей!

-- Найми репетиторов!

-- Я решил, и так будет! Вы обе поедете в Сорбонну! Вы будете учиться!

-- Нет!

-- Да!

Изабелла закатила глаза, и Карина поняла, что сейчас с ней случится один из театральных обмороков, искусством падать в которые в совершенстве овладели и умело пользовались обе названные сестры.

И тут в комнату вошёл Александр. Одетый, как всегда, по последней моде, аккуратный и подтянутый, он галантно поцеловал тыльную сторону ладони Карины, поздоровался учтивым кивком с Себастьяном и даже успел поймать падающую в обморок Изабеллу.

Когда Александр переводил мягкий, кроткий взгляд с одной девушки на другую, Карину обдало холодом: ей показалось, что ему одинаково нравятся и она, и Изабелла. Сердце сжал колющий обруч: затаённая страсть во взгляде юноши смешивалась с невыносимой, смертельной усталостью, словно что-то мучило его изнутри -- и он не смел сознаться в том, что сжигает его.

Равная любовь к обеим сёстрам?..

Более рассеянный, чем обычно, Акакий еле дождался конца рабочего дня. Хорошо, хоть камера слушалась его, как и прежде, и даже у Вольдемара не нашлось, к чему бы придраться.

Между делом удалось выяснить, как зовут незнакомку.

Карина Лебедева.

Это имя словно огненными буквами вписалось в черепную коробку Акакия, вращалось там и искрило, заставляя его скорее бежать домой. Может быть, именно это и было предчувствием Селестины? Может быть, она каким-то образом почувствовала, что её внучек пропадёт, едва лишь увидев красавицу Карину?

Ведь он же пропал. И совершенно потерял ориентацию в пространстве. И даже

чуть не сбил с ног свою нынешнюю, Светочку.

Эта юная вампиресса мало соответствовала своему имени, будучи темноволосой и темноглазой. Сегодня она надела короткую облегающую юбочку и трикотажную водолазку, окрашенную под кожу питона -- и Акакий не сразу смог с ней поздороваться, настолько вдруг Света показалась ему схожей с Кариной.

Светочка прильнула пухлыми блестящими губами, источающими аромат дюшеса, к губам Акакия, он вяло ответил на поцелуй, механически положив руку на талию подруги.

-- Что с тобой? У тебя неприятности? Что-то случилось? Не молчи, Акки! Скажи хоть что-нибудь!

Света пыталась растормошить Акакия и вопросами, и поцелуями, и ласками, но у него в голове вертелось всего одно слово.

Всего одно имя.

Карина. Карина, Карина, Карина...

Иногда ему удавалось сосредоточить внимание на Светочке. И тогда где-то на краю сознания проскальзывали мысли о том, что, вероятно, Света пошла бы на роль завтрака. Ну или ужина. Или даже, кто знает, полноценного донора на пару-тройку недель.

Девушка, поняв, что сегодня не её день, умолкла и обиженно надула и без того пухлые губы.

-- Смотри! -- вдруг дёрнул её за руку, чуть не свалив с ног, Акакий. -- Смотри!

Он тыкал куда-то в сторону подворотни напряжённой рукой.

-- Смотри же! Видишь?!

-- Нет, -- равнодушно обронила Светочка, поправляя кофточку. -- Не вижу.

Она медленно, размеренно покачивая бёдрами, пошла вперёд.

Акакий некоторое время ещё вглядывался в темноту под аркой. Где-то в глубине двора теснились мусорные ящики, откуда-то доносился радостный детский визг.

Пожав плечами, Мерзлихин побрёл за Светочкой, не торопясь её догонять.

Ему снова примерещился большой белый кролик.

Генеральный директор "Шарма", Власий Васильевич Озолотин, обожал радовать своих подчинённых разнообразнейшими директивами, направленными на сплочение коллектива. От некоторых его идей выть хотелось всем без исключения. Такой грозила стать и новейшая, осенившая директора не далее, как этой ночью, идея проведения конкурса красоты среди телеведущих компании.

Всего девушек-ведущих в "Шарме" насчитывалось пять человек. Все они были весьма недурны собой, две из них даже учились в институтах на заочных отделениях (три оставшиеся предпочитали как можно чаще работать со светской хроникой в надежде обрести полезными знакомствами и выгодно пристроиться, если уж не замуж, то хотя бы в долгосрочные любовницы).

Подумав и решив, что пять участниц -- это как-то маловато, Власий Васильич постановил участвовать в конкурсе всем, всем, всем, кто только пожелает. А кто не пожелает -- тех планировалось заставить!

Карина не ждала такого подвоха от нового места работы. И почему всегда и везде, стоило только появиться Лебедевой, сразу же, как плесень на "дор блю", сами собой возникали всякие там конкурсы красоты?

-- Да я бы с удовольствием! -- политкорректно открещивалась Карина. -- Да я же не ведущая! Да я же только устроилась!

Однако масленный взгляд господина Озолотина уже явно видел новую сотрудницу в бикини, и Лебедевой пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы начальство переключилось с темы конкурса на тему работы.

А ещё Карину раздражало, что постоянно где-то на пределе видимости крутился тот странно напомнивший ей Александра мужчина. Иногда казалось даже, он готов к ней

подойти и заговорить, но нет, исчезал, чтобы снова проявиться в самом неожиданном месте.

На выходе из кабинета Озолотина, в очередной раз отказавшись от участия в конкурсе красавиц, Карина налетела на бомжеватого бородача.

Он улыбался изо всех сил, и, чем радужнее искрилась его улыбка, тем сильнее он смахивал на идиота.

-- Меня зовут Акакий, а вас Карина! -- радостно сообщил мужчина и тряхнул горбом.

Лебедева отшатнулась и внезапно поняла, что принимала за горб рюкзак.

Выдохнула:

-- Приятно поз...

Договорить он не дал:

-- Мне поручили провести для вас традиционную экскурсию по городу! У нас на телестудии так заведено, для каждого вновь устроившегося человека проводится экскурс...

Теперь уже Карина не собиралась слушать, что там ещё скажет ей этот странный мужчина, и нырнула назад, в кабинет гендира.

-- Василий Вла... то есть, Власий Васильевич! Вы знаете, я передумала! Запишите меня, пожалуйста, в число конкурсанток! Что, вы говорили, нужно для участия в конкурсе?..

Акакий чувствовал себя настоящим бараном, упёршимся лбом в новые ворота.

Он слышал за дверью щебетание Карины, квохтание Озолотина, временами даже улавливал суть их диалога, но сознание отказывалось воспринимать всё так, как оно было. Ведь что случилось на самом деле? О, ничего особенного! Просто прекрасная незнакомка сочла за благо изменить собственному решению и всё-таки принять участие в конкурсе красоты -- лишь бы не общаться с Мерзлихиным!

Похоже, самодовольно-язвительный смех становился привычным маркером реального мира. Акакий недовольно сузил глаза, не опускаясь до того, чтобы повернуть голову к своему непосредственному начальству.

Вольдемар снисходительно похлопал его по плечу:

-- Расслабься, Акашенька! Я тебе уже говорил, но повторяю, на всякий случай. Госпожа Лебедева не для тебя! Рядом с нею будет тот, кто её по-настоящему достоин, а не... кхм...

Возможно, он договорил бы свою фразу, но под тяжестью взгляда Акакия, всё же решившего посмотреть на начальника, забыл, о чём хотел сказать.

Глава 4.

Бабушка Селестина приучала внука к режиму и распорядку. Согласно тому и другому, время с 19:00 до 21:00 должно было посвящать подготовке к завтрашнему дню.

Акакий пару раз перебрал в уме всё, что грозило ему завтра, пришёл к выводу, что, если Вольдемар начнёт корчить из себя шибко умного, нужно будет осадить его, с привлечением ле Ружа, Степанищева и даже Озолотина, и предался безумным мечтам о Карине.

Карина Лебедева! Умница, красавица, такая нежная, такая... чем безумнее становились мечты Акакия, тем короче делались юбки воображаемой Карины... скрип колёс в коридоре заставил Мерзлихина подобраться и сгруппироваться. Похоже было, что бабушка Селестина решила проведать любимого внука, а может, ещё и развлечь беседой на сон грядущий.

Предупреждая её появление в своей комнате, Акакий шагнул в коридор:

-- Ба! Я пойду погуляю!

-- Но мальчик мой... -- запела Селестина уже в захлопывающуюся входную

дверь.

Акакий, перепрыгивая через ступеньки, бежал наверх, на крышу.

Крыша жилого дома, недавно ещё вполне высокого, шестнадцатизэтажного, давно и безнадежно затерялась среди прочих крыш -- двадцати, двадцати пяти, тридцати и так далее этажных домов "точечной застройки".

Когда Селестина и Акакий переехали жить в Москву из далёкой таёжной деревни, где он впервые осознал себя, крыша стала надёжным убежищем, единственным местом, которое не пугало, не вызывало нервной дрожи или желания бежать без оглядки. Там не было людей, не было других вампиров, не нужно было вести себя каким-то особым образом. Нет, конечно, Акакий не набрасывался на людей на улицах и не раздевался догола, но жизнь Москвы разительно отличалась от жизни в тайге! Со временем вампир под чутким руководством бабушки усвоил правила поведения в большом городе. Прятаться на крыше ему хотелось всё реже, но иногда по ночам внутри Мерзлихина пробуждалось что-то необъяснимое, невыносимое и огромное. Уцелеть, не разорваться на кусочки, не сойти с ума удавалось, только выбравшись на крышу. Небо было больше. Необъяснимей. Невыносимей чем то, что жило внутри Акакия. Внутренний монстр вырывался наружу криками. Небо понимающе молчало в ответ, и монстр утихал. Засыпал.

Сегодня Акакию не хотелось кричать. Хотелось молчать наперебой с тучами, отправляя им телепатеммы о том, что теперь он точно знает, кто лучшая женщина на этой планете.

Карина.

Карина, Карина, Карина!

Сверкающая мириадами огней Москва и не думала засыпать. Как моря, пока в небе светит Луна, дышат прибоями, так этот город, пока в нём живёт столько людей, будет неумолчно шуметь, накатывать волнами, плескаться... Акакий тихонько смеялся, радовался своим мыслям.

Да, Карина от него сбежала.

Да, Карина пока ещё не знает, что Акакий уже всё решил -- за неё, за себя, за них двоих. Ведь такое... какая разница, какое! Такое случается раз в жизни! И это нельзя упускать, нельзя проходить мимо...

И нельзя делать вид, что всё идёт как прежде.

Слыша за спиной шаги, Акакий не шелохнулся. Он узнал Рауля и Стёпку.

-- Селестина волнуется, -- сказал ле Руж.

Акакию нравилось, как правильно выговаривает слова его друг и какой аристократичный у него при этом вид.

-- Угу, -- подтвердил Стёпка.

Акакию нравилась прямолинейность Степана и полная неспособность к обману.

Он догадывался, что нравится в нём его друзьям: то, что они оба, такие и настолько разные, могут чувствовать себя с ним... хорошо. Просто хорошо. Ведь это же так важно, чтоб у тебя был человек, с которым тебе легко и просто!

-- Ты влюбился в неё, да? -- сочувственно потрепал Акакия по плечу Степан.

Мерзлихин пожал плечами:

-- Нет, наверно. Наверно, я просто всегда любил её, только понял это лишь сегодня. Понимаешь, нет?

Рауль и Степан за его спиной ударили по рукам, словно до этого бились об заклад:

-- Вот видишь!

-- Ну а я что говорил!

Акакий развернулся к ним, упирая руки в боки:

-- Это вы о чём?

-- Успокойся!

Рауль положил левую руку на плечо Мерзлихину, Степан -- правую:
-- Успокойся, товарищ!
-- Мы твоих чувств никому не выдадим, если, конечно, ты сам себя не выдашь.
-- Ну а мы постараемся тебя поддержать и оградить от нападок этого безумного, безумного мира...
-- И поможем завоевать сердце неприступной красавицы, несмотря на то, что у тебя в ближайших соперниках Вольдемар и Озолотин!
Акакий крепко взялся за плечи друзей:
-- Спасибо!
Над их головами пронеслась стайка летучих мышей.
-- Я клянусь...
Пронеслась ещё одна стайка.
-- ...клянусь не останавливаться и не успокаиваться до тех пор, пока Карина Лебедева не будет всецело принадлежать мне. И только мне!
Мышиные стайки нестройным писком на пределе слышимости выразили своё полное согласие с решением Акакия.
-- Мы тоже клянёмся, -- сказал Рауль сразу за себя и за Стёпу, -- клянёмся помогать тебе, в чём ни попросишь.
-- Честное вампирское! -- выставил клыки Степан, и друзья хором рассмеялись.
Полчаса на крыше в компании пары пакетиков донорской крови пролетели незаметно. Стёпа разевался и уже не намекал, а прямым текстом объяснял, что даже вампирам иногда не мешало бы спать, и пора бы им всем всё-таки спускаться с крыши, да и завалиться на ночёвку к Мерзлихину, потому что по домам расползаться уж как-то очень влом. Акакий ничего не имел против ночёвки друзей, зная, что и бабушка Селестина не скажет ни полслова поперёк, и все уже дружно шли к люку, ведущему вниз, когда вдруг Рауль замер истуканчиком, напрягся всем телом и громко, хрипло, чужим страшным голосом воззвал:
-- Акакий!.. Акакий!..
Акакий не успел испугаться, а вот Стёпка присел, зажимая уши ладонями.
И тут завертелось: громадная чёрная тень метнулась по крыше, сбила Рауля с ног. Акакий успел схватить друга в охапку и ловко сбросить в люк -- заостреннее тело загремело по лестнице -- а потом самого Акакия сгрёб за шиворот и швырнул в люк Степан, прыгнув сверху.
Лампочка, секунду назад освещавшая лестничный пролёт, взорвалась. Перед глазами заплясали пёстрые пятна. Акакий вскочил на ноги -- слава богу, всё цело! -- и зашарил руками вокруг, в поисках друзей. Нашлись они одновременно, Рауль под левой рукой, Стёпа под правой. Рауль стонал и, кажется, ощупывал себя. Степан рычал и пытался боксировать с пустотой.
Сверху, от люка, доносилось глухое ворчание, словно оттуда вниз пытался прорваться гигантский зверь. Глаза быстро привыкали к темноте, и вскоре Акакий уже тащил обоих друзей вниз, вниз... если глаза ему не соврали, то из люка к ним протягивались здоровенные лапы, похожие не то на кошачьи, не то на... кроличьи.

Глава 5.

Карина сама от себя не ожидала, что будет раз за разом возвращаться мыслями к этому странному человеку... вернее, вампиру -- Акакию.

Он был, с одной стороны, прост, как две копейки. Однако было в нём и что-то... настораживающее? Цепляющее, привлекающее внимание, заставляющее раз за разом

вглядываться в тени за спиной в ожидании лёгкого дуновения, сквознячка по спине...

Сегодня у Карины состоялось свидание. Её новый ухажёр, Сергей Сафрончиков, предложил выбраться в новомодный ресторан, где можно было, согласно словам Сергея, "спокойно выпить хорошего вина, сжевать пару-тройку замысловатых и вычурных, но при этом вкусных блюд и послушать приятную музыку". Карину интересовало, он сам придумал такое определение ресторану или вычитал где-то в рекламном проспекте? Дело в том, что вин хороших в ресторане отродясь не бывало, готовить вкусно не умели в принципе, а "приятной музыкой" называли что-то неопределённого стиля, более всего напоминающее помесь шаманского горлового пения с цыганскими романсами.

В принципе, Сергей ей нравился и даже очень. В нём, точно так же, как и в Акакии, было что-то этакое, необъяснимое, но интригующее, вызывающее интерес. Только, в отличие от Акакия, Сергей не носил дурацкой бороды и регулярно мыл голову, а также одевался не в выгребенное с помойки барахло, а современные модные костюмы.

Но Акакий, Акакий!..

Карина мечтательно прикрыла глаза, вспоминая его запах.

Вспоминала и свой давний разговор с Александром...

-- Донорская кровь, -- вещал с трибуны доктор медицинских наук Николас ван Дарейн, -- открывает перед цивилизованными вампирами широчайшие горизонты. Благодаря донорской крови мы с вами можем полностью управлять своим самочувствием, сдерживать инстинкты и контролировать свой разум...

-- Слишком красиво поёт, чтобы это было правдой, -- обдавая ухо жарким дыханием, шептал Александр, и Карина переставала понимать, о чём там бормочет Николас.

-- А ты же сам пьёшь донорскую кровь, -- еле слышно проговорила Карина и почувствовала лёгкое прикосновение клыков к мочке уха.

-- Да, мррр... я пью в том числе и донорскую кровь, согласись, ведь вместе с кровью живых существ в нас попадает частица их силы... а это так приятно, когда живое существо... само... дарит тебе...

-- Ох...

Карина не могла больше сдерживать себя. Она тоже склонила голову на плечо другу -- нащупывая клыками его сонную артерию.

Рука Александра медленно гладила её волосы, уложенные в аккуратную причёску.

Возможно, в другой момент и другой лектор и обратил бы внимание на то, что парочка на самом последнем ряду лектория занята вовсе не его увлекательным докладом, но близорукий ван Дарейн слишком уж увлёкся перспективами, открывающимися перед вампирским сообществом вместе с распространением донорской крови.

Карина резко втянула в себя воздух. На какой-то миг ей показалось, что она чувствует запах Александра, но нет -- то были всего лишь воспоминания.

А вот Акакием пахло, да ещё как!

Лебедева метнулась к двери. Запах усилился. Им тянуло с улицы!

Вот чего ей только не хватало, так это соседа Мерзлихина! Конечно, покупая квартиру в этом доме, она ещё не знала о существовании этого Акакия, но... ну только бы он не был её соседом!

Карина осторожно выглянула в глазок.

Тишина, темнота.

Аккуратно, стараясь действовать бесшумно, открыла дверь. В щель хлынул ночной воздух, щедро расцвеченный ароматами соснового леса, Акакия и зоопарка. Тут же что-то загрохотало, сверху, с самой крыши, посыпалось вниз, и Карина сочла за лучшее поскорее закрыть дверь.

Что-то манило её посмотреть в дверной глазок.

Ночное зрение позволило увидеть, как по лестнице спускаются три фигуры.

Обоняние помогло опознать в них Акакия, Степанищева и ле Ружа. Сдержанность и истерический тихий смех не получилось, да Карина и не очень-то старалась.

Всё-таки, похоже, этот самый Акакий -- её новый сосед! Ну что, прикажете теперь снова квартиру менять? Да ни за что!

Вон, Надя только-только нашла себе новых друзей... кажется. Да и до работы добираться просто, дворами, минуя пробки... нет, Акакий. Мы с тобой уж как-нибудь разберёмся.

Запах Акакия, залившийся в квартиру, дразнил и раздражал, вызывая желание сорваться, догнать и выпить досуха этого странного вампира.

Карина облизнулась и отправилась на кухню за пакетиком крови.

Акакий уложил друзей спать на диване и раскладном кресле в зале. Селестина развлекала их на сон грядущий светской беседой о былых временах, когда о донорской крови можно было только мечтать, цивилизованных вампиров жгли на кострах, обвиняя в колдовстве, а дикие всячески компрометировали образ вампира в сознании человека...

Мерзлий вывел компьютер из спящего режима.

Н-да.

Сколько часов он был онлайн на сайте, и что? Каких-то десять посещений? Когда это такое бывало-то... да никогда такого не бывало, чтобы в блоге Акакия ни посещений, ни обсуждений!

Мерзлий сцепил пальцы, вывернул руки над головой, потягиваясь, и сам себе скомандовал:

-- Приступим!

"05.05.XX.

вернее, уже

06.05.XX -- час ночи!

Милый Дневник!

Я не могу уснуть, или я не могу проснуться, но кой же фиг мне разница, если я наконец-то понял, как мне действовать, чтобы добиться благосклонности Карины! Нужные мысли сами собой всплывают в моей голове. Я знаю, что делать. Итак, план Б. Фаза первая начинается завтра!"

Телестудия "Шарм" занимала весь третий этаж большого девятиэтажного дома. Съёмочный павильон, в котором под чутким руководством Заболонского трудились трое друзей, состоял из трёх сообщающихся между собой комнат. Центральная, самая большая -- операторская, представляла собой средоточие техники. По бокам от неё располагались две комнаты чуть меньших размеров, казавшиеся совсем маленькими из-за декораций и камер. В одной писали утренние развлекательные сюжеты, в другой вечерние расслабляющие беседы.

Приближался час записи утреннего новостного блока, уже переоделись "в боевое" и прицепили микрофоны дикторы, Даша-гримёр бегала с пудреницей от Даши-диктора до Паши-диктора, Паша-диктор вяло переругивался с засевшим в операторской Вольдемаром -- Заболонский, сам метросекс, ревновал свою внешность ко всем симпатичным юношам. В случае с Пашей это было оправданно, потому что Паша принадлежал к числу счастливых людей, щедро одарённых богом не только красотой, но и умом. Красота, которой распоряжаются с умом -- страшная сила!

Акакий поправлял камеру, разравнивал провода, утекающие в операторскую. Он чувствовал себя пауком, сидящим в центре паутины. Чувствующим, как вибрируют под лапами тонкие ниточки.

Вот Рауль, заметив, что Карина остановилась поболтать с операторами на расстоянии около метра, обращается к помощнику:

-- А ты уже видел Изабеллу?

-- Нет, -- отвечает помощник, потому что иначе ответить просто не может.

-- Я тоже, -- непринуждённо подхватывает Рауль. -- Но говорят... м-м-м... говорят, что она просто бесподобна!

Теперь, по идее, помощник оператора должен вспомнить о последней бесподобной даме, попадавшей ему на глаза, и уточнить:

-- Ты про Карину?

Акакий обращается в слух и слышит почти то же, что и представлял:

-- Ты про Лебедеву, что ли?

-- О, нет! Карину мы все уже видели, она недавно перевелась к нам на студию из "Сарматов". А я говорю о девушке Мерзлихина, Изабелле.

Акакий расслышал недоверчивый возглас помощника:

-- Чего? Девушка Мерзлихина -- Светка!

-- Была Светка, -- тихо смеётся Рауль. -- А стала Изабелла... я видел её пока только на фото, и, ты знаешь, горю желанием увидеть живьём!

(Карина вслушивается, естественно, вслушивается в разговор, но Рауль уже откатал свою показательную программу, и теперь выход Степана).

Вот Степан, нагруженный ворохом папок и скрученных плакатов, пробегает мимо операторской -- и Акакий даже видит его тень -- и кричит вслед напарнику:

-- Сев! Сева!

-- Ая?

-- Ты видел?

-- Кого-чего?

-- Изабеллу!

-- Кого?!

-- Ясно, не видел! Блин, я видел! Видел! Я только что видел! Сееееваааа... держи меня и мои плакаты! Ты бы видел! У неё ноги во! У неё талия во! А бюст! А глаза! Но бюст круче!..

(И Карина вслушивается, и в Карине разгорается любопытство -- что же такого в этом Акакии, что с ним дружит некая супер-пупер-Изабелла!)

Акакий чуть выдвинул и облизал клыки.

Пока всё хорошо так складывалось в соответствии с планом Б. Что ж, может, он сработает -- раз уж план А, приглашение на экскурсию по городу, с треском провалился.

Под вечер уже Вольдемар Заболонский, лично, подходил к Акакию осведомиться, нельзя ли познакомиться поближе с его новой подружкой Изабеллой.

Мерзлихин скромно опускал очи долу и ехидно улыбался. Нет, нельзя ли. Нет, с какой стати Вольдемар считает Акакия обязанным сводить его со своей невестой. Да, а что тут такого? Невестой! Нет, дело не в Карине. Нет, ничего личного.

Бабушка Селестина встретила внука яростной проповедью, темой которой был запрет выходить на крышу.

-- Ты в курсе, что там вчера ночью был какой-то большой зверь? Лев, не меньше! И его растерзали, разорвали на куски, сегодня с крыши снимали ошмётки мяса!

Акакий глупо улыбался и чесал затылок.

Значит, ему не померещилось, и на крыше действительно было какое-то зверьё.

Глава 6.

Незаметно, день за днём, пролетели три недели. Только что было пятое мая -- и уже опа! Двадцать пятое!

Акакий гипнотизировал счётчик посещений в блоге.

За прошедшую неделю его посетили всего девятнадцать человек. Слыхано ли дело, блог вампира -- и такая нулевая популярность! Бабушка Селестина, не раз пытавшаяся выяснить причину нервности и грусти любимого внука, даже посоветовала ему публиковать в блоге рецепты праздничных салатов с красивым оформлением, схемы вышивки крестиком, фотографии с телескопа Хаббл...

Акакий же отмахивался.

С недавних пор дневник стал для него местом, куда он один за другим вписывал планы по завоеванию Карины.

План А провалился. План Б не сработал. План В оказался невыполнимым. План Г был, собственно, тем, чем назывался. План Д вызвал у Карины недоумённый взгляд, и только. План Е не на шутку рассмешил её, но не помог воплотить в жизнь план Ё -- основанный именно на том, что Карина будет весела и несерьёзно настроена.

К плану Ж Акакий готовился три дня, и чуть не расплакался, когда в конце третьего Карина подошла к нему и надела на голову ватманский лист, наколотый на деревянную рамочку. В связи с этим план З пришлось отменить.

Когда планы И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х и Ц один за другим провалились всего за каких-то семь дней, Мерзлихин отчаялся. Бабушка Селестина, чтобы развеять внука, организовала настоящий праздник. Приглашёнными гостями стали Рауль и Степан, и к концу вечера сам собой придумался план Ч.

Праздничного запала хватило на то, чтобы успешно организовать и провалить планы Ш, Щ, Твёрдый знак, Ъ, Мягкий знак, Э, Ю и Я.

Целые сутки Акакий провёл в настоящей депрессии. Он не пошёл на работу, сказавшись больным, и выпил двухмесячную норму донорской крови.

Утром его душил страшный сушняк, и, проторчав около часа в ванной, жадно глотая прямо из-под крана ледяную воду, Акакий приступил к составлению плана А-1.

Не сработал.

Б-1, кстати, тоже.

Светочка была, в принципе, не настолько глупой, насколько её считал таковой Акакий. Ей даже хватило сил и гордости не бегать за Мерзлихиным, не выпрашивать у него внимания, жалости, снисхождения. Но, вот странное дело, она -- любила его, этого странного вампира со странными манерами, странной внешностью и архистранным подходом к жизни.

Она хотела ему добра, поэтому взялась помогать в завоевании Карины, вот и теперь уговорила принять самое что ни на есть деятельное участие в общественной жизни.

Конкурс красоты, запущенный в жизнь Озолотиным, незаметно разросся во всеобщее награждение всех и за всё, потому что телестудия "Шарм" вот-вот должна была отметить своё двухлетие.

Власий Васильевич намекнул Акакию, что он заработал звание "Гранд-Оригинала Шарма" и что было бы вовсе даже неплохо привести на день рождения студии ту красотку, о которой было столько разговоров. Мерзлихин, призвав на помощь всю свою природную изворотливость, таки-вывернулся. Ему предстояло заняться воплощением в жизнь плана Д-1.

План Д-1, собственно, и был планом пригласить на день рождения "Шарма" Карину Лебедеву, но, как на зло, она совершенно исчезла из поля зрения Акакия. Он больше не видел её "Мазерати", он не встречал её в коридорах, не видел её тени, не слышал даже отзвуков её голоса. Окольными путями удалось выяснить, что у неё творческая командировка, которая закончится ко дню рождения студии.

Акакию всё меньше нравились высокомерные взгляды, которыми его встречал и провожал Вольдемар Заболонский.

И -- совершенно не нравилось, что удалось выяснить про всех, кто и кого приводит на праздник, кроме Вольдемара. Да, можно было присоединяться к сальным

шуточкам Стёпы (он более чем прозрачно намекал, что метросексуализм Заболонского перерос в однополюе страсти), можно было поддерживать ле Ружа в отстранённой пофигистичности (какая разница, с кем придёт Вольдемар, ведь важнее, кого приведёт Карина!) Но почему-то тревожно и зябко дрожало что-то в груди, путало мысли и вызывало всё большее беспокойство.

День Икс, то есть, день двухлетия "Шарма", праздновали на широкую ногу. Озолотин решил для начала собрать весь бомонд столицы в коридорах студии, коридоры под это дело устелили коврами дорожками, устали икебанами, увешали воздушными шарами и ёлочными шариками с логотипами компании. На праздник пригласили модные музыкальные коллективы, всех, кто за эти два года принял участие в съёмках передач... народу набилось столько, что просто яблоку негде было упасть. Впоследствии планировалось переместиться на "окончательные торжества" в залы соседнего ресторана, благо, для того, чтобы в него попасть, всего-то нужно было спуститься на первый этаж.

Акакий накануне внезапно изобрёл для себя карнавальный костюм. Он и ле Руж отвозили приглашение руководителю студии исторического костюма "XIX+XXI". Пока Рауль очаровывал хозяйку студии, Галочку, Мерзлихин пошёл между стеллажами, разглядывая развешенные на плечиках костюмы и обряженных по всем правилам манекенов.

С чёрной пластиковой шеи одного из них свисал небрежно брошенный платок.

Акакий медленно пропустил его между пальцами. Потом повязал изящным узлом на манекене. Потом стянул с манекена, пробрался к большому, в рост человека зеркалу и повязал платок себе, уже другим узлом. Рауль продолжал рассыпаться в шутках и реверансах, а Мерзлихин один за другим присваивал предметы туалета манекенов.

Цветной жилет. Потом другой жилет. Нет, сначала всё-таки белая рубашка с кружевами, а потом -- жилет. Шейный платок. Синий сюртук с подбитой ватой грудью и пышными у плеча рукавами. Цилиндр...

-- Вау!..

Пропетый дуэтом возглас вернул Акакия к реальности. Он встретился взглядом с джентльменом в зеркале и удивился тому, как здорово синий сюртук сочетается с джинсовыми шортами.

Галочку не пришлось даже упрашивать, чтоб она одолжила на день исторические костюмы. Она сообразила, что это будет лишняя реклама её студии. Вот теперь и встречали гостей Акакий и Рауль в приталенных сюртуках и Светочка с Галочкой в корсетах, пышных юбках, меховых боа и с расшитыми лентами и кружевами зонтиками. Причёски девушек представляли собой настоящие произведения искусства!

-- Ах, Акакий! Если б вы только согласились сбрить эту ужасную бороду!.. -- кокетливо крутила зонтиком Галочка.

Мерзлихин нервно улыбался и молчал, оглядывая прибывающих гостей.

Разумеется, он высматривал среди них всего одну, единственную, неповторимую -- Карину.

Не было на празднике жизни и Вольдемара. И, чем дольше отсутствовали Заболонский и Лебедева, тем мрачнее становился Акакий. Хоть бабушку Селестину и не посещали больше предчувствия, ему казалось, что добром этот день не закончится.

И точно.

Самому лютomu врагу, самому злейшему своему недругу Мерзлихин, может быть, и пожелал бы такой участи. Но уж точно не себе! Но...

Что он мог поделать, если Карина, красавица Карина, любовь всей его жизни, его ночная грёза, его мечта вошла в разукрашенный коридор, придерживаясь за локоть Вольдемара Заболонского?

В первый миг Акакий даже не понял, что происходит. Улыбнулся, шагнул навстречу и отвесил поклон, соответствующий одеянию. Увидел, оценил, осознал, впитал и навечно впечатал в память огненный образ Карины -- алые губы, алый свет в глазах,

струящееся алое платье, переливающиеся радужными бликами кудри, рассыпающиеся по белым мраморным плечам, и длинная, стройная нога в разрезе платья, и лёгкое пламя шарфа вокруг нежной шеи, так манящей отчётливо проступившими артериями...

А потом... это было как удар об асфальт при падении с крыши двадцатипятиэтажного дома. Акакий падал. Акакий знал, с чем сравнивает.

Изящная рука Карины, украшенная идеальными алыми ногтями, легонько придерживалась за локоть Вольдемара!

Карина улыбалась и смотрела куда-то мимо Акакия. Она, в который уже раз, проходила мимо него!

Просто -- мимо. Как будто его тут и вовсе не было.

Что было потом? О, потом Мерзлихин нахамил Светочке и Галочке. Вызвал Рауля на дуэль. Заработал затрещину от Степана. Осознал себя в компании Паши-диктора и Севы. Поставил фингал Паше. Схлопотал пощёчину от Севы. Прибился к компании уборщиков, распивающей пиво литрами. Смассовал их на какой-то невероятный рейд по ночной Москве...

Глава 7.

Стёпе и Раулю недолго удалось сохранять обиду на друга. Они же прекрасно понимали, чем вызвана его агрессия -- и, кстати, не понимали, зачем Карине было приходиться под ручку с Заболонским, если в коридорах студии она очень скоро прилюдно опустила его, парой кратких фраз обрисовав характер и манеры Вольдемара, с которыми лучше и не прикидываться частью нормального общества.

Мысленно поаплодировав Лебедевой, Степанищев и ле Руж отправились на поиски Акакия.

Куда его могло занести?

-- Мне кажется, что он потащит их на крышу, -- сказал Степан.

-- Да ладно, -- не поверил Рауль. -- После того, как нас там... э-э...

-- Ну... -- засомневался Стёпа, но ле Руж продолжил свою мысль:

-- ...после того, как мы там попали в переделку... всё-таки да, у него сейчас как раз такое настроение, в котором он захочет пережить заново...

Степан фыркнул:

-- Тогда чего же мы ждём?

Лица новых друзей выплясывали перед глазами дикие пиратские танцы. Акакий прекратил попытки запомнить, кого и как зовут, усвоив новую норму обращения "эй, ты! Да не ты, а ты!" Его совершенно не напрягало, что и сам он тоже стал "эйтыем". Вокруг фантастической каруселью всё быстрее крутилась Москва. Прыгали, мелькали, мчались вскачь улицы, переулки, дома, афиши, витрины...

Видимо, ноги сами вынесли Акакия к родному дому, сами привели на родную крышу. Развлекать новых друзей вампирскими клыками надоело ещё час назад -- они смирились с неизбежным и перестали пугаться острозубой улыбки, а пугать тех, кто тебя не боится, неинтересно.

Крыша же, определённо, впечатляла. Царившие там тишина, темнота и покой ярко оттеняли буйство стремительно пьянящей компании.

Акакий разорил свой тайничок и в два глотка высосал полтора литра крови, умудрившись при этом перемазать случайную девицу, которую заботило содержимое его высоко аутентичных, покроя XIX века, брюк, и ни капли не пролить на белоснежную рубашку. А где сюртук? Где синий, двубортный, шикарный?!. Нету, нету... потерян! Утерян безвозвратно! А где платок? Где шейный, белоснежный?.. а, нет, вот они, и сюртук -- на

полноватом коротко стриженном пареньке, и, похоже, уже лопнул подмышками. И платок, платок перетягивает талию сбрызнутой кровью девахи...

Голову начинало сдавливать, пока ещё аккуратно и бережно, с висков. Акакий знал, что закончится это дичайшей головной болью, но что он мог поделать? Ничего. Ждать. Терпеть. В конце концов, эта жуткая ночь тоже когда-нибудь закончится. И после кошмарного сушняка, когда вдруг захочется выпить всю воду на этой планете, непременно наступит облегчение.

Ну и что, что его так назвать можно будет только с большой-большой натяжкой.

-- А теперь, друзья мои! -- взывал Акакий к мрачному, затянутому тучами небу.
-- Теперь давайте праздновать новый год! Что нам, привыкать, что ли, праздновать!

-- В лесу родилась ёлочка, -- дурашливо затянули сразу несколько голосов.

Висящая на Мерзлихине девица капризно заныла:

-- Раз новый год, то где же ёлочка? Где ёлочка, где подарочки? Где мой сладкий подарок, мой сладкий шалунишка?..

-- Вот вам ёлочка! -- провозгласил Акакий, стряхивая с себя девицу и обнимая антенну. -- Вот она, нарядная! На праздник к нам пришла! Ой, а где ж её наряд, бусы и хлопушки?

Чьи-то руки привязали к антенне полосатый свитер, отдалённо напоминающий костюм Фредди Крюгера. Другие руки привязали женскую блузку. Оглянувшись, Мерзлихин попытался понять, кто из его случайных спутниц лишился верхней половины гардероба, но перед глазами всё плыло.

Защёлкили вспышки камер телефонов. Кто-то ставил Акакия то левее, то правее, кто-то укладывался у его ног, якобы для того, чтоб войти в кадр, а на самом деле мгновенно засыпая на месте.

В какой-то момент Мерзлихину показалось, что народа определённо стало больше, но откуда бы взяться народу на крыше? На его любимой крыше...

Резкий запах, острый, напоминающий о зверинце, ударил в нос, мгновенно выдувая половину хмеля.

Акакий подобрался.

Да, народу прибавилось. И все прибавления были одеты в спортивные костюмы -- а вот этого блондина Мерзлихин определённо уже видел!..

Отшив Заболонского, Карина некоторое время, минуты две или даже три, посвятила попытке осознать, зачем пряталась от Акакия и зачем приняла приглашение Вольдемара пойти на праздник вдвоём. Ведь изначально же хотела привести своего Серёженьку! Серёженька был просто лапочка, и Карина с нетерпением ждала конца учебного года, когда можно будет отправить Надю к папе, а самой посвятить всё своё время выстраиванию отношений с новым мужчиной. Вдруг он -- именно тот, кто сможет хоть как-то, хоть чем-то заменить ей Александра?!

А тут этот Заболонский... побрали б его черти вместе с его дурацким приглашением... а ещё этот Акакий...

В какой-то момент Карине показалось, что она попала в прошлое. Это было неприятно и даже болезненно, видеть взгляд Александра на лице идиота с заплетённой в косу бородой. Однако, как на нём сидел костюм!

Карина замечталась.

Всё-таки было что-то в этом Акакии такое... странное, непонятное. Тревожащее, будоражащее... вот бы его побрить! Постричь! Причесать! Спаси!

Стоп.

Кого спасти? От кого спасти?

Карина не стала крутить головой в поисках попавшего в беду Акакия -- что-то, что было сильнее неё, тянуло её на выход.

Она не побежала бегом. Предприняла многоходовую операцию по усыплению

бдительности сотрудников и гостей праздника и... испарилась в направлении, не известном даже ей самой.

Сегодня Карина не брала "Мазерати" -- Вольдемар подвёз её на своём "шевроле". Машинка была так себе, как и сам Заболонский, но речь не об этом. Ведь теперь Карине предстояло рассчитывать только на свои ноги!

Да, обутые в стильные туфли на шпильке и платформе одновременно. В таких только бегать, разыскивая где-то в большом городе ещё большего идиота.

Не долго думая, Карина расстегнула ремешки, вытащила из клатча пакетик с логотипом Пако Рабана и доверила любимые алые туфельки от Версаче пакету конкурирующей фирмы. Ха-ха!

Впрочем, было особо не до смеха, разве что нервного.

Расслабившись, насколько это было возможно, Карина отдалась течению ощущений, влияний, призывов, запахов, тянущих то туда, то сюда... кажется, покинув праздник, Акакий направился... туда. Пройдя несколько шагов, Карина поняла, что на самом деле ей до дикости хочется домой!

А как же спасение Акакия? Ведь ему же сейчас плохо.

Но ведь и Акакий живёт в одном доме с Кариной, только парой этажей ниже. Кто знает, может, ему стало плохо дома!

Ага, перепил крови, а в сочетании с поганеньким пивком она дала непредсказуемую реакцию, и бедного, бедного вампира теперь пучит! Карина пыталась подбодрить себя такими мыслями, но получалось плохо.

Раньше она никогда не чувствовала на расстоянии другого человека. Или вампира. Кроме своей дочери, Нади. Кроме её отца, Скорпиона.

Кроме своего любимого, Александра, память о котором до сих пор не даёт спать ночами...

По лестнице Карина уже не бежала -- почти летела, перепрыгивая за раз по пролёту.

Там, наверху, что-то рычало, гремело, словно на крыше дома свирепствовало торнадо, с корнем вырывающее антенны и сдирающее с людей кожу. Ведь правда же, не могут так визжать люди, если с них живьём кожу не сдирать!

И вдруг всё стихло.

Вылетев на крышу, Карина от неожиданности замерла на миг.

Всё было в порядке. Никто ни с кого ничего не сдирал. Просто стояли плечом к плечу два спортсмена, один из них каждое утро бегал под окнами Каринино дома, и лежали, вжимаясь в покрытие крыши, человек пять -- та самая компания, с которой уходил Акакий с праздника -- да два вампира, Степанищев и ле Руж.

Сам Мерзлихин, пошатываясь, стоял на полусогнутых, размахивая руками и выкрикивая ругательства и призывы:

-- Ну вы! Кролики! Ценный мех! Выходи по одному! Всех урою!

Карину он пока ещё не заметил.

Спортсмены вежливо поздоровались с Лебедевой. Теперь её увидел и Акакий.

Он упал на колени и пополз, простирая к ней дрожащие руки, пачкая брюки:

-- Свет очей моих! Карина! Ты пришла ко мне! Я спасу тебя от этих монстров! Дай мне шанс!..

-- Встань, -- негромко приказала она, и Мерзлихин тут же вскочил, не забывая отряхнуть коленки.

-- Да! О, да! Я готов! Приказывай! Хочешь, прыгну с крыши?!

-- Хочу, чтоб ты перестал нести ересь и пошёл домой. Понял?

-- Д-да... -- неуверенно протянул Акакий, оглядываясь на спортсменов и на лежащих ровным рядочком людей. -- А... а как же...

-- Тут разберутся и без тебя. Идём.

Карина протянула руку, взяла Акакия за локоть... словно разряд тока! Словно порыв обжигающего ветра! Словно...

Словно они оба испытали одно и то же от этого простого прикосновения.

Глава 8.

Надя снова где-то шастала. На сей раз смс-ка гласила: "я в ожоге с таней, димоном и толей ночью у тани буду после школы".

-- Ну я тебе покажу "после школы", -- скрипнула зубами Карина, вталкивая в дом Акакия.

Что-то, что было сильнее неё, заставило её привести Мерзлихина не к нему домой -- а к себе.

Понять, что же она испытывает по отношению к этому Акакию, Карина никак не могла.

Любопытство, интерес? Конечно. Интерес, влечение?..

Возможно.

Отправив Мерзлихина мыться, Лебедева кружила по комнате, раскладывая по полочкам мысли.

Любопытство, интерес и влечение -- это ещё не повод приводить домой совершенно постороннего человека, пусть даже и напоминающего внешне другого человека. Мало ли, кто кого напоминает!

Минута за минутой укатывались в прошлое, настоящее проскальзывало где-то между вдохами, а будущее пряталось за горизонтом, по одному выпуская вверх солнечные лучи: на востоке небо становилось всё светлее.

Мерзлихин вышел из ванной, зябко кутаясь в махровую простыню, щедро выделенную Кариной на благие цели. Одежду свою, явно позаимствованную в какой-нибудь реконструкторской или театральной студии, он аккуратно разложил и развесил в ванной комнате.

Карина с интересом отметила, что Акакий успел замыть особенно сильно загрязнённые участки брюк и даже почистить рукава сюртука (его она сама только что сдирала с какого-то толстячка).

Молчание сначала казалось вполне органичным. Не должны же двое взрослых людей друг перед другом оправдываться или там извиняться за причинённые неудобства, если сами, по доброй воле, решили провести вдвоём некоторое время.

Потом молчание стало слишком уж сильно затягиваться. Карина достала одноразовую пилку для ногтей и принялась подпиливать и без того идеальные ногти. Акакий замер, как птенец перед удавом, заморожено наблюдая за движениями пальцев Карины. А потом нервы Акакия сдали.

-- Какого хрена ты меня к себе притащила?! -- заорал Мерзлихин, и Карина выронила пилку, изумлённо распахивая глаза.

Этот взгляд, исполненный непонимания, подействовал на Акакия как таран. Смял, опрокинул в глубины мягкого кресла.

-- Почему, почему, -- бормотал Акакий, закутываясь в простыню, как в кокон, -- почему ты смотришь на меня как на прокажённого, Карина? Почему ты на меня вообще не смотришь? Почему я для тебя -- пустое место? Почему я для тебя меньше, чем пустое место? Что я тебе сделал, за что ты со мной так?

Карина подобрала пилку с пола. Присела рядом с Акакием -- на край дивана. Только теперь заметила, что всё ещё в алом праздничном платье. Отметила, что в уютных домашних стенах среди бежево-коричневатых и приглушённых тонов это платье смотрится нелепо и неуместно.

Вздыхнула. Отвернулась.

-- Я... не могу тебе объяснить, Акакий. Это... сложно. Понимаешь...

-- Нет. Не понимаю.

-- А должен. Ты... ты очень похож на одного... мужчину. Он был... такой же, как ты, но совершенно, понимаешь, абсолютно... не такой. Понимаешь?

-- Нет. Не понимаю.

-- А придётся понять, иначе... иначе нам, и правда, не о чем разговаривать. Понимаешь?

Уже готовая услышать очередное обиженное "нет, не понимаю", Карина удивилась тихому признанию:

-- Понимаю. Я люблю тебя, Карина.

Внезапная волна нежности к этому Акакию, совершенно не похожему на Александра и в то же время такому знакомому и родному, подхватила Лебедеву и закачала где-то высоко над землёй, там, где миром правила память, крепкая, вампирья память, бережно хранящая все взгляды, улыбки, прикосновения Александра...

Они смотрели друг на друга, тонули во взглядах, растворялись и таяли, забывая, кто они, где они, чего хотят от этой жизни. Таким естественным казалось, что жизнь у них отныне, с этой минуты, будет одна на двоих, и в ней самым большим счастьем станет -- касаться друг друга, сливаться в бесконечном поцелуе...

Боже! Карина отшатнулась, зажимая рот руками.

Как?! Не может быть! Она только что сама поцеловала этого Акакия?!?

Акакий перестал понимать, что происходит, ещё тогда, когда сбежал с праздника. А уж когда на крыше появились сначала спортсмены, потом кролики, потом Рауль и Стёпка, потом вдруг, внезапно, как молния среди ясного неба -- Карина! Карина в огненном платье, Карина, как сполох пламени, Карина... что он говорил? Что он делал? Он не помнил, только хотел, чтобы жизнь остановилась, и вечно длилось это мгновение -- рука Карины на его руке, бегущий по венам ток, ясный свет любимых глаз...

А потом была вода.

Вода была тёплой. Смывала грязь -- с тела и с души. Несла покой. Прочищала мысли. Акакию казалось, что не только его волосы вплетаются в струи душа, но и все извилины в мозгу промываются, углубляются, электрические связи между аксонами и дендритами приходят в норму, и всё проще и проще думать обо всём, что случилось в жизни за последние месяц-полтора.

Собственно, что случилось?

Он влюбился. Он попробовал добиться взаимности от любимой женщины. Он потерпел поражение. Много раз подряд потерпел поражение! Сдавался и принимался снова, с чистого листа, строить планы, ухаживать... и всё время за ширмой внешней неприступности чудилась ему в Карине ответная страсть, ни в чём не уступающая его собственной.

И вот оно! Разве нужно другое подтверждение, кроме этого поцелуя?

Их губы коснулись друг друга несмело, робко, словно и он, и она опасались, что всё это мираж, что прикосновение разрушит прелесть и очарование, что закончится сладкий сон...

Не зря опасались. Не успел Акакий толком поверить в свалившееся на голову счастье, как оно уже и махнуло хвостиком, разбивая вдребезги драгоценное золото долгожданного мгновения.

Карина стояла, пламенея платьем на фоне белоснежной органзы штор, и отчаянно тарасила в испуге красивые, карие глаза. И зажимала рот, словно боялась, что, стоит убрать руки, и губы тут же вернутся к губам Акакия.

Он яростно зарычал, понимая, что мгновение счастья осталось в прошлом.

-- Мы... -- глухо, сквозь руки, выговорила Карина, -- мы не должны, Акакий, мы

не имеем права... Мы не можем! Понимаешь?!

Последние слова она выкрикнула, опуская руки, стискивая в кулаки тонкие пальцы.

-- Нет. Не понимаю.

Квартира Карины была прямо над квартирой Акакия, только двумя этажами выше. Когда он уходил от неё, во дворе собирались машины -- скорой помощи, милиции, пожарные... бабушка Селестина встретила его в компании Рауля и Стёпы. Они решили, что подождут друга дома, раз уж он исчез с крыши не один, а в компании Карины.

-- Ну? -- с надеждой вглядывался в Акакия Стёпка.

-- Как? -- сопереживал Рауль.

-- Что вообще происходит?! -- негодовала Селестина, которой никто не спешил рассказывать, что случилось.

-- Спокойно, -- выставил ладонь в успокаивающем жесте Мерзлихин. -- Спокойно. Ничего страшного нет.

"Хорошего, впрочем, тоже", -- добавил он мысленно и уполз к себе в комнату, переодеваться.

Глава 9.

Карина не пошла на работу. Позвонила Озолотину, извинилась, что убежала с праздника, но сослалась на плохое самочувствие.

Кажется, ей не поверили. Кажется, ей грозила новая порция слухов о личной жизни ведущего специалиста компании "Шарм" Карины Лебедевой, её верного друга Вольдемара Заболонского и, чем чёрт не шутит, вдруг ещё и Мерзлихина Александра?

То есть, Акакия...

Всё-таки он был очень похож на Александра -- внешне. Только глаза чуть светлее, а волосы темнее, и кожа смуглая, ни грамма аристократической бледности. А внутренне... Там, где Александр невольно вызывал ассоциации с тигром-альбиносом, с шикарным снежным барсом, могучим белоснежным львом -- там Акакий казался тощим линяющим кошкой в возрасте около полугода. Уже не котёнок, но ещё не кот!

Почему-то вспомнилось вдруг, как однажды Карина набралась смелости и спросила Александра, кого же он любит, её -- или Изабеллу?

-- Ты не понимаешь, Александр! Ты не понимаешь, ты же заставляешь меня страдать!

Александр осторожно сжал её пальцы и бережно прикоснулся к ним губами. Острая боль, граничащая с блаженством, пронзила тело девушки.

-- Понимаю. Я люблю тебя, Карина.

Если какую-то секунду назад она готова была расплакаться от горя, то теперь на глаза наворачивались слёзы радости.

Он любит -- её!

-- А Изабелла? -- против собственной воли проговорила Карина. -- А её ты...

-- Ну что ты, -- Александр снова поцеловал её пальцы. -- Там... другое. Просто я не могу сейчас всё тебе объяснить. Ситуация, в которую я попал... она такова, что я не могу... не могу подвергать тебя опасности. Я, уже тем, что говорю тебе о самом существовании этой ситуации -- уже этим я могу причинить тебе вред.

-- Но Александр! Расскажи, в чём дело! Я помогу тебе!

-- Ты не сможешь, Карина. Ты же знаешь, обстоятельства бывают сильнее нас, и сейчас я вынужденно столкнулся именно с такими обстоятельствами.

-- Но хотя бы намекни! Я клянусь, я не скажу никому-никому!

-- Ни даже лучшей подруге Изабелле? -- грустно улыбнулся Александр.

-- Ни даже ей! -- горячо заверила Карина.

Александр обнял её за плечи. Долгое время или краткий миг -- сколько они простояли молча, дыша друг другом и не в силах надышаться?

-- Если ты уверена... -- Александр медленно гладил волосы Карины.

-- Да! Да, уверена!

-- Если ты не боишься... разочарования...

-- Нет! Нет, не боюсь!

-- Тогда... я всё равно не смогу рассказать тебе многого. Но хотя бы, как ты и просила, намекну. Ты помнишь лекции Николаса? -- Александр не ждал подтверждений от Карины, продолжал. -- Помнишь, как он говорил о донорской крови? Ты знаешь, что не все вампиры согласны с заданными критериями цивилизованности, что существует заговор с целью захвата власти над людьми?

Карина испуганно ахнула:

-- Да как же...

-- ...вот поэтому я и не могу сейчас ни назвать тебе имена тех, кто соболезнует заговору, ни... ни даже просто продолжить то, о чём начал говорить. Поверь, это всё ради тебя. Ради того, чтоб тебя никто не тронул. Я не могу поступать так, как велит мне моё сердце, потому что мой разум велит уберечь тебя от...

Он не договорил. Карина отчаянно, изо всех сил, обхватила Александра за талию, прижала лицо к жилету, к обтянутым шёлком пуговицам.

-- Александр! Давай уедем! Давай уедем вдвоём, только ты и я, и никого больше! И как можно дальше! Хочешь... в Китай! В Африку! На озеро Чад!

Он тихо-тихо смеялся и продолжал гладить её волосы, и как-то так, без слов, одним молчанием и жестами сумел объяснить, что любит её. Очень. Что рад бы убежать с нею вместе хоть на край света! Но... есть обстоятельства, есть такие обстоятельства...

Акакий проснулся и первые несколько минут не мог понять, где он, что с ним. Перед глазами теснились обрывки то ли недавней яви, то ли давних сновидений.

Солнце стояло уже едва ли не в зените, поэтому Мерзлихин сделал вывод: на работу сегодня идти уже не за чем, а если его до сих пор не подняли звонком, значит, начальство на работе и вовсе ещё не появлялось.

В соседней комнате о чём-то тихо переговаривались бабушка Селестина, Рауль и Стёпка. Акакий чувствовал себя виноватым перед ними, и позволил себе ещё несколько минут провести в постели, составляя пламенную и проникновенную речь, которая заставит их простить ему все грехи. Когда же речь была, наконец, готова, и он вышел с покаянным видом в зал, его встретили улыбки и приглашение на дневной кофе.

-- Ребята, -- тихо позвал он друзей, когда на дне чашечки осталась только гуща, гадать на которой желания не было абсолютно никакого. -- Ребята, а вы знаете, она живёт двумя этажами выше. Прямо там.

Он указал пальцем вверх и наслаждался зрелищем Стёпки и Рауля, синхронно утыкающих носы в потолок.

Им не нужно было даже спрашивать, кто это -- она. И так ясно же, что Карина.

-- А давайте её подкараулим! -- прошептал Степан, не отрывая взгляда от потолка.

-- А давайте, -- серьёзно кивнул Акакий. -- Я готов прямо сейчас идти и караулить.

-- Предлагаю выставить посты у подъезда и на лестнице, пролёт вверх и пролёт вниз, -- деловито предложил Рауль. -- Сверим часы, переведём мобилы в режим вибрации, и в путь! Чур, я вон туда, видите, там рябина и под ней сирень, меня там видно не будет, а я буду смотреть, кто входит. Сброшу звонки, когда увижу Карину...

-- Мальчики мои, что вы задумали? -- поинтересовалась бабушка Селестина,

раскуривая трубку.

-- Потом расскажу, бабушка! -- на ходу обнял и расцеловал её Акакий, и они с друзьями отправились по местам.

Рауль засел в кустах, как и собирался. У него просто поразительно получалось сливаться с местностью и становиться совершенно незаметным. Степан отправился на лестницу пролётом ниже этажа, где была квартира Карины, а Мерзлихин вжался в стену на пролёте, ведущем вверх. Затаил дыхание и закрыл глаза, обратился в слух, пытаясь уловить звуки за тяжёлой дубовой дверью.

Сначала звуков не было. Никаких. Потом вдруг заработал лифт, прогрехотал вниз, а потом вверх... нет. Остановился на Каринином этаже.

Из лифта выплыла девочка. Девушка. При виде неё у Акакия перехватило дыхание -- на миг показалось, что это Карина, только чуть ниже ростом, но нет. Это была не Карина.

Девочка потянулась, зевнула и... нажала кнопку звонка в Каринину квартиру!

Акакий спрятался за угол.

Голос Карины:

-- И как это называется?

Голос -- почти как у Карины, только чуть менее глубокий, совсем юный:

-- Но я же прислала тебе эсэмэску!

-- Но я не разрешала тебе оставаться на ночь у Тани!

-- Так я и не была у Тани!

-- Что?! А ну быстро в дом!

Хлопнула дверь, и Акакий выглянул из своего укрытия.

Озадаченно потёр лоб.

Что, получается, у Карины... дочка?

-- Стёп, -- сбежал Мерзлихин по ступенькам, перепрыгивая через две-три. -- Стёп, ты представляешь! Я только что придумал план К-1! Пошли к Раулю!

Они быстренько выбежали на улицу, и Акакий, приплясывая на месте и размахивая руками, кричал шёпотом, чтоб не услышала Карина:

-- Я придумал! Я знаю, что делать! Я уверен! Это будет план, который сработает, вот увидите! Она не сможет мне отказать!!!

Бабушка Селестина так и не дождалась от внука внятного объяснения происходящему. Впрочем, ей, обладающей достаточной долей проницательности, косвенных фраз и случайных оговорок хватило, чтобы понять: женщина, в которую влюбился Акакий, живёт прямо над ними, через этаж, у неё есть взрослая дочка и дочке отводится роль рычага управления действиями женщины.

Попыхивая своей знатной трубочкой-цветком, Селестина любовалась совсем уже летними закатами, слушала стрижей и думала, что не подает и вида, что уже обо всём догадалась.

Зачем Акакию знать, что за его спиной незримым ангелом-хранителем всегда будет стоять любимая бабушка? Зря, что ли, она последние лет этак тридцать ждёт, когда же он восстановится окончательно, когда, наконец, проснётся его память... Не прорвётся случайно наружу повязанным на шею платком или галантными поклонами, а полноценно проснётся.

Акакий городил ерунду, выплетая совершенно дикие рассказы о каких-то летних командировках, Селестина кивала, пускала колечки дыма и втихомолку собирала чемоданы.

И снова Часть I. Антисумерки. Окончание.

Глава двадцать четвёртая. Свет в конце тоннеля.

Первой мыслью стала мысль о том, что я просто обязана была в этот день умереть. Хоть как-нибудь. Хоть от чьей-нибудь руки. И то, что меня убил Эдик -- в высшей степени правильно.

Но вторая мысль была о том, что ни фигя не правильно -- умирать вообще, а от руки горячо любимого человека -- так и тем более!

Эта вторая мысль, такая жгучая, такая обидная, не дала мне наслаждаться тишиной и покоем, заставила вернуться в мир звуков.

-- Сайга! -- восхищённо восклицал... Мэйсон? Ну да.

-- Карабин "Сайга"! -- вторил ему Борода.

-- Карабин "Сайга", калибр семь и шестьдесят две, -- меланхоличный голос, кажется, принадлежал тому вампиру, который всё просил, чтоб ему дали показать мне настоящую боль.

Ой блин, и зачем только я о ней вспомнила!

Она тут же решила вернуться и полоснула огненными когтями по груди, замешав ощущения и звуки в бешено вращающийся калейдоскоп.

Я застонала, и мамин голос перекрыл всё:

-- А ну, тихо! Наденька в себя приходит.

Стоп. В кого я прихожу? Я разве не умерла?

-- Нет, малыш, ты и не могла умереть, -- сказал папа, и оказалось, что он сидит на земле, моя голова лежит у него на коленях, а последний вопрос я вообще задала вслух.

Тело ощущалось очень зыбко и как-то непрочное.

Грудь болела просто зверски.

Вращение калейдоскопа замедлялось, и вскоре я смогла открыть глаза и увидеть склонённые ко мне встревоженные лица -- мамы, Эдика, тёти Вали, Волков, Веры и даже кроличью морду Филя, который снова не смог перекинуться обратно.

-- Сейчас станет легче, -- погладила мою чёлку мама. -- Сейчас, минутку, и всё будет хорошо.

Я попробовала ещё раз пошевелиться, и поняла, что мне, действительно, уже стало лучше.

Значит, скоро вообще полегчает.

Папа помог мне сесть, и тут же на землю рядом со мной опустился Эдик. Он стоял на коленях, протягивая ко мне руки, и не решался прикоснуться. И я видела, что по его щекам текут слёзы.

-- Наденька... ты простишь меня? Пожалуйста! Я больше не буду!

-- А больше и не надо! -- ехидно прокомментировал Косичкобородец, и я не увидела, но услышала, как мама от всей души отвесила ему подзатыльник.

-- Уже простила, -- шёпотом сообщила я Эдику, и он, наконец, решился взять меня за руку.

Чуть потревоженная движением, боль в груди снова вцепилась в меня, и я стиснула зубы крепче. Склонила голову, пытаясь разглядеть рану, но увидела только чёрно-бурое пятно. Подняла руку, попробовала коснуться точки, в которой сконцентрировалась боль, но пальцы провалились в черноту... меня передёрнуло.

Н-да. Интересно, "семь и шестьдесят две" -- это в каких единицах измерения?

Судя по тому, как глубоко мои пальцы вошли в рану, явно в сантиметрах!

-- Зачем... -- прошептала я, -- зачем ты взял ружьё?

Эдик понял, о чём я его спрашиваю, но решил уточнить:

-- Это... это карабин...

-- Хорошо... зачем ты взял карабин? Только не надо про его марку и калибр,

скажи, зачем, и всё...

-- Я... -- даже моё теневое ночное зрение, смазывающее цвета, не помешало увидеть, как сильно покраснел Эдик. -- Я хотел, как лучше. Я же слышал, что тут творилось, и подумал, что одна ты с ними не справишься. Взял из машины карабин и пошёл... тебе на помощь.

-- А вообще, вы оба были здесь абсолютно лишними, -- мягко проговорила мама, присаживаясь рядом со мной.

Мерзлихин сразу же постарался вклиниться между нею и папой. Она игриво стрельнула глазами и свела идеальные брови к переносице:

-- Сейчас Наденьке станет легче, и мы пойдём собираться. Я забираю её с собой! В Москве не бегают по улицам идиоты с карабинами, не досаждают никакие бородатые придурки... кто знает, может быть, я даже успею вынуть из петли Серёжу! Мне от него пришли уже пятнадцать смс-ок.

-- В Москве, -- примиряющим тоном сказал папа, -- полно придурков с обрезам, пневматикой, газовыми пистолетами, просто баллончиками, всякими финками, кастетами и так далее, и так далее. В Москве в любое время суток можно нарваться на обкуренных, обколотых, пьяных неадекватов. В Москве прямо у подъезда может сбить купивший вчера права водитель. В общем, спокойно в Москве... езжай, Карина, но я уверен, что Наде больше нравится здесь. Верно?

-- Верно... -- шепнула я.

-- Это всего лишь потому, что она влюбилась в какого-то мальчика! -- в голосе мамы прорезались угрожающие нотки, и я вступилась за Эдика:

-- И вовсе не в какого-то! В нормального, хорошего мальчика!

-- Надя, поверь, мальчиков в твоей жизни будет ещё миллион!

-- Мне не нужен миллион, мне нужен Эдик!

-- В общем, так. Сейчас мы идём домой, а утром уезжаем, понятно?

-- Понятно, -- отступилась я.

Всё равно до утра ещё надо было дожить.

Мне стремительно становилось лучше, и я вполне могла дойти до дома сама, вот только папа решил отнести меня на руках. Эдик бы с удовольствием взял эту функцию на себя, но он всё ещё хромал и боялся, что упадёт вместе со мной.

Позади нас шли мама и Акакий.

-- Карина, позволь мне быть рядом с тобой.

-- Не позволю.

-- Карина, разреши мне хотя бы просто...

-- Не разрешу.

-- Но ты же ещё не дослушала!

-- И слушать не желаю.

-- Карина, ты нужна мне больше жизни.

-- Враньё.

-- Карина!..

-- Акакий!..

-- Карина! Я...

-- Акакий, ты чуть не довёл меня до нервного срыва. Ты уже довёл до нервного срыва мою дочку. И, между прочим, это по твоей вине у неё в груди дыра!

-- Её уже почти нет, а глотнёт крови -- и вовсе затянется!

-- Но сейчас она -- есть, и виноват -- ты.

-- Я не стрелял в неё!

-- А Эдик стрелял -- в тебя! Значит, ты виноват в том, что он подстрелил Надю.

Я перестала вслушиваться в их беседу и поймала на звук сбивчивое дыхание своего любимого.

Он был так близко -- и в то же время так далеко! Я не могла обнять его, поцеловать... да, обнимала папу и никто не мешал целовать его, но это же всё не то, совершенно.

И настораживало то, что мама серьёзно вознамерилась уехать из Фролиц и меня забрать.

О, ещё неделю назад я бы всё отдала за то, чтобы она приняла такое решение! Но теперь, когда я больше всего желала остаться во Фролицах если не навсегда, то до тех пор, пока здесь живёт Эдик... Нет. Я не смогу уехать в Москву.

Я вцеплюсь в свой дом, в свою комнату руками и ногами, зубами ухвачусь и -- никуда не поеду! Да, в прошлый раз моё нежелание куда-либо ехать не спасло от поездки, но ведь теперь же всё иначе. Теперь не идёт речи о моих прихотях, а только о том, что без Эдика я умру.

Оказалось, что меня нелегко завалить даже из ружья... хорошо, из карабина, по мне -- так никакой разницы. Но никакого ружья не нужно, чтоб я умерла от тоски без любимого человека.

-- Побриться. Постричься. Помыться. Переодеться, -- строго перечисляла мама то, что должен был сделать Косичкобородый монстр. -- И вот когда ты придёшь ко мне чистый, бритый, стриженный, в нормальной одежде, тогда я посмотрю, стоит ли мне вообще с тобой о чём либо разговаривать. Если же нет, пеняй на себя. Я уже сказала.

А зря я перестала слушать, о чём они говорят! Теперь не буду знать, что такого сказал Акакий, что мама решила дать ему шанс.

Возле самого дома нам с Эдиком удалось уговорить папу, чтобы он позволил мне идти самостоятельно.

Первые шаги дались трудно, зато окончательно улетучилось ощущение нереальности тела. Даже удалось понять, что лёгкая дрожь в мышцах никак не связана с ранением: просто я давно уже столько много не бегала, сколько за этот долгий-долгий день.

По телу от головы до пят и обратно прокатывались волны усталости, но я довольно-таки бодро добралась до своей комнаты на втором этаже. Даже не воспользовалась ни одним из предложений помощи, поступивших поочерёдно от мамы, папы, Эдика, тети Вали и даже "сладкой парочки". Когда Фил успел снова стать человеком, я так и не углядела.

Двигалась я всё легче. Собрать полотенца, мочалки и комплект свежей одежды оказалось значительно проще, чем ожидалось. А принять душ -- вообще легче лёгкого.

Сделав воду погорячее, я старательно смывала с себя все переживания, накопившиеся за день -- и правда, каким долгим он получился! Даже не верится! Смывала сгустки крови с груди. У меня раньше никогда не было таких тяжёлых телесных повреждений, поэтому скорость заживления раны не переставала удивлять. Кожа выравнивалась прямо на глазах!

Любимый гель для душа, "зелёный чай", пах сегодня особенно приятно. Я сняла душ со стойки, прикрыла глаза... и внезапно вспомнила, что так пахнет вовсе не мой гель для душа, а Эдик!

Похоже, я уже полностью пришла в норму, потому что в следующую секунду пинком открывала в дверь, одновременно закручиваясь в широкое полотенце.

Эдик тёр лоб, сидя на полу у двери.

Ага. Всё-таки шишке -- быть!

-- И что это ты тут делаешь? -- ласково пропела я, осознанно копируя мамины интонации.

Мой любимый в который уже раз покраснел до корней волос и жалобно сложил бровки домиком:

-- Наденька, прости меня, пожалуйста! Я больше не буду!

Я прикусила язык, чтобы не повторять слов Акакия о том, что больше и не нужно. Помогла Эдику встать.

-- Как нога?
-- Терпимо.
-- Ты за мной подглядывал?

Неожиданно ясный взгляд без тени смущения поразил меня в самое сердце. Ага, туда же, куда не так давно попала пуля.

-- Нет. Я не подглядывал. Я любовался тобой. Ведь я люблю тебя, Надя.
Это была моя очередь краснеть.

Кажется, у меня покраснели даже пальцы на ногах.

У меня не находилось других, новых слов, чтобы самой себе рассказать, как же он прекрасен, и чтобы объяснить ему, как сильно люблю его -- я, и поэтому молчание затягивалось.

-- Наденька! Эдик! Ну где вы там! У нас уже всё стынет! -- раздались крики с кухни.

-- Э... если ты не против, Эдик, я пойду... оденусь.

Он промычал что-то невнятное, и, уже закрывая дверь в ванную, я доверительно сообщила ему:

-- Я тоже люблю тебя, солнышко!

Если бы только мы были одни в доме -- о! У этой ситуации могло бы быть совсем другое продолжение... но, увы, когда мы спустились вниз, оказалось, что гостей в доме прибыло.

На нашей кухне стало тесно оттого, что появился новый предмет мебели -- шикарное инвалидное кресло, населённое очаровательной бабушкой, чем-то похожей на миссис Хадсон из фильмов про Шерлока Холмса... не то на самого Шерлока Холмса. По крайней мере, трубка у неё была, да ещё какая!

-- Здравствуйте!

Она первая обратилась к нам, и мы с Эдиком пролепетали в ответ что-то невразумительное. Кроме нас и этой бабушки на кухне были ещё папа, мама, тётя Валя, Фил, Вера и Вольф.

Почему-то мама выглядела... расстроенной? Удивлённой, напуганной? Готовой то ли плакать, то ли смеяться...

Да, когда мы вошли, эта странная бабушка в кресле что-то говорила. Может быть, мамино состояние было связано с её словами?

-- Меня зовут Селестина, -- сообщила между тем бабушка, умудряясь каким-то непостижимым образом одновременно говорить и пускать дым колечками. -- Я так понимаю, вы и есть Наденька и Эдинька, верно?

Эдинька поперхнулся от такого поименования от совершенно постороннего человека, а я почему-то даже не удивилась, только кивнула:

-- Ну да.

-- Извините меня, дети мои, я должна была сначала дождаться вас, а потом уже говорить, но так получилось... -- напевный голос Селестины как-то так гармонично завершал её образ, так располагал и внушал доверие, что мы с Эдиком синхронно нащупали себе по табуретке и раздвинули кольцо собравшихся вокруг стола людей, вампиров и оборотней.

От бабушки Селестины пахло вампиром. Обычным, нетравоядным.

-- Дети мои! -- я поняла, что так Селестина обратилась на этот раз не только ко мне и Эдику, но ко всем присутствующим. -- Думаю, настало время ответить на тот вопрос, который не принято задавать дамам. Хотя вы и не спрашивали, я отвечу: мне скоро исполнится тысяча лет. Да-да. Скоро минет десять столетий, как я копчу это небо, ха-ха. За это время я успела испытать многое, пережить многих... Я любила -- меня любили. Предавали меня, предавала я, мир устроен так, что в нём постоянно, из века в век, из поколения в поколение, повторяется одно и то же, одно и то же. Поверьте, вообще жить -- скучно. А вот долго жить, как, например, я... интересно. Но не будем отвлекаться от темы.

Колечки дыма перемежали слова Селестины.

Гробовая тишина оттеняла каждое слово, и было заметно, что бабушка старательно подбирает их, составляет, прикидывает, сможет ли выразить ими всё то, что мрачным огнём светилось на дне прозрачных, бледно-зелёных глаз.

-- Я уверена, что вы все понятия не имеете о том, как устроен этот мир, -- жёстко заявила она, и мне на миг показалось, что это сказал совершенно другой человек, а не тот божий одуванчик, что только что напевно вещал о былых временах и закольцованных нравах. Но нет, это была всё та же Селестина.

-- Возможно, иногда вы догадываетесь о том, что происходит. Особенно сейчас, когда расстояния теряют своё значение, границы обретают новые смыслы, а люди становятся сильными настолько, что получают возможность конкурировать с нами, вампирами! С вами, оборотнями! Лично мне всё равно, насколько сильны стали люди. Главное, мы, вампиры, получили возможность спокойно жить, не привлекая к себе внимания с их стороны. Однако всегда были, есть и будут те, кого не устраивает мир на этой планете, вернее, не устраивает расстановка сил в нём. Им хотелось бы, чтобы люди превратились в кормовую базу для нас, вампиров. А с вами, оборотнями, проведена была бы такая война, после которой вы не претендовали бы на другую роль, кроме домашних животных... да. И такие... представители нашей расы всегда готовы стереть в порошок любого, кто осмелится встать на их пути.

Селестина надолго умолкла. Может быть, собиралась с мыслями.

Но, может быть, просто давала нам время осознать сказанное.

У меня, например, почему-то никак не получалось. Вроде бы, всё понятно сказано и правильно, да только как-то уж слишком... нереально. Неужели кого-то из вампиров -- из нас! -- может не устраивать то, что с паспортом и удостоверением он может пойти в ближайшую аптеку и взять там, просто взять, бесплатно, столько крови, сколько ему нужно?!

-- Всякое действие вызывает противодействие. У каждой палки есть два конца. И, если на одном конце стоят те, кто видит в людях просто пищу, то на другом конце те, кто видит в людях партнёров, равноправных партнёров, способных дать не только кровь, но и... мысль. Творческий импульс. Силу развития. И всегда эти два противоположных полюса находятся в противоборстве, противостоянии. И иногда это противостояние доводит их до крайних мер. Карина... я знаю, что Александр способен был промолчать и не сказать тебе, кто он и чем он занят -- исключительно для того, чтобы оградить тебя.

Мама вскинулась, напряглась всем телом, и я видела, что имя "Александр" значит для неё очень, очень много.

-- Александр Тьерри едва ли не сто лет провёл в плену у маразматиков, считавших, что за ним стоит могущественная организация, направлявшая его действия. Им в голову прийти не могло, что Саша узнал о них случайно и боролся с ними в одиночку. К сожалению, к огромному моему сожалению, я узнала историю его жизни не так давно, всего каких-то тридцать лет назад. Я нашла его совершенно случайно, и когда я нашла его, он... можно сказать, он практически умер. Около пятнадцати лет мне понадобилось для того, чтобы вернуть к жизни его тело. И вот уже тридцать лет, как пытается вернуться к жизни его душа.

По щекам мамы текли слёзы. Я понимала, что она понимает, о чём говорит Селестина.

Мне казалось, я тоже понимала.

И, кажется, уже знала, кто такой этот Александр Тьерри.

Эпилог. Никаких событий!

Конечно же, никуда мы утром не уехали: мама увидела Акакия и передумала.

Я тоже увидела Мерзлихина и мгновенно поняла, что больше не смогу называть его Косичкобородцем, Косичкобородым монстром и даже просто монстром... по крайней мере, пока.

Акакий выполнил все требования мамы и сделался совершенно другим человеком. Поневоле верилось, что Селестина рассказала о нём правду и ничего кроме правды.

Оказалось, его волосы, если их аккуратно подстричь и вымыть, будут песочно-русыми, овал лица без дурацкой бороды станет волевым и уверенным, а кожа после душа расстанется с парой килограммов грязи и значительно осветлится.

А глаза у него оказались голубыми. Просто раньше на фоне грязных кожи и волос смотрелись слишком уж бесцветными.

Мерзлихин... или его уже нужно было называть Тьерри? Он старательно мёл хвостом перед мамой, и я видела, что все его стрелы попадают в цель. А мне одна за другой приходили смс-ки от дяди Серёжи, и с каждым новым посланием ситуация всё более усугублялась.

Сначала он жаловался на недостаток внимания. Потом уверял, что уже открыл газ в духовке и вложил в неё голову. Следующим ходом была подготовка к прыжку из окна. Затем он вернулся к единожды сработавшей тактике: заявил, что уже стоит на стуле, сунув голову в петлю. Когда и это тоже не помогло, дядя Серёжа сочинил смс о том, как он стал неупокоенным духом, требующим отмщения, и с помощью телекинеза и полтергейста отправляет это послание... а я даже не могла от души посмеяться над выкрутасами истеричного дядьки. Одной как-то не смеялось, мама была занята Акакием, папа с помощью тёти Вали и Волков сколачивал какие-то странные, если не сказать стрёмные конструкции на стоянке для автобусов, Вера дрессировала Фила, да так старательно, что мне уже казалось, что я сама могу обернуться кроликом. Вдох, вдох, вдох! Бегом! Кувырок! Белый кролик кувыркался через голову с места, с разбегу, подпрыгивая в воздух... и всё равно оставался кроликом. Бабушка Селестина попыхивала своей шикарной трубкой и каталась в инвалидном кресле по Фролищам в окружении свиты из местной малышни. Таких сказок, какие рассказывала Селестина, здесь раньше не слышали даже маленькие оборотни!

Я, сославшись на лёгкое недомогание, которого не было и в помине, ходила из угла в угол по своей комнате.

Эдик был со мной всю ночь, всё утро, он завтракал вместе с нами. Он ушёл домой какой-то час назад, а я уже сходила с ума от разлуки!

Нет, так дальше дело не пойдёт.

Мы созданы друг для друга. Мы должны быть вместе!

-- Надя! Надя!

Полный отчаяния голос Гара выдернул меня из построения радужных планов о том, как и что мы с Эдиком предпримем для того, чтоб не расставаться ни на минуту.

Я высунулась в окно:

-- Привет! Чего хотел?

-- Поговорить хотел!

-- Ну... говори.

Игорь расхохотался, и я вздохнула:

-- Ну ладно, подымайся ко мне сюда.

Повторять приглашение не потребовалось. Парень в мгновение ока вбежал в дом, проскакал на второй этаж и даже забыл постучаться, прежде чем войти в мою комнату.

Я жестом предложила ему на выбор кровать или стул, но он решил выбрать пол под окном. Плехнулся там, складываясь острыми углами в локтях и коленях.

-- Надя, я понимаю, что мои вопросы могут быть несколько не ко времени, но всё же скажи мне, я сошёл с ума?

-- Если ты про существование оборотней и вампиров -- нет. Ты в своём уме. Я вампир, Ключевы тоже, Вера и Фил -- оборотни.

Игорь нервно засмеялся:

-- А я? Я кто?

-- А ты -- человек.

-- А кто ещё?

-- Кто ещё -- что?

-- Ну, кто ещё люди? А кто оборотни? Кто вампиры?

-- Ну, Гар, я вряд ли смогу дать ответ на твой вопрос! Я же тут почти никого не знаю.

Он снова хохотнул:

-- Твой папа?

-- Человек.

-- Волки?

-- Это вопрос?

-- Нет, но я хочу знать!

-- Узнаешь. Со временем.

Игорь сгрёб волосы на лицо и пробурчал из-за кудрявой занавески:

-- Я всё понимаю, Надя, вот только ты не в состоянии понять меня и снизить до моего... состояния, да, пожалуй, допустим эту незначительную тавтологию в мою и без того путанную и бессвязную речь...

Несмотря на то, что только что изъяснялся едва ли не морзянкой, Гар был верен себе и снабжал речь большим числом наворотов.

-- Да, ты прав. Я не в состоянии понять, чего ты от меня хочешь.

-- Уже ничего, -- с горечью выговорил парень, и, раздвинув руками волосы перед лицом, посмотрел на меня так, словно его сейчас уведут на расстрел.

Я подошла к нему ближе.

В конце концов, я же была виновата перед ним. Я же флиртвала с ним, использовала его в своих целях. Поиграла и выбросила.

То есть, поступила точно так же, как по меньшей мере с сотней ребят до него. Эта мысль заставила меня поморщиться. Я вообще не понимала себя недельной давности! А тут ещё воспоминания о том, как мне нравилось флиртовать, заводить пачки поклонников и разбрасываться ими!

Ведь я же изменилась.

Мне же теперь нужен всего один человек.

Да, и он с минуты на минуту вернётся! А у меня тут, видите ли, гости сидят...

-- Игорь, может быть, ты... пойдёшь? -- предложила я, и он прищурился:

-- Что, человеки -- неподходящая компания для могучих вомперов и лекантропов?

Я ответила очень доброжелательной улыбкой:

-- Что ты! Подходящая. Но, понимаешь...

И тут поняла я: Игорь не в курсе событий вчерашнего позднего вечера. Он же пошёл к себе, когда у нас началась основная заварушка!

-- Понимаешь, Гар, я вчера... слегка устала, поэтому мне... скверно сейчас. Давай мы с тобой обсудим как-нибудь в другой раз... э-э... то, что ты хотел обсудить.

-- Хорошо, -- кивнул он, поднимаясь с пола всё теми же ломаными резкими движениями. -- Хорошо. Я очень надеюсь на то, что у нас с тобой периодически будет появляться время для бесед... мне искренне жаль, что... что всё оказалось так, как оказалось.

И он ушёл, а я осталась ждать Эдика, без конца поглядывая на часы.

Вот уже полтора часа, как он отправился к себе, пообещав, что вернётся сразу же... то есть, в течение получаса.

Ожидание было мучительным. Наверное, раньше мне просто никогда не приходилось так долго ждать! А теперь я ждала, ждала, ждала, и кроме ожидания ничего не

могла найти в своей душе. Не могла ни о чём больше думать, только о том, как увижу Эдика после этой невероятно долгой разлуки... и о нашем будущем.

О, будущее!

Нам будет очень хорошо жить вместе среди величественных сосновых боров, ходить в гости к моему папе, к Арсению Михайловичу, ездить в Москву к маме -- конечно, предварительно узнав, не увёз ли её на Мальдивы или там в Сочи некто Александр-Акакий! Возможно, со временем нам удастся примирить травоядных вампиров и кроликов-оборотней -- ведь здесь столько зелени, что хватит на всех! Я была уверена в том, что, например, Вере, Филу и Эдику найдётся, о чём поговорить, если они откажутся от дурацких предрассудков. Мало ли, кто на каких сказках вырос! Я, вон, на "Аленьком цветочке"...

Ёлки-палки! Но правда же! Обожала сказку о том, как красна девица влюбилась в чудовище -- и пожалуйста, взяла и влюбилась. Ведь нельзя поспорить с тем, что вампир, пусть даже травоядный -- это самый настоящий монстр.

-- Боль уйдёт, переломы срастутся... -- зазвучал вдруг живой и тёплый голос Эдика, и я сразу вспомнила кувшинки, пахнувшие любовью всей моей жизни.

-- Ветер крылья наполнит, как прежде! -- продолжал Эдик, и я таяла в волнах нежности его голоса.

-- И тогда до любви от надежды

Непременно дороги найдутся...

Я смотрела на него из окошка, и ветер колыхал белые занавесочки, и Эдик -- воплощение элегантности, хоть на нём и были всего лишь тёмно-синие джинсы и белоснежная футболка -- протягивал ко мне руки.

-- Иди ко мне!

Разве могла я устоять?

Нет, конечно! Не задумываясь ни на миг, перемахнула через подоконник и ласточкой слетела на руки к Эдуарду Ключеву. Он закружил меня, благо, никаких деревьев поблизости не оказалось, и мои ноги ни обо что не цеплялись.

Мы сидели на скамейке под аркой благоухающих клематисов, но их запахи не могли сравниться с ароматами крови Эдика. Мы целовались до головокружения. Мы о чём-то говорили, сбивчиво, но увлечённо, и я больше не пыталась читать его мысли.

-- Я буду рядом с тобой всегда, -- клялся Эдик, и я вторила ему:

-- Я никогда тебя не оставлю!

-- Я люблю тебя больше жизни! -- шептал он мне на ухо, и я ловила губами его ухо:

-- Я готова расстаться с жизнью ради тебя!

-- Я не отдам тебя -- никому! -- обжигающе-страстное дыхание Эдика превращалось в волны жара, катящиеся по всему телу.

-- Я не взгляну ни на кого, кроме тебя!..

-- Кхе-кхе.

Я подпрыгнула на месте от неожиданности, нарушая клятву и разглядывая Игоря, но отстраниться от Эдика не дало кольцо его рук. Я ощутила его настоящей каменной стеной, через которую ко мне не пробьются не то, чтоб какие-то там "кхе-кхе", но и пули.

Разве что сам Эдик решит ещё раз подстрелить меня.

-- Прошу покорнейше меня извинить, ежели помешал вдруг чему, -- Гар постарался накачать в голос столько ехидства, что оно пузырилось и искрилось в каждом звуке.

-- Извиню... потом как-нибудь.

Эдик постарался стать ещё более ехидным. Получилось!

-- Ничего, как-нибудь потом я это переживу. Меня послали к вам наши общие друзья, попросили передать, что такое видели только по телевизору в рекламе кока-колы...

Эдик больше не удерживал меня, он встал со скамейки вместе со мной.

Мы вместе, держась за руки, вышли к стоянке автобусов, где уже сворачивался

палаточный городок "Эмобойзов", а там...

-- Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит... -- гулко пел за моей спиной Игорь.

От палаточного городка и насколько хватало видимости по дороге на Дзержинск стояли фуры, грузовики и автобусы.

-- Что это?! -- удивился Эдик.

-- Не знаю... но догадываюсь, -- покаянно ответила я.

-- Веселье приносит и вкус бодрящий! Праздника вкус всегда настоящий! -- подоспевший Фил и Гар вдвоём трясли воображаемыми мараками и приплясывали.

-- Э... Эдик... мы тут... э-э... в общем, похоже, у нас тут будет праздник.

И всё было так, как я того хотела почти неделю назад.

Были палатки с мороженым и охлаждёнными напитками вдоль берега Луха, был концерт эмо-рок-группы "Эмобойз", было показательное выступление байкерской стаи Вольных Волков -- и мой папа вместе с ними выделял головокружные трюки, бабочкой порхая с одной деревянной городушки на другую, -- были цыганские, испанские, восточные танцы от коллектива "Аллегро", и даже Фил сплясал для нас ирландскую чечётку, поразительно преобразившись на время танца... была дискотека, к которой присоединились, похоже, почти все жители Фролищ, и выступления бардов -- доморощенных и приезжих, и здесь уже блистала талантами Вера... качались на волнах и таяли в песке мириады свечей... мама и Акакий-Александр проводили конкурсы для всех желающих, а их было просто немеренно, папа и тётя Валя развлекались с моим телефоном, ведя переговоры с дядей Серёжей... местные девчонки радостно гоняли за солистами и музыкантами "Эмобойзов", а те купались в лучах всеобщего внимания... бабушка Селестина нашла себе дедушку из мугреевских оборотней... и всё время со мною рядом был Эдик.

И чем темнее становилось небо у нас над головами, тем сильнее меня мучило желание выпить его крови.

Он был так близко, что я постоянно ощущала тепло его тела.

Его руки так часто прикасались ко мне, мы так часто сливались в поцелуе, что глоток его крови -- один единственный глоток! -- казался самым логичным завершением вечера.

Взгляд Эдика, глубокий, пронзительный, кружил голову. Я задыхалась. Его дыхание становилось чаще. Моё -- тоже.

-- Укуси меня... -- прошептал он, и я не поверила своим ушам.

-- Укуси меня, любовь моя! -- повторил Эдик.

Я почувствовала, что краснею.

Обняла его. Прильнула губами к его напряжённой шее. Ощутила биение пульса.

И в небо над нашими головами взвились многоцветные фейерверки.

17 августа 2010 - 8 января 2011.

Зябрева Юлия. "Антисумерки. Блог вампира".

